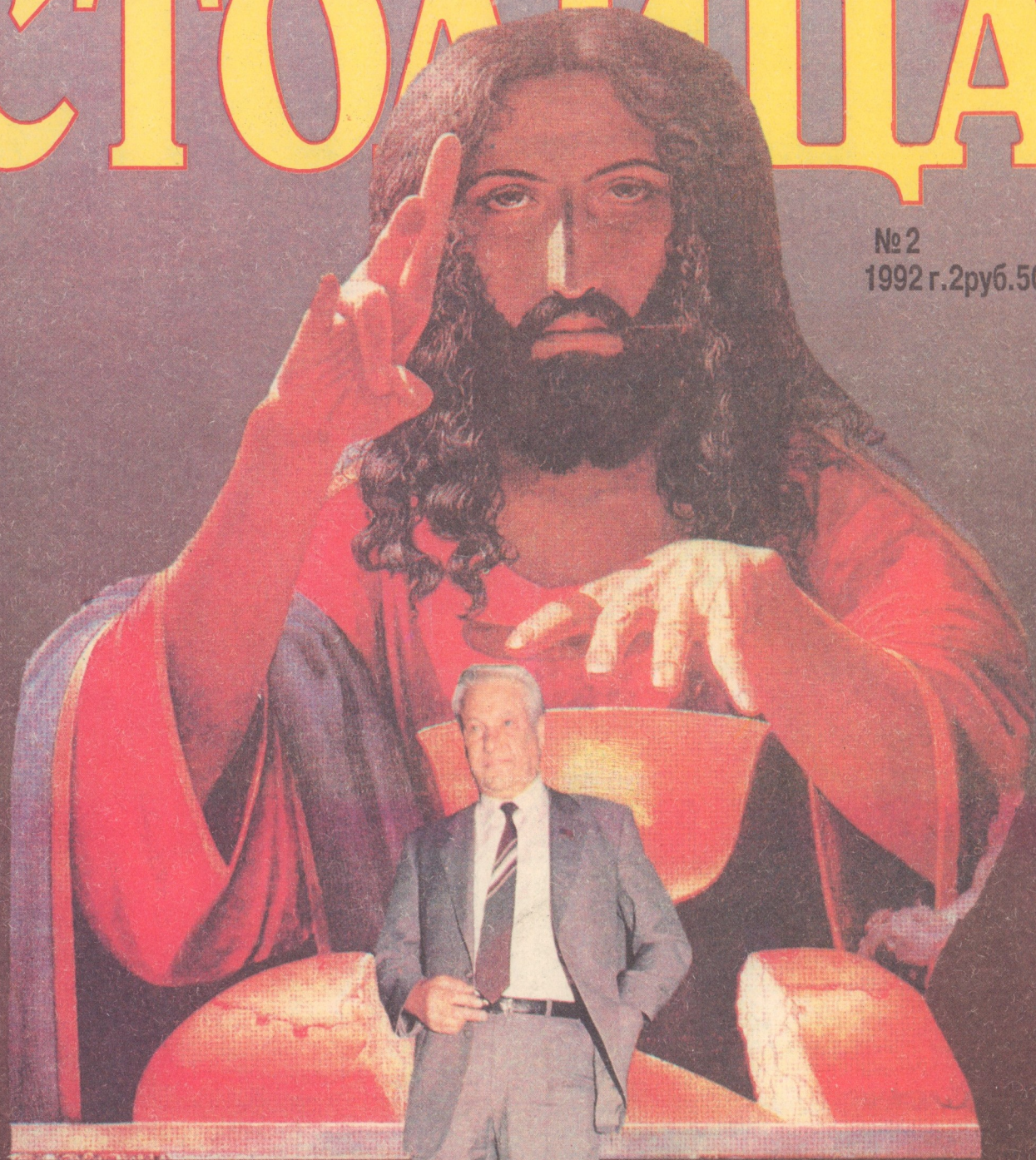

СТОЛ ИЩА

№ 2
1992 г. 2руб. 50коп

**Господи,
благослови
Россию!**

С
К^о

ОТ ДЕНЕЖНОГО ХАОСА — К СТАБИЛЬНЫМ ПРИБЫЛЯМ!

Уважаемые господа!

Если Вы не хотите терять время на финансовые операции — к Вашим услугам А/О открытого типа ExNet-Банк, создающий новую оригинальную банковскую сеть, позволяющую моментально обслуживать Клиентов Банка независимо от географических и политических границ.

Банк, созданный на основе финансовой группы ExNet, предложит самые выгодные услуги своим Клиентам. Подписка на акции продолжается до 31.01.1992. Стоимость одной акции (за наличный расчет) — 50 тысяч рублей; стоимость минимального пакета акций по безналичному расчету — 150 тысяч рублей.

Уставной фонд Банка — 100 миллионов рублей.
Гарантированный дивиденд — 25%.

Наши телефоны:
(095) 255-97-31,
325-16-34
Факс: (095) 255-97-29

Адрес ООО "Саттаров и
К^о": 123557, Москва, Малая
Грузинская, д. 52А, к. 54.

**МЫ ПРИГЛАШАЕМ ВАС К ВЗАИМОВЫГОДНОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ. ГОСПОДА!**

**Александр
КАМЕНСКИЙ**

ЭКСПЕРИМЕНТ

В 1971 году
горы
сворачивали
взрывами.
Ядерными.

Не все уже помнят сегодня страсти, кипевшие вокруг проекта канала Печора — Волга.

И уж совсем мало кто знает, что, в то время как одни еще только доказывали необходимость этого строительства, а другие объясняли огромный потенциальный вред масштабного воздействия на природу, третьи плюнули на сомнения и засучили рукава...

Кто-то, сидя за столом в кабинете с высокими потолками, взял красный карандаш и соединил жирной линией две

десять третьем году, когда еще не очень хорошо представляли всего, что выбрасывает эта штука при взрыве. Шел март одна тысяча девятьсот семьдесят первого года.

А неподалеку от той горки находились два поселка. Один — в семнадцати километрах, второй — в двадцати двух. С жителями. Детьми и взрослыми. Гражданами. Советскими.

Думаете, им сказали, что за штуку взорвали? Как бы не так!

Никто не предупреждал людей о том, что нельзя не только собирать грибы и ягоды в лесу, но даже приближаться к проклятому котловану! А жители собирали, все так же выходили на промысел охотники и рыбаки, благо, что тогда еще бегали звери в лесах и в реках водилась рыба. И заключенные двух местных колоний все так же продолжали вырубать леса.

И сегодня люди живут там же и так же. Едят то, что выдадут по талонам, работают, женятся, рожают детей, умирают.

А на месте горки сейчас водоем длиной семьсот пятьдесят метров, шириной — триста пятьдесят.

Только в 1990 году (почти через двадцать лет!) по требованию местных депутатов, журналистов, общественности в эти места приехала экспедиция того института, что проводил здесь радиологические измерения в марте семьдесят первого года. Члены комиссии посмотрели на окрестности. Поговорили с жителями. Успокоили. Говорили, что взрыв был давно, что если и была когда-то радиация, то сейчас ее нет, живите, мол, спокойно и не думайте ни о чем. Но...

Дело в том, что почти вся земля в Пермской области пронизана пустотами, в том числе и район, где проводили «эксперимент». В сотне километров от места взрыва находится одна из самых больших карстовых пещер. Она так велика, что еще и не изучена до конца. А вообще пещер, больших и маленьких, здесь сотни!

Слагающая порода тут — известняк, он же, как известно даже школьнику, хрупок, легко растворяется водой, разрушается ветром. Потому иная речушка может тут скрыться под землю с одной стороны горы и показаться на поверхность с другой.

Кто даст гарантию, что из проклятого котлована вода не попадает в реку Колва, а оттуда — в Каму, из Камы в Волгу? Не потому ли, в частности, начали в свое время исчезать волжские осетры, камские хариусы и таймени?

Можно долго рассуждать и гадать о вероятных последствиях «эксперимента». Оценить их масштабы в состоянии только эксперты, и мне бы хотелось, чтобы эта экспертиза была назначена судом. И чтобы на суде прозвучал ответ

голубые нитки на разложенной карте. Коротким движением руки обозначил русло будущего канала. Наверно, глядя на карту, он представлял мощные потоки чистой воды, наполняющей живительной силой среднеазиатские пески, где в пустыне распустится множество коробочек хлопка и на прокаленных солнцем лицах дехкан расцветает улыбка... Турбины камских и волжских ГЭС получат новый импульс, начнут крутиться еще быстрее, и по проводам побежит энергия, подталкивая поезда, валы прокатных станков и колеса троллейбусов... Идиллическая картина!

Но черкнуть карандашом еще не значит построить.

Для того чтобы вода, тысячи лет спешившая к Ледовитому океану, повернула в другую сторону, надо было переместить сотни тысяч тонн грунта, срыть горы, засыпать болота и сделать еще многое-многое... Как это проделать? Конечно, можно было бы бросить клич боевому комсомолу, в очередной раз рассказать о романтическом кайфе в мокрой палатке среди туч комаров, о прелести обтирания снегом под столетней елкой. И, скорее всего, поступили бы именно так, но ученые придумали другой способ. Проще и дешевле.

Для пробы выбрали в Чердынском районе Пермской области горку метров триста высотой, заложили в нее бомбу и — рванули.

Горки как не бывало. Попутно и болота засыпали!

Понятно, что горку таких размеров не всякая бомба возьмет. Поэтому бомбу выбрали не простую. Ядерную.

И было это не в каком-нибудь пять-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

А. Минкин:

Кравчук требует себе отдельную армию. Готов сорвать любые переговоры, любое соглашение — но армия у незалежной чтоб была.

5

Б. Жуков:

Многие нынешние политические силы ищут способ быть влиятельными, как правящая партия, и свободными в действиях (т.е. безответственными), как оппозиция...

12

2 ЭКОНОМИКА

Ги Сорман:

О, это пристрастие к планам... Все эти планы направлены на освобождение от плана, замену принуждения свободной инициативой. Все они глобальны — русский дух любит все, что глобально, амбициозно, окончательно и смутно...

19

Р. Фирстова:

Старики утверждают, что мы вернулись к ценам 1947 года. Так ли это?

17

3 ЖИЗНЬ

Л. Радзиховский:

Конфликт Моссовет — Мэр. Собственно, сам конфликт не столь интересен, сколь явно выступившая методология — методология российских бессмысленных мечтаний. И корысти, которую они прикрывают.

25

Е. Нахимова:

Адвокатом я была, есть и буду. Другой вопрос — я не хочу выступать в судах и обманывать граждан.

33

4 КУЛЬТУРА

В. Кичин:

Бороться с тем, что мы назвали соцреализмом, значит кидаться с пикой на очень полезную, особенно в новой экономической ситуации, ветряную мельницу, разбивая ее, неповинную, в щепы.

38

А. Битов:

...Я знал, что литература была до 17-го года.

50

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефон 928-23-49
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Заместитель главного редактора по коммерции: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел социально-бытовых проблем: Вячеслав Басков

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская
Отдел оформления: Виктор Резников

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535
Lausanne 1001 Switzerland.
Fax: 41.21 — 311.45.11
Tel: 41.21 — 311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 9.01.1992 г.
Тираж 130 000
Цена 2 р. 50 коп.
(для подписчиков — 1 рубль)

Над номером работали:
В.Цыбульский, А.Пружинина, Р.Катеева

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда». Зак. 26

на вопрос: кем и для чего был задуман и осуществлен эксперимент?

В тех местах, правда, гораздо позже описанных событий, родился мой сын. Сейчас он живет в соседнем районе, где тоже... взорвали атомные заряды. Но не на поверхности. Дело в том, что в этом, Красновишерском, районе, когда-то нашли нефть. Немного, однако достаточно для того, чтобы начать новый эксперимент. Говорят, нефтяных месторождений в районе было несколько — небольших и в разных местах, так что дырок пришлось бы бурить много. А если, подумали ученые, просверлить одну побольше да заложить в нее заряд поощнее? Авось нефть сама и попрут на поверхность.

Просверлили. Заложили. Рванули. Ядерные.

Кто-то сейчас может сказать: «Подумаешь!.. Да в Чернобыле почище было! И в Челябинске...» Вроде бы так. Но в Чернобыле и в Челябинске были аварии. Катастрофы возникли в результате нарушения технологии, неправильных (хотя и преступных) действий людей, это были ошибки. Ужасные, но ошибки.

На Урале же сознательно заложили заряд, сознательно нажали на кнопку и сознательно оставили людей в зоне взрыва, сознательно наблюдали за их здоровьем после взрыва. Молча, ничего не объясняя, ни о чем не предупредив.

Несколько месяцев назад один из членов команды, осуществлявшей пермский «эксперимент», с явной гордостью говорил мне, что он сам, пони-

маете, сам (!) несколько раз ходил в центр котлована сразу после взрыва, замерял уровень радиации, вел дневник наблюдений. И что он, инженер-радиолог, а сейчас — начальник лаборатории большого института, готов завтра же построить недалеко от котлована дачу и каждый год будет приезжать отдыхать. Он не боится. Но говорит это сегодня, а как с теми людьми, которые прожили с котлованом двадцать лет?

А время идет. Все меньше остается людей, переживших эксперимент, ставших подопытными материалами для «большой науки». Поэтому я говорю — нужно срочное расследование. И если оно подтвердит то, о чем я рассказал, нужен суд. Потому, что было совершено преступление.

ОТЧЕГО БАБАХНУЛА

В одном из ноябрьских номеров «Известий» появилась заметка с интригующим снимком: нечто вроде летающей тарелки зависло над злополучной Чернобыльской АЭС. Речь шла об очередной, октябрьской, аварии на ЧАЭС, ставшей, видимо, последней каплей в чаше терпения украинского руководства, — вскоре Верховный Совет Украины принял решение законсервировать все блоки станции. Конечно, заманчиво списать грехи на инопланетян. Но дело, как и всегда у нас, значительно проще. До безобразия.

О подробностях и истинной причине аварии рассказывает обнинский инженер-физик, член Центрального совета Союза «Чернобыль» Российской Федерации Геннадий Дмитров:

— Подобное могло привидеться только в кошмарном сне. В 20 часов 09 минут 11 октября турбинист второго энергоблока с ужасом заметил, что генератор № 4 начинает бешено набирать обороты. Тщетно попытавшись что-либо сделать, он едва успел унести ноги от взбесившейся махины, вслед за взрывом которой рухнули шесть пролетов кровли машзала общей площадью около 2000 квадратных метров.

Тем временем на большом щите управления оперативный персонал пытался понять, какая нечистая сила взбеленила турбогенератор. И только старший инженер управления реактором, не боявшийся ответственности при столь загадочных обстоятельствах, хладнокровно приступил

ЧАЭС?

«ОТТОГО, ЧТО В КУЗНИЦЕ НЕ БЫЛО ГВОЗДЯ»

к заглушиванию реактора и через 21 минуту перевел его в режим расхолаживания.

Эксперты позже выдали сухое заключение:

«...непосредственная причина аварии энергоблока 11—12 октября — замыкание в многожильном кабеле, соединяющем генератор с открытым распределительным устройством (ОРУ)».

А суть такова: некогда при протяжке кабеля через трубу рабочие нарушили технологию — прорвали его оплетку вместе с изоляцией (отчетливо видно на снимке). Годы и годы служил кабель «на честном слове», а в октябре 91-го наступила расплата за очередное «авось». Короткое замыкание, генератор энергоблока начал вращаться в два

Кабель цепей управления турбогенераторов.

Фото Владимира Саврана

десять раз быстрее, чем в штатном режиме, быстро перегрелись подшипники, и охлаждающий турбину водород взорвался.

— «Стройки века», подобные ЧАЭС, с их многочисленными дефектами, не поддаются восстановлению, — считает Г.Дмитров. — Любая царапина на изоляции, любая слабинка в пружине пускателя, не говоря уже о малейшей ошибке оператора, неминуемо приведут в лучшем случае к новой аварии, в худшем — к новой катастрофе.

Прямо как в финале старинной английской песенки «Гвоздь и подкова»: «...Враг выходит в город, // Пленных не щадя, // Оттого что в кузнице // Не было гвоздя».

Александр ШИБАНОВ

Москва

СНОВА — РАСКОЛ В
«ДЕМРОССИИ»

Около двадцати бывших активистов движения «Демократическая Россия» подписали заявление о создании новой организации под названием «Свободная Россия». Причина разрыва — разочарование в политике руководства «ДР», «основанной на манипуляциях общественным сознанием». Руководители «Свободной России» обвиняют своих недавних соратников также в «дискредитации института выборной власти» и в проведении номенклатурной приватизации. Интересны предложения «СР» по исправлению всех этих «перекосов»: проведение новых свободных выборов, формирование по их итогам нового правительства, конфискация «разворочанной» собственности и «повторная приватизация на основе инвестиционных чеков».

Сравнение идей новой организации с программами Жириновского и Скурлатова показало лидеру «СР» Александру Баламуту оскорбительным. «С этими господами мы не имели и не желаем иметь ничего общего», — заявил он.

Борис МИХАЙЛОВ

ВЫШЛИ.
И... ЗАБЛУДИЛИСЬ

Хакасия

С началом нового года Совет представителей регионального движения «Демократическая Россия» начал массированное наступление на правительство хакасской республики. «Демороссы» резко критикуют власти за принятое недавно в административном порядке решение об отделении Хакасии от Красноярского края и планируемый выход из состава России, считают это

роковой ошибкой, чреватой для республики полным коллапсом. Уже сегодня сельскохозяйственные предприятия ощущают острую нехватку кормов, с каждым днем обостряется дефицит электроэнергии.

Заместитель председателя Абаканского исполкома горсовета В.Угужаков отметил, что именно из-за нарушения хозяйственных связей с Красноярским краем сорвана прошлогодняя программа жилищного строительства и почти три тысячи абаканских семей остались без квартир.

Борис ЯРОВ

Татарстан

Как известно, восьмая сессия Верховного Совета республики приняла декларацию о вхождении Татарстана в Содружество Независимых Государств. Вслед за этим группа депутатов парламента выступила с заявлением, в котором ставится под сомнение юридическая правомерность этого акта. Депутаты «центристы» считают, что, поскольку Татарстан не смог до сих пор ни решить вопроса о своем суверенитете, ни добиться признания республики мировым сообществом, он не может даже называться «государством», тем более — «независимым».

Ринат АХМЕТЗЯНОВ

Беларусь

«ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ
СЛЕД» ВЕДЕТ В ОБКОМ

15 июня 1991 года на счет Московского инновационного банка «Менатеп» было перечислено 60 миллионов рублей под 10% годовых. В качестве вкладчика выступил Гомельский областной комитет Коммунистической партии Белоруссии. Переведенная в Москву сумма — часть из 185,3 миллиона рублей, переданных

областному комитету по решению последнего, XXXI съезда КПБ на реализацию республиканской программы ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Но жители районов радиоактивного загрязнения получили в конечном итоге немного: еще 100 миллионов рублей из полученной суммы Гомельский обком перечислил на счет здешнего Промстройбанка под 6% годовых.

Могилевский обком КПБ согласно тому же решению того же съезда получил 29 миллионов «чернобыльских» рублей. И перечислил 28 миллионов на счет Московского коммерческого предприятия «Эллипс».

Дальнейшая судьба денег, так и не дошедших до прямого адресата, такова: «Менатеп» отказывается вернуть полученную от коммунистов сумму, Гомельский промстройбанк — соглашается, но не возвращает. А проценты между тем идут.

Владимир ПАНАДА

Днепропетровск

ПУТЧ НЕ УДАЛСЯ —
МАЙОР БЫЛ ПЬЯН

Один из недавних всенародных украинских праздников чуть было не закончился вооруженным конфликтом. Исполком здешнего горсовета был взят штурмом...

По свидетельству очевидцев, около пяти часов вечера восемь солдат с майором во главе подъехали к зданию на военном тягаче и тут же ворвались в исполкомовский вестибюль, где дежурил ничего не подозревающий милиционер. Второй милиционер, выйдя из комнаты и увидев направленные на напарника стволы автоматов, только по чистой случайности не открыл огонь, как того требует инструкция.

Рассыпавшись по зданию, военные стали разыскивать депутата горсовета В.А.Грищенко. Именно он яко-

бы позвонил в воинскую часть и попросил помощи «в деле защиты независимости Украины». Начальник штаба майор В.Ф.Пронякин просьбу выполнил: спешно набрал группу добровольцев, вооружил их, вывел из бокса машину и устремился навстречу славе. Сам Грищенко уверяет, что никому не звонил, никаких команд не давал, считает, что его просто «подставили» недоброжелатели...

Остается лишь удивляться легкости, с которой подвыпивший майор (телефонный звонок застал его за праздничным столом) получил в свое распоряжение технику, солдат и оружие. «Спасателю» не удалось заполучить лишь патроны. Но, право же, при таких порядках в армии это кажется чистой случайностью.

Виктор ОЛЕНЧУК

Менск

ЕЛЬЦИН СНОВА
НЕУДАЧНО «ПОШУТИЛ»

После заключения договора о Содружестве Независимых Государств президент России передал в дар дружественной Беларуси чрезвычайно интересный исторический документ: охранную грамоту середины XVII столетия жителям Орши от русского царя Алексея Михайловича. Реакцию республиканских парламентариев на известие о подарке пресса определила как «шум в зале». Недоуменный шум — добавим от себя.

Вероятно, президент Ельцин просто не знал, что война, во время которой Орша была захвачена русскими войсками, стоила жизни половине жителей Беларуси. В районах, взятых «под охрану» Алексеем Михайловичем (в Орше, например), погибло до 80% тогдашнего населения.

А может, Борис Николаевич сделал тонкий намек?

Владимир ПАНАДА

Александр Минкин

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РАТЬ

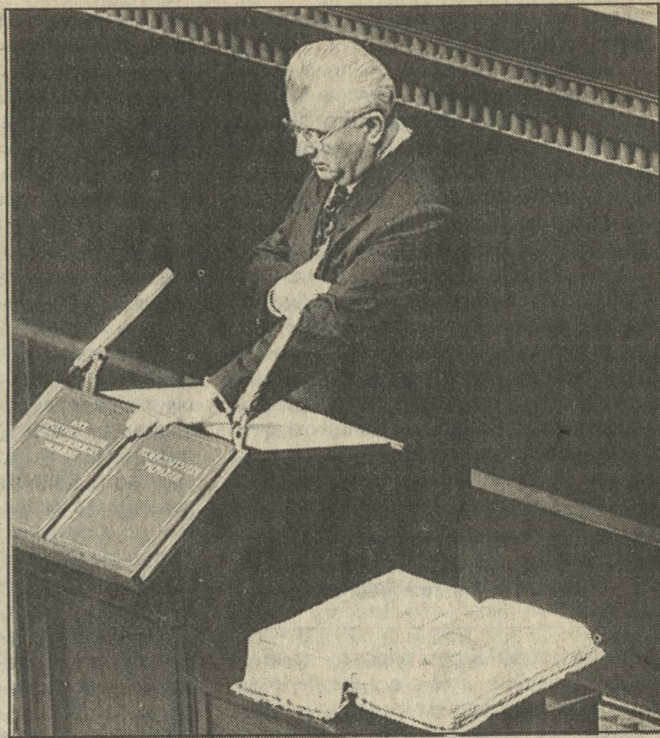
Пособие по истории эсэнгизма

«РАТЬ — брань, пря, ссора... война...»

Не хвались идучи на рать, хвались идучи с рати».

Вл. Даль.

Толковый словарь

**«И грянул бой. Полтавский бой!»
Пушкин. «Полтава»**

Кравчук требует себе отдельную армию. Уперся. Готов сорвать любые переговоры, любое соглашение — но армия у независимой (у невозможной?) чтоб была.

Жовто-блакитный Кравчук ведет себя любопытным образом. Сорвал союзный договор. Отказался подписать — и все тут. Для измученного, ослабевшего Горбачева это был смертельный удар. Все понимали: без Украины — нельзя. Без Украины нет Союза. Горбачев (по примеру Чумака и Кашпировского) пытался по телевизору зарядить украинцев, дать им установку на Союз. Верил ли он сам в свои пассы? Зрелище, увы, было жалкое, и громодяне не поддались (о чем, вероятно, еще пожалуют).

Выбив Горбачева, Кравчук сел играть с Ельциным и тут же нашего Николая Ивановича... ох, простите, Бориса Николаича обошел. Прикинулся Сусаниным, завлек в леса, наобещал. Славяне поели, попили; быстренько — за спиной у Горбачева, но дожившись Бушу (поступок скверный, неприличный), — быстренько подписали какие-то документы, мабуть, исторические. После чего Ельцин сообщил городу и миру о своей дипломатической победе — о переносе столицы в Минск. Верил ли он сам, что выиграл? Увы, вид упоенного Бориса наводил тоску и отчаяние. На-

род советский все так же стоял в очередях, еще не зная, что он уже не советский; что в историю вписана очередная дурацкая страница¹; что отныне эсэнгэшный человек будет раздвигать горизонты эсэнгэшной науки; а из московских посольств еще не помчались квартирмейстеры подыскивать особняки в очаровательном захолустье на берегах Свислочи.

(Заметим, тот, кого Сталин панибратски называл Петрушкой, хоть и был пьяница и хулиган, но все ж сперва Петербург построил, а уж потом затеял столицу из Москвы переносить.)

А пока Ельцин гордился своим Брестским миром (ну, нету у наших начальников ни вкуса, ни слуха), ясновельможные паны в киевском парламенте вносили поправки. Очень существенные поправки. И — добавим, без всякого сопротивления со стороны подписанта Кравчука.

Не помню, про кого это сказано: дай ему палец — он всю руку оттяпает. Умница Кравчук готовился к следующей эсэнгистской встрече, репетировал, как будет пожимать плечами да разводить руками: мол, что ж я могу зробиць, когда у мэнэ у парламенте таки хитры хохлы, таки упрямы.

А ведь Кравчук блефовал. Ей-богу — блефовал. Кто внушил Горбачеву, что всем нам внушил, что нельзя без Украины? А как Финляндия без Украины жи-

вет? А как Канада корячится без Техаса и Калифорнии?

Кравчук выражает волю народа? Эше бы! Ему ли не выражать, с его-то опытом. «КРАВЧУК Леон. Мак. (1934), сов. гос., парт. деятель. Чл. КПСС с 1958 (с 24-х лет. — А.М.). С 1960 на парт. работе. С 1970 в аппарате ЦК КП Украины. С 1989 секр., с 1990 2-й секр. ЦК КПУ, с июля 1990 пред. ВС УССР. Чл. ЦК КПСС с 1990».

Станкевич обмолвился: не исключено, мол, что возникнет пост генерального секретаря СНГ. Возможно, позовут Горбачева в генсеки. Ох, не ходите, Михаил Сергеевич! Поглядите, кто Вас зовет — народец лукавый, лучшие карьеристы из партийной кузницы кадров, вчерашние Ваши соседишующиоидесную по партийным президиумам, визави на банкетках — Вам ли их не знать?

Три президента и примкнувшие к ним еще восемь «упразднили» Горбачева. Пожалуют. Да поздно будет.

В свое время Горбачев сделал большую ошибку. Не сдержался, выгнал левого Ельцина. И дело даже не в том, что создал в глазах народа образ гонимого страдальца за правду. Хуже, что Горбачев лишил себя опоры слева. И пошатнулся. И обнаружил, что висит на правом крючке. Пришлось Михаилу Сергеевичу срочно сдвигаться вправо, теряя союзников в стане левых. Но ведь не может же президент быть на краю, его место — центр.

Теперь президенты изгнали главного президента. Теперь им не на кого кивать, объясняя свои провалы. Только

¹ Не сердитесь: в Истории почти все страницы дурацкие.

теперь они оценят уютную жизнь в оппозиции.

Это покер, это нервы. Подписали бы Союз без Украины — куда бы она делась? Глядите: в Бресте всего три республике подписали, да при этом ужасно Назарбаева унизили. Тем не менее, с какой готовностью все кинулись присоединяться. Да-да, присоединяться, хотя для почтения и названы соучредителями. Горбачев мечтал кое-как девять в Союз затащить. А тут одиннадцать сами сбежались. А непреклонный двенадцатый из бункера звонил — просился: возьмите. Запросишься, когда из пушек по резиденции лупят. А центра уже нет, уже не запишешь оппозицию в агенты империи. Нету империи, была да вся вышла. Нету империи, нету извечного врага. А нет врага — и ты не герой.

«Мы ошутим великую дружбу».
Л.Кравчук. Слово к россиянам

Может, Кравчуку и вправду хочется независимости; кто его знает? Но хочет ли Запорожский автозавод независимости от Урала? Хочет ли киевская бензозаправка независимости от Тюмени?

Я не думаю, что Борис Николаевич понесся в Брест, стремясь поскорее начать жить с Кравчуком. Я думаю, Борису Николаевичу нетерпелось поскорее начать жить без Горбачева.

Вот если цель была именно такова — тогда действительно победил. Ура. Добился. Тогда понятен и опережающий, ликующий, хмельной (оскорбительный для Горбачева) звонок Бушу (без заботы о приличиях). Тогда понятен и весь поспешный сговор. Тогда понятен и явочный, пренебрегающий законностью, характер «процесса». Тогда понятно, почему притворялись вожди племен, будто трудятся, слюнявя трубку мира, над Ново-Огаревскими параграфами. Понятно, почему скрывали свои планы от Великого Вождя. Ведь если сильны и умны — отчего не играть в открытую? Почему не выслушать оппонента? Ведь Горбачев в декабре не обладал уже силой, уже не смог бы помешать начальникам народов сделать по-ихнему. Зато открытые споры с ним, вероятно, убавили бы количество ошибок. Да и вся Брестская операция (махинация?) не выглядела бы такой срамной в глазах Западного Кормильца.

К слову сказать, не стоит нашим независимым президентам обольщаться «признанием» Запада. Не стоит слишком верить юным министрам иностранных дел, когда они сообщают своим бедным владыкам о якобы ликовании богатых соседей.

СНГ — свершившийся факт. Понево-

ле признаешь — куда деваться? Если у разгулявшихся вождей такие жуткие игрушки, западный политик обязан быть прагматиком. Но стоит ли Ельцину и др., не замечая срезанных кредитов, обольщаться признанием Буша и Миттерана? Или забыли, как 19 августа те же господа фактически признали Янаева? (Долго потом выкручивались: мол, мы не то имели в виду, мол, нас неверно поняли... Поняли, не волнуйтесь. И сейчас понимаем.)

М-да... а Крючкова нету, а благородный Бакатин, видать, постеснялся телефончики слушать. Да и когда ему? — он рождественский подарок американцам рисовал: где-чего наше в ихнем посольстве. И вот — пожалуйста: оказывается, когда КГБ в хаосе преобразований и в ужасе от грозящей ликвидации, то и никаких крымских отлучек на Форос ждать не трэба, можно в соседней комнате очень мило обо всем договориться.

(Урок серьезный. Не потому ли Ельцин возродил НКВД, что увидел, как шатко кресло без надлежащего щучьего пригляда.)

Кравчук крепчает. Шантажируя неприсоединением, свалил (точнее сказать: содействовал падению) Горбачева. Шантажируя отсоединением, украинский эсэнговник ставит Ельцина в не слишком пристойные позы. А уж как Кравчук в Алма-Ате Каримова оборвал — когда тот насчет общего гражданства заикнулся, — любо-дорого было поглядеть. И глядел по телевизору весь народ — отныне эсэнговцы, — как Кравчук на главного узбека рыкнул, будто на щенка. У меня голова в плечи втянулась. Ну можно ли славянину так на мусульманского лидера рычать. Восток обидчив и мстителен, ислам — очень серьезный фактор, а нехристь Кравчук то ли привык по-хозяйски обращаться с униатами и прочими смиренными христианами, то ли никак не отвыкнет ощущать себя Большим Братом по отношению к младшему азиату. Удивительно ли, что у старшинско-ефрейторско-сержантского состава нету других имен для азиатов, кроме как чурка, урюк, бамбук и т.п.

«Уже у нас наработана громада документов, которые надо выполнять».
Л.Кравчук. Слово к россиянам

Денег у Кравчука нету. На Россию сердится, что рублей ему не напечатали. Наказывает братьев по СНГ, выпуская — в нарушение вчерашних договоров — купоны. Это — временно. А постоянные карбованцы в Канаде заказал. Там ему канадские мастера за американские доллары украинских карбованцев на-

штампуют — гуляй — не хочу.

Купив в Канаде нужное количество раскрашенных бумажек, Кравчук сможет и армии своей платить. И уж, конечно, не так по-нищенски, как в СА платили. Бог в помощь. Поблизости тоже под гром орудий независимые динары введут. Уж не в Канаде ли заказали?

Поглядел я на карту. С кем, думаю, надеется повоевать Кравчук? Над кем одержать перемену? Соседи такие: Польша, Чехо-Словакия, Венгрия, Румыния, Молдова, Россия, Беларусь.

Еще Кравчуку понт требуется. То есть Черное море и Военно-Морской Флот. Собственный. Видимо, против турок? Через понт на юг — Турция. Басурманы.

Стоп, но разве Кравчук — агрессор? Он мирный — все слышали. Даже безъядерным государством Украину объявил, отказавшись (с большевистской логикой и простодушием) отдать ядерное оружие. Любопытный случай: безъядерная держава с ядерными боеголовками.

Ладно, мирный. Но армию требует. Об обороне, значит, печется. Кто же из перечисленных — потенциальный противник? Ведь это надо знать — хотя бы для того, чтобы определить разумно достаточные численность и бюджет оборонительных сил. Если чехи — тут еще по плечу. А ежели Турция, за которой НАТО, а ежели Россия... Да тут никакого ополчения не хватит. Сомнут. Задавят.

Помню, в 1954 году в Москве было гулянье. Всенародное. Праздник. 300 лет воссоединения Украины с Россией. 300 лет великой дружбы (значит — до всяких большевиков). Где-то соответствующий значок валяется, большой, эмалевый — как орден.

Вполне возможно, году этак в 2097-м будем праздновать (кто доживет) «100-летие Второго Воссоединения». И улицу Богдана Хмельницкого, побывавшую Маросейкой, назовут улицей Кравчука-Объединителя. Все быва-ет.

Почему Петр Великий Балтику завоевывал? Ведь ее еще Иван Грозный завоевал. Когда же потеряли? А тогда, когда Богдан Хмельницкий Украину воссоединял. Он ее то с Россией воссоединял, то — с Польшей. Раз двадцать туда-сюда мотался со своей великой дружбой. Никаких сил не было, и Балтику потеряли. Потому как стало не до нее.

Паны дерутся — у холопов чубы трещат.
Поговорка

Однако кажется, что, добываясь армейской автономии, Кравчук не очень

беспокоится о внешней угрозе (охрану границ, не сопротивляясь, уступил силам СНГ). Тогда зачем? Тогда против кого ему армия нужна и чин главнокомандующего (или гетмана?)?

Есть веские основания предполагать, что и Кравчуку, и начальнику Молдовы, и даже главе Азербайджана (трое, требующие собственных армий) солдатики нужны для решения внутренних, а не внешних проблем. С соседями-то еще можно договориться по-человечески, цивилизованными методами, а вот свои — если им острастку не давать — ого-го. Гляньте, что в Тбилиси делается. В законного президента из пушки стреляют, а союзная армия не вмешивается. На кой ляд такая армия законным президентам нужна?

Будь я украинец да вдобавок член парламента Украины — обязательно спросил бы — в микрофон! — против кого вам нужна собственная армия, уважаемый президент Кравчук?

Увы, похоже, что президенты боятся внутренних врагов. То есть — своего народа. Гамсахурдия может сколько угодно говорить о том, что оппозиция — уголовные, преступные элементы. Мы же видим, что в Грузии гражданская война, спровоцированная политикой законного президента.

Есть Рух, есть Западная Украина, есть полурусский-полутатарский Крым — вот сколько головной боли! От нее лучшее лекарство — внутренние войска, которые можно назвать национальной гвардией, а можно — тонтон макутами. Смотря чего будут делать: почетный караул при официальных встречах с поцелуями или ночные аресты со стрельбой при попытке к бегству.

«Я убежден, что у нас хватит и мудрости, и такта».

Л.Кравчук. Слово к россиянам

«Мы не позволим Украине посылать себя на три буквы. Даже если эти буквы — СНГ».

В.Лукин, пред. Комитета ВС России по международным делам

Господин президент Муталибов тоже, как и господин президент Кравчук, требует себе вдобавок к собственной армии — собственный военно-морской флот.

Опять смотрю на карту. У Армении морских границ нету; с ней война сухопутная. А у кого такие границы с Азербайджаном? У России, Казахстана, Туркмени, Ирана. Что ж, все свои. Одни — по нерушимой дружбе братских народов и рублевому пространству, другие — по вере в Аллаха милостивого и милосердного. В кого стрелять из корабельных орудий? Кого покорять? С

Ираном границу разломали и как ненужную, оскорбительную для братских народов, и как помеху в переправке оружия. С другими морскими соседями границы обещаны прозрачные. Флот — удовольствие дорогое. Чего делать? Броненосцами да эсминцами последнюю рыбку ловить — золотая рыбка будет; дешевле у японцев купить. На эсэньговные рубли.

Вероятно, во мне злится и плачет империалист. В предыдущей моей статье («Похоронный марш») я пытался сказать, что колокол звонит не по Горбачеву. Колокол звонит по всем нам. Всех советских на Западе до сих пор зовут русскими. Не могу забыть, как на моих глазах в Тбилиси начался роман эстонки и армянина. Они объяснялись, естественно, по-русски. Любовь говорила на языке врага. Я поднял за это тост, ибо и яни с одной девушкой в жизни не объяснялся по-еврейски. Я пьянствовал с друзьями в Тбилиси, в Ереване, в Баку. В Киеве я пил водку, играл в футбол, объяснялся в любви. И вдруг...

«За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю. (Мертвая тишина.)».

2 января 1992-го «Вести» сообщили, что Кравчук переподчинил себе части Советской Армии, дислоцированные на территории Украины. Офицерам, не пожелавшим присягнуть новому командованию, не поклявшимся до пос-

ледней капли крови защищать Леонида Кравчука, предложено убраться в другие страны или уйти в отставку. А предыдущий абзац я выписал из старой пьесы. Вместе с ремаркой.

После ремарки «мертвая тишина» в пьесе «Дни Турбиных» такой текст: «Приказываю всем, в том числе и офицерам, снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно бежать и скрыться...»

Отложите подорожавшие газеты и журналы, дорогие братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои! Перечитайте старую пьесу, которую Иосиф Виссарионович почему-то смотрел 17 раз. Вот еще две цитаты из «Дней Турбиных».

«Если бы ваш гетман вместо того, чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов (имеются в виду офицеры царской армии. — А.М.), ведь Петлюры бы духом не пахло в Малороссии. Но этого мало — мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. Ведь самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас».

«...портьера раздвинулась, и вышел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился».

Это — понятное дело — империалисты говорят. Это русские офицеры в Киеве. Это независимая гетманская Украина. Это гражданская война.

Интересно будет посмотреть, как эту пьесу сыграют сегодня.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Украинский президент — профессиональный интернационалист. Верный ленинец с 33-летним стажем. Однако «Советский энциклопедический словарь» в статье «КРАВЧУК» пропустил любопытные подробности. Я дополнил: в 1980 — зав. отделом пропаганды и агитации, в 1988 — зав. идеологическим отделом ЦК КПУ. Это значит: при Брежнев, Андропове, Черненко, Горбачеве и всю дорогу при Щербицком — Кравчук был не просто «чл.», а один из главных душителей.

Киевский идеолог был чемпионом по бдительности. Украинская цензура была на первом месте в СССР. Куда страшнее среднеазиатской. Пьесы Гельмана, Галина шли по всей стране от Мурманска до Кушки, но — не в Киеве. Грузинские фильмы не шли. Неудобные скульптуры заливались бетоном. Все, что «про евреев», запрещалось строжайше.

Евреи бежали с Украины куда попало. Не в Америку — так в Израиль. Не в Израиль — так в Москву, в Ташкент, в Магадан... Даже в Бабьем Яру идеолог и пропагандист Кравчук все годы приказывал видеть захоронение «просто советских людей». И только минувшей осенью прозрел, произнес скорбную речь об убиенных фашистами жидах города Киева. А вскоре я с изумлением услышал, как по радио «Свобода» Кравчук объяснялся в любви к евреям и звал их обратно с Иерусалимских холмов на Владимирскую горку. Златоуст.

Удивительно ли теперь, что Ельцин (тоже вечный «чл.» и «секр.») проигрывает Кравчуку партию за партией. Ведь наш-то всю дорогу пром. да хоз. — куда ему до агитпропа. Обратит внимание: насколько складнее Ельцина изъясняется Кравчук на идейно-бюрократической фене.

Желающие ознакомиться с творчеством президента Украины могут получить в библиотеках СНГ сочинения Л.М.Кравчука. Например: «В семье единой: воспитание патриотов-интернационалистов средствами агитационно-оформительского искусства». (Москва, «Плакат», 1985.)

Теперь у Леонида Макаровича появились более сильные воспитательные средства.

Андрей ТИХОМИРОВ

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ:

Жители села
Земо-Никози (Южная
Осетия)

На первый беглый взгляд дневной Цхинвали отнюдь не производит впечатления воюющего города. Тротуары широких и прямых улиц в центре заполнены хорошо одетыми людьми. Одна за другой проносятся легковушки. На небольшом рыночке идет бойкая торговля. Причем цены вполне умеренные, а выбор отнюдь не скуден. Открыты почти все магазины.

ДНЕМ В ЗНАКОМЫХ НЕ СТРЕЛЯЮТ

На границе Грузии и
Южной Осетии
Грузинское
национальное
информационное
агентство СЕИС-ТАСС

Конечно, их полки не ломаются от избытка. В газетных киосках наряду с другими изданиями можно купить и тбилисскую «Свободную Грузию». До начала декабря работали, хоть и с перебоями, некоторые предприятия. Дважды в день, утром и вечером, закутанные в платки пожилые женщины тщательно выметают тротуары и проезжую часть улиц.

Но когда начинаешь приглядываться, замечаешь в этом оживленном, но внешне спокойном южном городке приметы военного времени: сожженные и поврежденные дома, людей в защитной камуфляжной форме, боевые машины у зданий бывших обкома КПСС (где ныне размещается опергруппа внутренних войск) и райкома ВЛКСМ (здесь расположен штаб недавно созданной республиканской гвардии Юга Осетии). А в двух километрах к югу от центра Цхинвали, сразу же за иссеченными ракетами и осколками снарядов окраинными пятиэтажками (в которых, несмотря ни на что, живут их обитатели), проходит, укрепленная бетонными блоками и мешками с песком, передовая линия обороны. К северу, опять-таки не более чем в двух километрах от центра, такая же линия надвое рассекает городскую улицу. Продолжение этой улицы — грузинское село Тамарашени уже за линией фронта.

С трех сторон город вплотную охвачен жесткой петлей блокады. Кажется, что сжиматься ей уже просто некуда. Лишь на западе эта петля размыкается. Город с 40-тысячным населением удерживается вот уже многие месяцы на 36-километровой ниточке узенькой, размываемой осенними дождями, закрываемой после каждого снегопада грунтовой дороги.

Конечно же, Джаву и Цхинвали напрямую связывает превосходное асфальтированное шоссе. По нему от города до поселка можно добраться за полчаса, но все дело в том, что шоссе это проходит через четыре села, населенных теперь уже одними грузинами (осетины либо были вынуждены бежать, либо погибли). Проезд через них без сопровождения БТР внутренних войск невозможен. Недавно 20-летний лейтенант Юрий Веклич (сопровождавший караван, который вез скот из Ростова) и двое армян-шоферов были буквально изрешечены в упор пулями при въезде в уже упоминавшееся Тамарашени. И они далеко не первые жертвы грузинских боевиков, держащих под своим контролем эту дорогу...

И все же днем мираж цхинвальской повседневности кажется на редкость устойчивым. Огневые линии осаждающих молчат. Лишь изредка выплывают они в сторону заграждений короткими очередями пригоршню-другую пуль. Стайки тянущихся в школы и из школ детей, научившихся еще с прошлой зимы не обращать внимания на дальнюю стрельбу... Глядя на все это, как-то забываешь о том, что в Цхинвали уже давно нет тепла в квартирах многоэтажек, что вода подается лишь в немногие городские кварталы. Да и то лишь по два часа — утром и вечером. Что из сорока тысяч населения центра Южной Осетии

одинадцать тысяч бежали из сожженных или подвергающихся нападениям боевиков осетинских сел. Но забыть об этом, об иллюзорности, нерешительности здешней жизни, о постоянно находящихся в напряжении нервах горожан можно лишь днем, и только днем. А ночью... Ночью город страшен. То затаившая, то вновь разгораясь, с окраин доносится стрельба — с севера, с юга, с востока, со стороны ближних деревень — Хетагурово, Приси... Высоко над крышами пятиэтажек проносятся красные угольки трассеров. Над позициями взлетают и медленно гаснут, опускаясь, осветительные ракеты. Изредка слышится отзвук разрыва мины или ракеты «Алазань». Трудно определить место попадания — длинные ряды домов по обе стороны улиц теряются вдали во тьме, кажущейся почти непроницаемой.

С 5 декабря подача электроэнергии в Цхинвали грузинской стороной полностью прекращена. С наступлением сумерек в окна светлячками вспыхивают огоньки свечей и керосиновых ламп. Тьма изгоняет людей с улиц. Укрывшиеся за ненадежными стенами своих жилищ, горожане пытаются угадать, вслушиваясь в долетающие до них звуки выстрелов, что принесет им очередная ночь: продолжение обычного нагнетания напряженности, длящегося вот уже два с лишним года? Усиленный ракетно-артиллерийский обстрел, подобный тем, что были 15 и 23 ноября? Или, быть может, штурм, которым давно уже грозят защитникам непокорного города президент и правительство Грузии? Ощущение тревожной неуверенности зависает в черном звездном небе над Цхинвали, сгущаясь и усиливаясь с каждым ночным часом, с каждой автоматной очередью.

На передовых линиях, где находятся подразделения внутренних войск, в эти часы не в пример спокойнее. Молодые лейтенанты успели повидать за какие-то месяцы не один крупный обстрел и не одну внезапную атаку. Здесь знают численность, возможность и огневые средства осаждающих. Знают

и то, что они сами могут этим возможностям и средствам противопоставить... Из стороны в сторону медленно перемещается ствол скорострельного орудия, отыскивая в темноте то одну, то другую потенциальную цель. Посты на крышах окраинных пятиэтажек ведут непрерывное наблюдение за грузинскими позициями.

— Вот тут у них минометы стоят, — укрывшись за козырьком крыши, показывает рукой туда, где поблескивают сквозь тьму огоньки грузинских сел, один из офицеров ВВ. — Тут снайперы сидят... Кстати, пригнитесь на всякий случай, а то мало ли... Вон там ракетные установки были, мы их двадцать третьего ноября подавили.

— Да, фактически мы воюем на стороне Осетии, — добавляет чуть погодя другой офицер. — А что делать? Стреляют-то в нас большей частью с той стороны. С этой же редко и только по явной дурусти... Осетинам, впрочем, особо развернуться тоже не даем. Сегодня вот их гвардейцы узнали, что к грузинам подкрепление прибыло, так прикатили сюда на бэтээре, говорят — сейчас стрелять начнем, надо показать, что мы еще живы. Ну, мы их, конечно, остановили...

Но присутствие внутренних войск сказывается только в городе и на ближних подступах к нему. В селах же Южной Осетии войск нет. Их защищают лишь местные жители, кстати, ставшие боевиками без всякого на то желания. Выбор, однажды вставший перед ними, был предельно прост: или бежать, оставив все, или попытаться отстоять свой дом. И кто может осудить этих людей, если они выбрали не первое, а второе? Вместе с З., одним из местных боевиков, иду по улице Приси, большого села, значительная часть которого находится в руках осетин, а на оставшейся части закрепились грузины из соседнего Эредви.

— Это грузинский дом, — говорит З., кивая в сторону крепкого двухэтажного строения за высоким забором. — И это, — указывает он еще через пару десятков метров. — Мы их не трогаем. Днем хозяева приходят, на огородах работа-

Старые и малые... Им уготована одна горькая судьба — стать беженцами. Такова цена вооруженного противоборства в Южной Осетии.

Фото ТАСС

На окраинах Цхинвали

ют. Вечером уходят. А наши дома там, в Эредви, все пожгли, сейчас ни одного осетина в этом селе не осталось.

Калитка дома, на который показывается мой собеседник, распаивается, и высокий крепкий старик с мешком за плечами, смерив нас внимательным взглядом, выходит на улицу, направляясь к перекрестку, за которым начинается контролируемая грузинами часть деревни.

— Хорошо, днем они здесь, а ночью? — спрашиваю я. З. пожимает плечами:

— Откуда мы знаем, куда они уходят? Может, в Эредви к родственникам. А может, вот там, на горке у церкви, вместе со своими с оружием в руках сидят — попробуй проверь.

— Они к вам ходят, а вы в ту часть села, которую они удерживают, пройти можете? Вот так же, к примеру?

З. решительно качает головой.

— Нельзя, нельзя. В заложники возьмут. Мучить станут, убьют, потом только труп продадут за большие деньги... или на свой обменяют.

— Почему же вы этих грузин сюда, в Приси, пускаете. Почему?

З., усмехаясь, вновь пожимает плечами:

— Мы днем не стреляем. Как днем в человека стрелять будешь, тем более в знакомого? Сколько лет вместе жили, все друг друга знаем... Ночью — другое дело. Ночью темно, в кого стреляешь — не видно. Значит — можно. Грузины днем тоже редко огонь открывают, наверное, думают примерно так же, как и мы. Но заложников все же берут и днем...

З. и его друзья стараются придерживаться тактики обороны. Иначе действовать в нынешних условиях для них было бы просто неразумно. Осетины дважды с боем сбивали грузинские посты на кладбище у церкви, но оба раза не предпринимали никаких попыток продвинуться дальше и вскоре остав-

ляли захваченную ими высоту, отходили на прежние позиции. Дело тут, конечно, не в повешенном миролюбии осетин и не в их нежелании стрелять в своих недавних друзей и знакомых. Тем более, что столкновения происходят как раз ночью. Дело в соображениях чисто тактических: потерпев поражение, грузины неизбежно усилили бы давление на Приси и перебросили бы к селу значительные подкрепления... В свою очередь, грузины (очевидно, по тем же соображениям) не пытаются продвигаться дальше и ограничиваются периодическими обстрелами осетинских домов и позиций с удерживаемых ими высот. Сложившееся шаткое равновесие пока не желает нарушать ни та ни другая сторона. Но такое положение не может долго сохраняться. Если впрямь начнется штурм Цхинвали (кстати, находящегося всего в нескольких километрах отсюда), то атаке подвергнется Приси. Ведь село это прикрывает город на одном из самых опасных направлений обороны.

Одним из самых опасных мест в Южной Осетии справедливо считается поселок Знаури — недавний райцентр, сейчас оставленный почти всеми жителями. Это вытянутое на несколько километров вдоль дороги поселение выглядит вымершим. Стены его многоэтажных домов несут следы таких беспощадных огневых ударов, которых не знавал до сих пор и сам Цхинвали. В ходе одного лишь обстрела, 29 ноября, поселку было выпущено около 30 ракет! Здесь тоже нет войск. Знаури удерживается силами местного отряда самообороны. С расположенным же к востоку от Цхинвали Ленингорским районом, отрезанным от остальной территории области высоким горным хребтом, никакого сообщения нет. Что происходит там, известно лишь по слухам. Единственная дорога туда проходит через территорию собственно Грузии и

ныне недоступна...

Пора наконец прямо и открыто сказать то, что не решались произнести раньше: Южная Осетия агонизирует. Ее восток мрачно молчит, раздавленный и оккупированный. Север — Джавский район разрушен весенним землетрясением. На восстановление десятков сел и деревень, лежащих в руинах, потребуются не месяцы, а годы: Юг и запад — Цхинвальский и Знаурский районы — пылают в огне войны, и надеяться на ее окончание при нынешней позиции грузинского руководства явно не приходится. Оно утверждает: нет никакой Юго-Восточной автономной области, нет и не может быть никакой Республики Юга Осетии. Есть лишь Самачабло, или Шида Картли, — исконно грузинская земля, на которой осетины только гости.

...Не мое дело пытаться решать, кто первым поселился на этой земле, осетины или грузины. На каждый аргумент одной стороны другая тут же отыскивает свой контраргумент. Лозунги «вождей», опускаясь до уровня обывателя, становятся руководством к действию далеко не самой лучшей части общества. Перед нами все тот же фашизм, только обряженный в новые одежды — якобы «национально-освободительные» и «демократические». Но лицо у него, несмотря на косметику, осталось поразительно похожим на прежнее. Прежними являются и дела, которые он творит. Разве истребление людей по национальному признаку не есть геноцид, не является одним из характернейших признаков фашизма? Разве десятки изуродованных трупов жителей мирных сел — с выколотыми глазами, отрезанными конечностями, наполовину сожженные, со следами пыток, наконец, обезглавленные — это нормально?

Я далек от того, чтобы полностью обелить одну из враждующих сторон и целиком переложить вину за кровопролитие на другую. Да, практика заложничества применяется и теми и другими. И те и другие жгут друг другу дома. Да, в отдаленных селах господствуют понятия древнего горского кодекса чести: «Труп за труп!» И не всегда убитым оказывается тот, кто и сам был виновен в убийстве...

Грустно писать обо всем этом. Грустно, проходя по цхинвальским улицам, каждый день слышать один и тот же вопрос, задаваемый женщинами осажденного города офицерам и солдатам: «Вы отсюда не уйдете? Вы не покинете нас?» И грустно видеть смятение на лицах тех, кто порой не знает, какой ответ дать на этот вопрос. Пока не знает. А когда будет знать?

7—12.12.91 г.

Цхинвали—Ростов

ВОЙНА БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

**В Москву приехали
русские беженки
из Цхинвали.
Они — жены грузин,
и по этой
простой причине
уже год у них
нет ни дома,
ни покоя,
ни надежды на то,
что когда-нибудь
будет что-то
похожее на
благополучие.
В течение года
они с семьями живут
то на турбазе,
то в гостинице,
потом — в другой
гостинице и
на другой турбазе.
Зачем приезжали
в Москву?
«Мы подумали, может,
русские русских
лучше поймут...»**

ТАТЬЯНА:

— Больше всего я рада тому, что из моей семьи никто не погиб. Бог с ним — с домом, хотя стыдно, что в 46 лет я осталась нищей. У нас был собственный дом, из которого нас заставили уйти. Вы знаете, что больше года назад в Цхинвали ввели чрезвычайное положение. Так вот, именно во время комендантского часа начинался самый кошмар. Каждую ночь горели грузинские дома, из которых во все стороны растаскивали барахло. Кого-нибудь убивали. Потом стали брать грузин в заложники: поднимали с постели и уводили раздетыми. Нам постоянно звонили: ищите 20 тысяч или уходите. Не уйдете — взорвем дом вместе с вами. И мы ушли «за границу», жили у родственников в грузинской деревне. Правда, я потом возвращалась. Я не хотела заходить домой, но зашла. Там уже жила осетинская семья. Я спросила у мужчины, можно ли мне будет забрать сохранившуюся мебель. Вообще-то уже все было разворовано: в подвале, например, исчезли не только заготовки, но и пустые банки. А он пожал плечами: дескать, посмотрим еще.

— А его жена была дома? Как она себя велала?

— Как хозяйка, очень свободно. Я бы не сказала, что явилась для них каким-то укором совести. Они сидели за моим столом, ели из моей посуды и чувствовали себя прекрасно.

— Но ведь у вас наверняка были соседи-осетины, с которыми вы до войны были в хороших отношениях. Неужели они вам ничем не помогли?

— Они боялись. Меня однажды схватили на «границе» незнакомые осетинки, хотели отвести к себе в штаб — то есть сделать заложницей, я же все-таки из грузинской семьи. Кстати, все это случилось рядом с воинской частью, на глазах у русских офицеров, которые, покуривая, на это дело смотрели. Женщины скрутили мне руки и повели, но тут на машине проезжала моя соседка-осетинка. Она меня отбила, накричала на тех и увела меня. Когда мы бежали к машине, сзади раздался выстрел. Как в кино... Мы не успели тогда толком поговорить. Но когда я через наших общих знакомых передала, что обязана ей жизнью и очень благодарна, она сделала непонимающее лицо и сказала, что не видела меня несколько месяцев.

Соседки-осетинки приносили мне поесть — но старались, чтобы этого никто не видел. Они боялись подойти ко мне на улице, зато часто звонили по телефону.

— А «смешанные» семьи? Муж — грузин, жена — осетинка. Неужели и им приходилось бежать из своих домов?

— Да. И «смешанных» детей — а не только грузинских — избивали около школ. Заговорить на улице по-грузински — значило оказаться покалеченным, если не убитым. И вообще, что такое озверевший боевик... Они и в осетинские дома в последнее время стали врваться — к таким же осетинам, как и они сами.

— Что же делала Советская Армия?

— В основном наблюдала, если не хуже... Я сама — дочь офицера, воспитывалась в трепетном уважении к армии. Когда мы срочно уезжали, я попросила солдат: «Ребята, помогите хоть что-то вывезти». А они ответили: «Нет, грузины все это затеяли — пусть они и расхлебывают». Почему я это рассказываю? Потому что такой ответ был у них на все случаи жизни. Я уже говорила, что все бесчинства творились именно во время комендантского часа. Никто ни от чего не был защищен. Что говорить, если раньше за 300 рублей солдаты одалживали любому автомат на ночь «пострелять». Сейчас, наверное, это стоит дороже. Я знаю случай, когда в грузинском селе около Цхинвали у одной женщины убили сына и осетинский боевик пришел к ней с тремя русскими офицерами требовать за труп выкуп — 25 тысяч. Они увели ее с дочерью по дождю, потом отправили обратно в село: принесешь деньги — получишь дочку в сохранности.

ИРИНА:

— Я тоже осталась без квартиры и вещей, с тремя маленькими детьми. А нашего родственника убили...

— За что?

— Только за то, что он был грузином. Остановили машину — их в машине сидело трое. Одному удалось убежать, его только в голову ранили. А нашего сварили по пояс в гидроне. Из его груди потом вынули 200 пуль. А у того, кто был с ним, не осталось ни единой целой кости. Пальцы просверлены дрелью, и все что можно — отрезано. Труп нашего родственника боевики долго не отдавали. 3 ноября его убили, и только 24-го отдали тело. Просили выкуп. Его удалось обменять на живого пленного осетина.

Эти женщины трогательно верили в благородство своего президента: «Да если бы Звиад захотел... Неужели четыре миллиона грузин не справились бы с 65 тысячами «южных» осетин! А Звиад, наоборот, говорит, что пора прекратить братоубийство. А его называют тираном — как можно так говорить об этом человеке?»

Да, позволить бывшей Южной Осетии воссоединиться с Северной, которая входит в состав могучей России, значило для Гамсахурдиа добровольно вручить кусок внутренней Грузии столь ненавистной ему «империи». Да, отданный Цхинвали — это не полный суверенитет.

Но разве стоит эта война за свободу Грузии тех страшных жертв, что она принесла? Рано или поздно она закончится, с обеих сторон будут тысячи жестоко убитых людей и сотни сожженных домов. Я уверена в том, что осетинские беженки рассказали бы мне то же самое, что и грузинские. Я не представляю одного: как жители Цхинвали будут смотреть друг другу в глаза после войны.

Елена АВЕРИНА

Борис ЖУКОВ

Политический ландшафт начала года

КТО СЕГОДНЯ ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ?

С похоронами КПСС, которая кое-как уравнивала все вновь возникшие политические структуры, деятельность последних утратила всякое подобие упорядоченности. Если бы сегодня была восстановлена традиция Государственной думы рассаживать депутатов по фракциям справа налево, то те, кому пришлось бы это делать, сходили бы с ума целыми президиумами.

Причем знание рамок тех или иных организаций, их статуса (фракция, партия, движение) тут также не поможет. В рамках социал-демократической партии может существовать фракция с типично либеральными установками. Часть республиканцев активно участвует в Движении демократических реформ, в то время как московская организация той же партии подписала направленную против этого движения декларацию. Блок «Демократическая Москва» решительно размежевывается с блоком «Демократическая Россия». Коммунистической оппозиции в Моссовете удастся провалить несколько резолюций с помощью голосов наиболее радикальных демократов. А простенький вопрос, на который в любой многопартийной стране сразу дают краткий ответ — кто входит в правящий блок, — у нас не только остается безответным, но и выглядит бестактным. Многие нынешние политические силы, подобно герою известного анекдота, ищут способ быть влиятельными, как правящая партия, и свободными в действиях (то есть безответственными), как оппозиция.

Попробуем все же разобраться, что за персонажи действуют сегодня на нашей политической сцене, определить их отношение к некоей принципиальной точке политического пространства. Сегодня такой точкой можно считать нависшие над страной перемены. Если не пользоваться идеологическими клише, суть этих перемен можно определить так: ликвидация принципиальных отличий советского общества от западного. Причем речь идет преимущественно об отличиях в экономике и

Что за персонажи действуют сегодня на политической сцене в роли демократов? То, что движением неоднородно, противоречиво и т.д., известно, а дальше? Как относятся к реформам различные силы в этом блоке и что намереваются с ними сделать? Какие интересы преследуют и какие задачи ставят? Попробуем разобраться.

социальной структуре, ибо в остальных сферах общественной жизни основные черты советского общества с переменным успехом уничтожают уже года три.

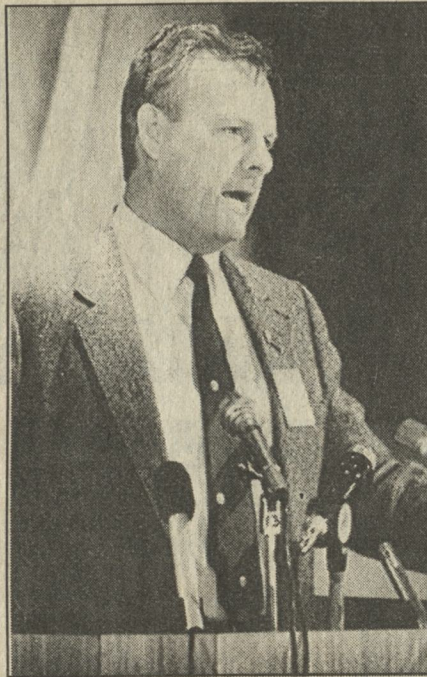
Под отношением политических сил к предстоящей реформе подразумевается не только простейшее «за» или «против», но вообще роль, которую та или иная сила намеревается в этой реформе играть. Получившаяся картина — снимок положения политических фигур на сегодня. Через несколько месяцев положение может измениться неузнаваемо, как в шахматном этюде. Но посмотрим, каковы исходные позиции фигур сейчас.

Итак.

ЕЛЬЦИН. Российский президент до сих пор остается самостоятельной политической силой. У него нет никакой собственной партии или массовой организации — возможности ее создания он лишил себя сам «выходным» заявлением последнему съезду КПСС. В текущих делах он использует собранную им лично для себя (и потому заминированную внутренними конфликтами) команду — аппарат президента и Госсовет, а в последнее время еще и правительство. В политическом же смысле он опирается на чрезвычайно широкую часть общества, очень пеструю не только в социальном, но и в собственно политическом плане. С самого начала ему, помимо демократов, симпатизировали многие сторонники «сильной руки» (вплоть до открытых сталинистов), а во время и особенно после путча к нему переметнулось какое-то количество «государственников» и «патриотов». Строго говоря, такая фокусировка на фигуре Ельцина симпатий самых разных политических сил как раз и делает его программу — вне зависимости от ее объективных достоинств или изъянов — более или менее осуществимой. Но нам сейчас важно, что между Ельциным и подавляющим большинством его сторонников нет никаких политических структур, он связан с массами «через голову» объединяющих (и разъединяющих) их организаций. Даже та ничтожная часть его сторонников, которая входит в политические партии, поддерживает его независимо от позиции

своей партии. С августа Ельцину приходится отбиваться от обвинений одновременно в диктаторских поползновениях, покушениях на демократию на местах и в нерешительности, потворстве местной номенклатуре. Свистопляска назначений-отзывов представителей президента, снятий-восстановлений глав местной власти, делегирования-приостановки полномочий — это цена «организационного популизма» Ельцина.

Еще хуже обстоят дела с национальной политикой. Судя по действиям Ельцина, у него нет никакой — даже на уровне простого пожелания — концепции национального устройства России. Вероятно, до августа он вообще не рассматривал этот вопрос специально, полагая национальные проблемы второстепенными, а то и просто инспирированными Центром. Если противодействовать союзу номенклатуры с националами он понемногу научился, то антиноменклатурные национальные движения с широкой социальной базой оказались для него полной неожиданнос-

Выполнять программу Ельцина так или иначе придется местной администрации, представляющей сейчас довольно разношерстную смесь.

тью, что и привело к провалу в Чечне. Ельцин, правда, не раз поражал способностью к быстрому обучению, но дело осложняется тем, что над ним тяготеют многочисленные прежние обещания: автономиям («берите столько суверенитета, сколько сможете освоить») и русским государственным («сохранение единства России»), соседним республикам («нерушимость границ») и их национальным меньшинствам («Россия не допустит ущемления интересов русских людей и всех граждан бывшего Союза»). А тут еще проблемы возвращения территорий депортированным народам... Совместить эти обязательства друг с другом, скорее всего, просто невозможно.

Правда, в последнее время в национальной политике Ельцина сложился, по крайней мере, один четкий принцип. Сформулировать его можно так: допустимо жертвовать всем, кроме человеческих жизней. Любой национальный конфликт после первого же кровопролития становится абсолютно неразре-

шимым, поэтому крови нужно избегать любой ценой. Для конструктивной политики — маловато, но большего, похоже, сегодня никто не может предложить.

«ПАРТИЯ ВЛАСТИ». Выполнять программу Ельцина так или иначе придется местной администрации, представляющей сейчас довольно разношерстную смесь. В нее входят лидеры победивших на выборах демократов и та часть прежней номенклатуры, которая изъявила готовность работать с новой властью. Та или иначе этих людей не связывает никакая общая идеология, но у них есть некая общая ответственность: их первыми будут бить, когда есть станет нечего. При этом они отлично понимают, что «нечего есть» может оказаться внезапно, причем непредсказуемо большим группам людей, а о сильном подавлении беспорядков сегодня просто не может быть и речи. Отсюда неизбежный страх как старых, так и новых властей перед обвальная приватизацией и немедленной либе-

рализацией цен. Безвластным политикам и независимым экспертам вольно в сотый раз расписывать классическую схему: высокие цены на товар привлекут капиталы в производство, стимулируют его рост и т.д. Схема, конечно, верная, да только никакие сверхприбыли в торговле, скажем, картошкой не увеличат количество последней раньше августа-сентября — а за это время многое может случиться. Есть, правда, западная продовольственная помощь, но кто может сказать о ней что-то достоверное? Вот и мудрит российское правительство над списком «неотпускаемых» товаров, вот и швыряет Руцкой на стол весь свой политический авторитет, пытаясь предотвратить немедленный отпуск цен, вот и выдумывает Попов под занавес третий или пятый вариант совмещения свободных цен с гарантированным прокормом всех.

Особые надежды возлагаются на авторитетные массовые движения, которые могли бы удержать народ от бунта или хотя бы локализовать последний. Возможно, такая роль отводилась **ДВИЖЕНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ** (хотя, скорее, оно должно было оформить организационно союз номенклатурных и демократических прагматиков) и входящей в него партии Руцкого. Но обе эти структуры сегодня все еще наполовину в проекте, а времени уже совсем нет. «Партии власти» удалось сохранить под своим фактическим контролем «Демократическую Россию», и уже выдвигались проекты превращения ее местных организаций в «комитеты поддержки реформ» (обладающие полуофициальным статусом — этакая бледная тень ревкомов).

Попытка превращения «Дем.России» в массового проводника и разъяснителя политики «партии власти» ставит в двусмысленное положение входящие в это движение оформленные партии. В сущности, им предлагается участвовать в реформах на таких условиях: в случае провала они вместе с «партией власти» исчезают с политической сцены, успех же, если он будет, достается целиком правящей команде, увеличивая и без того вопиющую несоразмерность политического веса партийных лидеров (вместе с их партиями) с авторитетом «отцов демократии» — Попова, Афанасьева, Собчака и в пользу последних. Естественно, у молодых партий нет никакого желания вступать в эту игру, но ведь и в полноценную оппозицию к околоельцинской группировке они, как уже говорилось, встать не могут.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПАРТИЯ сохранила неплохие позиции в «Дем.России», участвует в формировании ДДР, некоторые ее деятели прямо работают в новых государственных структурах (например, С.Сулакшин —

представитель президента России по Томской области). Ей есть что терять, тем более что в «свободном полете» никаких особенных выгод для нее не просматривается: у нее нет ни явного лидера, сравнимого хотя бы с Травкиным по популярности за пределами партии, ни четкой, только ей принадлежащей доктрины, ни даже обаяния традиции, как у социал-демократов. То, что при этом поддержка республиканцами «партии власти» далеко не единодушна и не окончательна, показывает, насколько неуютно сегодня любой организации партийного типа внутри «Дем.России».

Особое положение занимает **КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ**. Во-первых, это чуть ли не единственная из ныне действующих партий, действительно связанная с четко очерченной социальной группой, причем именно с той, от имени которой она и выступает. Во-вторых, «партия Черниченко» не собирается в обозримом будущем самостоятельно бороться за власть, но желала бы войти в правящую коалицию и формировать ее аграрную политику или хотя бы сильно влиять на таковую. Отсюда и тактика: блокироваться с теми, кто является властью сегодня (то есть с «партией власти»), но при этом не отказываться от критики их действий (особенно «в своей», аграрной сфере) и не портить отношения с теми, кто может оказаться властью завтра.

Самый, пожалуй, сложный вопрос: почему из «Дем.России» не ушли **СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ**? Конфронтация их с руководством «Дем.России» очевидна, терять им вроде бы нечего, а воспоминания о совместном боевом прошлом вряд ли сильно влияют на их действия. Кажется, у этой партии есть все шансы сохранить себя, порвав с аморфным дем.движением: если к Травкину многие шли просто как в авангард «Дем.России», то к социал-демократам — в основном люди, считающие себя именно социал-демократами. Так почему же эта партия не уходит, не использует все хоть и рискованные, но многообещающие выгоды самостоятельности?

Видимо, по двум причинам. Главное — это явно превышающая сегодняшней авторитет партии возможность влиять на принципиальные реформы (за счет высокого личного авторитета О.Румянцева, С.Белозерцева и других, который, однако, им не поможет после их перехода в открытую оппозицию «партии власти»). А другая — это желание изжить комплекс «двоюродных братьев большевизма», доказать свою способность к сотрудничеству напекор политическим расхождениям, свою состоятельность в качестве партнера и союзника.

Особые надежды возлагаются на авторитетные массовые движения, которые могли бы удержать народ от бунта или хотя бы локализовать последний.

ТРАВКИН И «ИМПЕРСКИЕ» ДЕМОКРАТЫ

Демократическая партия России и образующие вместе с ней блок «Народное согласие» Российское христианско-демократическое движение и Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы) уже прочно освоились с ролью «внутридемократической» оппозиции. Еще в начале октября ДПР выступила против «партии власти», объявив о своей оппозиционности московским властям и возможном переходе в оппозицию на республиканском уровне. Скандальное размежевание с «Дем.Россией» в ноябре довершило картину, хотя у блока и возникли определенные трудности: не сразу удалось сформулировать политическую позицию, которую можно было бы противопоставить позиции «партии власти» и руководства «Дем.России». Выброшенный поначалу лозунг защиты предпринимательства от произвола новых властей «не пошел» — самим

предпринимателям отношения с реальной властью (хотя бы и не вполне их устраивающей) оказались важнее безвластных «защитников». К тому же «Народное согласие» в экономической области связано все тем же негласным требованием лояльности к программе Ельцина, и, следовательно, его противостояние «партии власти» по этим вопросам не может быть достаточно непримиримым. ДПР пришлось оседлать любимого конька Травкина — лозунг защиты вековой российской государственности, в отношении к которой Николай Ильич с самого начала расходился с большинством деятелей демократического движения.

Вопрос об отношении к «развалу Союза и России» расколол **ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ** и **КАДЕТОВ** внутри, и сегодня у нас есть две христианско-демократические организации (одна — «движение», другая — «партия») и две кадетские (одна к своему названию добавляет в скобках «партия народной свободы», другая обходится без добавлений). РХДД и КДП (ПНС) пребывают в «Народном согласии», РХДП и просто КДП — в «Демократической России».

Пока что логика отчаянной борьбы за «спасение державы» подвигла Травкина на протест против Беловежского договора (в первые дни после его подписания) — возможно, последней серьезной надежды на спасение хоть чего-то от этой державы. Впрочем, неизвестно, отнесся бы Травкин к этому соглашению так категорично, если бы его ратификация или срыв и в самом деле зависели бы от позиции ДПР.

Для создаваемой **ПАРТИИ ТРУДА**, как и для ее немногочисленных предшественников — **СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ** и **КОНФЕДЕРАЦИИ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ**, оппозиционность является единственно возможным отношением к «правлящей буржуазно-либеральной группировке» и ее реформам. В отличие от всех рассмотренных ранее сил эта партия не связана условием поддержки программы Ельцина и открыто ее критикует.

Сегодня их мало кто воспринимает всерьез. Некоторые видят в них если не новую ВКП(б), то по крайней мере будущих леваков-экстремистов. Большинство же считает их заигравшимися в политику мальчишками, *enfants terribles* российской демократии.

Между прочим, у *enfant terrible* по определению есть одна привилегия — он может называть все вещи своими именами, в то время как благональным детям таких слов вовсе знать не положено — не то что вслух произносить. При этом мнение уличного мальчишки, скажем, о том, откуда берутся дети, при всей своей неприличности куда ближе к истине, чем «общепринятые» аистно-капустные теории. Ведь действительно, сколько бы слов ни сказала демократическая пресса, а приватизация-то все равно будет преимущественно номенклатурной. Действительно, как бы возвышенно ни обставлялось «возвращение нашей страны в мировое сообщество», роль ее в международном разделении труда в обозримом будущем может быть только одна — экспорт сырья (от невозобновимых энергоносителей до донорской крови и дешевой рабочей силы), импортер грязных технологий и промышленных

свалок. Действительно, несмотря на любые меры поощрения производства, центральной фигурой «рынка по-советски» еще долго будет не потре-

битель и не производитель, а спекулянт-перекупщик. И мелькающие на страницах и экранах благородные бизнесмены, «народные предприятия» и проданные в Америку советские технологии имеют такое же отношение ко всему этому, как процветание стародубцевского колхоза к жизнеспособности колхозного строя вообще. Сегодня обо всем этом в приличном демократическом обществе говорить не принято. Вот для напоминания и нужны нарушители приличия, роль которых сегодня взяла на себя Партия труда.

Вот, пожалуй, и все сколь-нибудь заметные и потенциально влиятельные силы в демократическом блоке. То, что он неоднороден, «раздираем противоречиями» и т.д., читатель, незамордованный до полного равнодушия к политике бытом, знает. Предлагаемый вариант характеристик политических фигур демократического блока — всего лишь вариант. Но он все же позволяет кое-что объяснить в настоящем и предвидеть в будущем в наше необъяснимое время.

Фото В.Левитина,
Б.Кремера,
Ф.Титова,
РИА, ТАСС

рассказик

Герман ДРОБИЗ

Многопартийный Сергей Иванович

Семимильными шагами движется по стране многопартийность, успешно расцветая не только в республиках и областях, не только в трудовых коллективах, но даже и в отдельных личностях, например, в Сергее Ивановиче.

Долгое время Сергей Иванович был позорно равнодушен к подробностям борьбы за народное счастье и не имел внятной политической ориентации. Но однажды приятель протасил его в закрытую столовую обкома КПСС — и после обеда в ней Сергей Иванович вышел убежденным коммунистом. Каковым и пребывал до самого вечера. Но ближайший же вечер выявил в нем удивительную, просто-таки прискорбную нестойкость на определенной политической платформе: он зашел в гости к другому приятелю и там после третьей рюмки в нем проснулся кадет с тоской по правам человека, после пятой — социал-демократ с мечтой об акционировании предприятий, после седьмой — анархист экстремистского толка, а после девятой он объявил о создании собственной партии любителей портвейна «Агдам» на платформе «Первомайская», близ которой он в те минуты находился.

В результате наутро, изучив свое политическое лицо, Сергей Иванович обнаружил, что он зеленый, но почему-то без капычек.

Подобные превращения не проходят бесследно, и теперь Сергея Ивановича с головы до пят пронизывает наряду с кровеносной столь же разветвленная многопартийная система.

И если вызвать его на откровенность — а для этого достаточно принести бутылку-другую практически любого вина, — то анархомонархозеленокадетолибералокommунист Сергей Иванович быстренько объяснит вам, что для счастья России следует землю раздать крестьянам, а крестьян — помещикам, воссоздать институт парторгов ЦК и каждому из них дать в собственность завод или фабрику, кроме того, пригласить к нам западных предпринимателей, а отечественных расстрелять, кроме того, отдать японцам Курильские острова и восстановить соцлагерь в Европе, а главное: везде и всюду огнем и мечом установить демократию, для чего всюду и везде гнать демократов поганой метлой.

Вы находите, что его рецепты несколько противоречивы? Увы, это и есть те издержки плюрализма, о которых нас предупреждали наиболее осторожные из западных умов.

А если вас страшит столкновение с реальной многопартийностью — ну и никто вас не неволит, не пейте с Сергеем Ивановичем.

КТО ПЬЕТ ШАМПАНСКОЕ, ТЕПЕРЬ НЕ РИСКУЕТ

Институт социальных и политических технологий выяснил, что же мешает предпринимателям Центрального региона России больше всего? Опросили тысячу бизнесменов и более ста пятидесяти экспертов. Оказалось, инфляция и слишком медленная приватизация — враги номер один. Далее следуют трудности с получением сырья, материалов, оборудования. Зато такие явления, как конкуренция, неразвитость инфраструктуры, низкое качество рабочей силы, мало волнуют российских предпринимателей. Снижение производства тоже незначительно повлияет на развитие предпринимательства — так

считают большинство опрошенных.

Характерные для нормального рынка социальные факторы риска — безработица, забастовки — волнуют бизнесменов меньше, чем типично советские явления — привычка к уравниловке, снижение жизненного уровня, рэкет, взяточничество. Эксперты оценили уровень социальной стабильности в семи областях региона — пока он не внушает тревоги, но вероятность обострения социально-политической обстановки в течение года весьма высока.

Очень скептически относятся и эксперты, и сами предприниматели к местным властям — их неспособность к реформам, бюрократизм, безразличие к рыночным институтам скорее всего станут самым серьезным тормозом в развитии деловой активности.

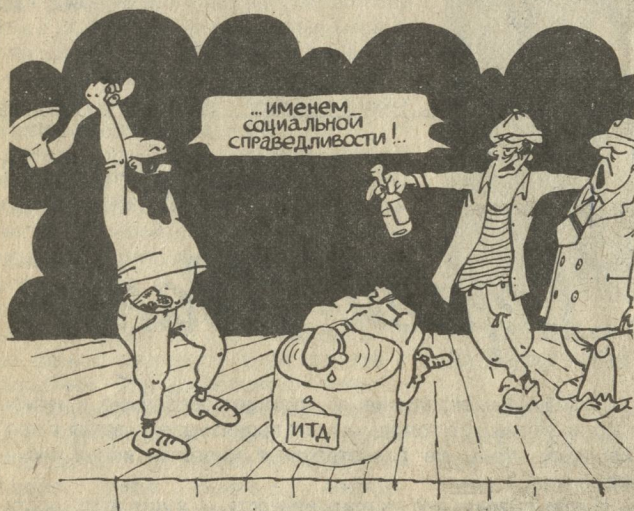

Рис. А.Казачкова

«ОБОРОНКА» НАС НАУЧИТ

Умеющие хранить секреты работники «оборонки» занялись проблемами защиты коммерческих тайн. Они создали малое предприятие — Центр компьютерной безопасности, который занимается

диагностикой и лечением ЭВМ, зараженных компьютерным вирусом. Его работники могут обнаружить практически все известные типы вирусов. Центр начал обучать бизнесменов и способам охраны коммерческих тайн — более десяти специализированных курсов рассчитаны на служащих банков и бирж.

КРЕДИТЫ МОГУТ ДАТЬ, НО СЛИШКОМ ПОЗДНО

По сведениям, полученным из источников, близких к Комиссии европейских сообществ, во время переговоров в Брюсселе (делегацию возглавлял Г.Бурбулис) было заявлено о принципиальном согласии России включить в текст соглашения о предоставлении кредитов для закупок продовольствия в странах ЕЭС положений, предусматривающих отказ Российской Федерации от государственного иммунитета, если она не выполнит условий по выплате своей части кредита. На практике это будет означать, что **все имущество России за границей, все ее счета в банках стран европейских сообществ могут быть обращены в доход кредиторов.** Такое условие было выдвинуто сообществами еще во время переговоров с бывшим руководителем МЭК И.Силаевым и долгое время служило предметом серьезных разногласий между сторонами. Причем на всех предыдущих переговорах как с ЕЭС, так и с отдельными странами удавалось отклонить столь опасные для нас требования.

По мнению экспертов, включение подобных положений в текст международных договоров выходит за рамки действующего законодательства России. Поэтому парламент республики вряд ли ратифицирует соглашение о предоставлении кредитов, в котором будет содержаться пункт о возможном лишении России государственного иммунитета. Из этого следует, что Россия может и не получить обещанных кредитов. Но даже если обсуждение все-таки начнется, оно продлится несколько месяцев и в случае ратификации продукты поступят лишь в конце весны.

ВАЛЮТЫ НЕТ, А МЫ ЕЕ ТЕРЯЕМ

Ассоциация ЮНИСКАН — пока единственная в стране, получившая право выдавать производителям коды для систем автоматической идентификации.

Этикетки с полосками на импортных вещах мы видели, но о том, зачем нужны эти штриховые коды, знаем мало. В них зашифрована вся информация о продукции — эти сведения позволяют с помощью электронной связи следить за движением товаров, организовать их хранение, транспортировку, изучить конъюнктуру рынка. Кстати, штриховые метки — не единственный метод автоматической идентификации. Есть «радиоярлыки», с помощью которых сортировка контейнеров в порту или вагонов на железной дороге идет практически без участия людей. Есть магнитные чернила, исключающие подделку чеков, магнитные кредитные карточки...

У нас эта сфера в запустении, поэтому мы теряем 10—15 процентов валютной выручки — приходится платить зарубежным фирмам за то, что они меняют дотопные этикетки на современные, с кодом. А скоро без кода ни один товар не продашь на внешнем рынке — его наличие предусматривает соглашение о зоне свободной торговли европейских стран.

Какая тема больше других волнует нас сегодня? Конечно же, цены. Старики утверждают, что мы «вернулись» к ценам 1947 года. Так ли это? В поисках истины отправляюсь в Общесоюзный фонд преискурантов. Заветные тома, хранящие тайну цен и тарифов, действительно помнят все. Но меня в первую очередь интересовали цены на продукты питания. И я их узнала.

Раиса ФИРСТОВА

О ЧЕМ ВЗДЫХАЕТ БАБУШКА...

1947 год

Среднемесячная заработная плата в 1945 г. равнялась 440,9 руб. В 1960-м, накануне реформы, — 830 руб.

Трудный, послевоенный, до 14 декабря «карточный», далее — «послекарточный», «послереформенный» год. Чем он мог радовать людей?

Между тем в «Преискуранте розничных цен на хлеб и хлебобулочные изделия» я насчитала 312 наименований различных изделий. Одних ржаных — 25. Стоимость килограмма такого хлеба — от 2 руб. 80 коп. до 7 руб. В семь рублей оценивался хлеб московский, любительский, в целлофане. Заметьте: целлофан в 1947 году! Уточню также, что цены здесь и далее приводятся по II региональному поясу, в который входит Москва, и в дореформенных деньгах.

Килограмм пшеничного хлеба, в зависимости от вида и сорта муки, стоил от трех рублей до 15 за килограмм, причем последний — хлеб ситный, подовый, с изюмом. Сушки с маком и сушки розовые — по 15 руб., сушки витье — 21 руб. Сухари-гренки пшеничные из весового хлеба — по 5 руб. 50 коп., кофейные — по 24, дорожные — по 14...

А почему покупали соль? Преискурант отвечает: примерно по 3 руб. за кило. И уточняет, что соль, «расфасованная в

тканевые мешочки емкостью 1 кг, стоит на 1 рубль дороже».

Крупа. В преискуранте перечислено 20 наименований. Гречневая ядрица и смоленская — 12 руб., продельная — 10 руб. 30 коп., ячневая перловая трехномерная — 5 руб. 90 коп., овсяная цельная и дробленая — 3 руб. 60 коп., манная — 12 руб. 60 коп., рис первого сорта 17 руб. 10 коп.

Мясо. «Говядина и мясо молодняка крупного рогатого скота жирной и высшей средней упитанности» (так называется раздел) в зависимости от сорта стоили от 7 до 34 руб. за килограмм. Баранина — от 6 до 34 руб., свинина — от 11 до 48, телятина молочная — от 6 до 38, говяжья вырезка — 46. Язык говяжий и телячий — 31 руб., печенка говяжья и телячья — 25.

Колбаса. В разделе «Колбасные изделия» я насчитала 150 наименований. Одних только вареных 15, фаршированных 6, сосисок и сарделек 9 видов. Цены на первые — от 27 до 58 руб. за килограмм, на вторые — от 58 до 72, на третьи — от 28 до 50 руб. Полукопченые колбасы в среднем немного дороже: от 30 до 65 руб. за килограмм. Еще дороже сырокопченые и твердокопченые вареные колбасы — от 44 до 92 руб.

Сахар-песок стоил 13 руб. 50 коп., кусковой рафинад в пачках — 16 руб. Карамель по 14, 19, 21, 28 и т.д. руб. за килограмм, а шоколадные конфеты по сотне за кило. Плитку шоколада весом в 100 г можно было купить за 16 руб. и дороже.

Рыба. Охлажденный судак, например, стоил от 10 до 12 руб. за килограмм,

сом — 14 руб., вобла — 7 руб., камбала дальневосточная — по 5 руб. 20 коп., кефаль — 19—23 руб., крупная форель — по 23 руб., мелкая — по 19.

Икра паюсная бочковая красной рыбы — по 250 руб. за килограмм. Кетовая, горбушечья зернистая — по 150, осетровая и стерляжья зернистая баночная — по 400 за килограмм.

Сливочное масло — от 58 до 72 руб. за килограмм.

Сыры. Их в преискуранте перечислено много. Назову лишь три вида: швейцарский (экстра) — 54—82 руб. за килограмм; советский — от 50 до 76; примерно столько же стоил килограмм голландского сыра.

Майонез-провансаль в 250-граммовой упаковке стоил 8 руб.

Молоко цельное пастеризованное весной — летом и осенью — зимой ценилось по-разному, а в общем — от 3 до 4 руб. за литр. Банка сгущенки с сахаром (400 г) стоила 7 руб. Без сахара — вдвое дешевле.

Картофель и свекла продавались по рублю за килограмм. **Капуста и морковь** — по полтора. **Яблоки** в зависимости от сорта и сезона — от 4 до 19 руб. за килограмм.

Чай — от 160 до 220 за килограмм. В продаже кроме грузинского и азербайджанского постоянно были индийский, китайский, цейлонский и прочие.

Кофе натуральный, сырой, в зернах стоил 64 руб. за килограмм, жареный — 84, жареный молотый — 86.

Но вернемся из далекого 47-го в наше сегодня.

1992 год

За 9 месяцев 1991 г. среднемесячная зарплата составляла 432 руб. Минимальный реальный среднемесячный доход в 1992 г., по прогнозам, будет равен 342 руб.

С начала нынешнего года цены ушли в свободный полет. Продавцы мило шутят по этому поводу: «Цены свободные! Пришел, посмотрел — и свободен!» Товаров, во всяком случае в начале месяца, на прилавках не прибавилось. Общую картину удалось составить, побегав по магазинам. Где-то продавались леденцы по 11 руб. за кило. Где-то копченая сардинелла по 9. Где-то майонез по 5 руб. 40 коп. за 250-граммовую пластмассовую баночку. Местами — неприглядная свинина по 66 руб., сгущенное молоко по 20 руб. 50 коп. за баночку, колбаса от 86 до 216 руб., сливочное масло по 132 руб. за килограмм, молоко по 2 руб. 40 коп. за литр, сливки по 13 руб. 92 коп. за пол-литра. В булочных — хлеб по 2—3 руб. за буханку. В овощных — картофель по 3.50, лук по 6.90, морковь и капуста по три с мелочью за кило. Это в Москве. В других городах дороже. В Хабаровске, например, килограмм плохой картошки продавался по 4.97, морковь и ослезливая квашеная капуста — по 7 руб.

По планам нынешнего нашего правительства, цены должны были подняться на 500—600 процентов. Насколько увеличатся реально — поживем, уви-

дим. Итоги подводить еще не время. Свободные цены пока не сложились. Производители в запросах не стесняются: кто-то предложил московским магазинам сметану по 97 руб. за килограмм, кто-то мясо по 250. Приплюсуйте к этим цифрам еще 25 процентов, которые имеет право набавлять магазин (ему тоже ведь надо на что-то жить!), и прикиньте, по карману ли вам они будут. Неизвестно поэтому, сколько будут стоить завтра мясо, хлеб, молоко. И бу-

дут ли, как ожидается, когда-нибудь завалены товарами наши магазины — тоже неизвестно. Предыдущий, 300-процентный рост цен производства, увы, не стимулировал и прилавки товарами не наполнил. А что нас дальше ждет? И доживут ли до лучшего будущего уж не бабушки наши, а хотя бы наши дети или жизнь так и останется навеки беспросветной?

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА**Брянск**

Либерализация цен больно ударила не только по живым, но и по ушедшим в мир иной. Поскольку цена гробов в Брянске выросла ровно в десять раз и составила, в зависимости от размеров «изделия», 700—800 рублей за штуку, далеко не всех умерших удастся предать земле вовремя. Родственники лихорадочно собирают деньги, похороны откладываются. Неумищим лучше подождать со смертью...

А.СТОКЛАСКА**Енакиеве**

Сбылись мечты теоретиков военного коммунизма. Енакиевский горисполком принял решение: все жители города до одного — начиная с грудных младенцев и кончая немощными стариками — «закрепляются» отныне за определенными магазинами по месту жительства. Каждый енакиевец сможет теперь приобретать продукты в ограниченных количествах по фиксированной цене.

И.АЛАТАРЦЕВА**Калуга**

Уже в 1993 году на здешнем моторостроительном заводе должен быть выпущен первый сельскохозяйственный трактор-автомобиль «Мерседес-Бенц» с полным комплектом навесного оборудования — таковы итоги завершившихся переговоров с представителями немецкой фирмы. Предполагается, что на первых порах в Калуге будет осуществляться лишь сборка машин.

А.ШИБАНОВ**Нижний Новгород**

Довольно непривычная запись появилась в зачетных книжках студентов естественно-географического факультета здешнего педагогического института. Они получили зачеты по «Экономической географии СНГ», хотя слушали курс с названием — «Экономическая география СССР». Запись в зачетках «волевым решением» изменил доцент Б.Костальский.

Н.МОРОХИН (ИА ПАС)

Ги СОРМАН:

«ОТ СОЦИАЛИЗМА БЫСТРО НЕ ИЗБАВИШЬСЯ»

— Господин Сорман! Есть ли выход из социализма?

— О, это неизвестно. Можно долгие годы пребывать в хаосе. При переходе от одной экономики к другой возможно сожителство нескольких систем одновременно. Остается государственный сектор, и параллельно развивается частный. Стычки, конфликты между ними неизбежны. А вот в чем я абсолютно уверен, так в том, что в России социализм уже не пройдет. Он потерпел полный провал и мешает развитию общества. Рост благосостояния начнется только при частной собственности. Если отбросить эмоции и провести научный анализ создавшегося положения, то получится: государственная собственность сдерживает промышленное производство. Удивительная ситуация — промышленность обходится обществу все дороже и дороже, а выпускает товаров все меньше и меньше.

— У нас есть поговорка: лучше один раз увидеть, чем сто — услышать. Вы полагаете, можно написать реалистическую книгу о социализме, не пожив при нем?

— О системе писать проще, когда находишься вне ее. Я не претендую на то, чтобы давать рецепты. Я только констатирую факты — такой-то опыт может

быть полезен, а из такого ничего не выйдет.

— Что известно во Франции о новых реформах России? Как их оценивают французские экономисты?

— Мы очень внимательно следим за развитием обстановки в России. Вся трудность заключается в том, чтобы различить — где речи, где заявления, а где реализация намеченных программ. Больше всего нас поражают две вещи. Правительство не может принять единой стратегии действий. Его бросает то в одну, то в другую сторону. Второе, что изумляет, — это появление в России предпринимателей. Пусть даже в парадоксальных формах, таких, как теневой бизнес. Ведь «черный» рынок — это своего рода индивидуальная стратегия в системе, где никаких правил не существует. Поэтому нельзя выносить приговор теневым сделкам, надо выносить приговор тому, кто никак не работает и не примет правила.

— В какой, на ваш взгляд, социалистической стране социализма было больше всего?

— Теперь или раньше?! Говорить в прошедшем времени еще рано. От социализма быстро не избавишься. По моему, все виды социализма ужасны и похожи друг на друга.

— Смог бы французский народ вытерпеть семь десятилетий социализма?

— Всякий раз, когда я приезжаю в Россию, задаюсь этим же вопросом. Думаю, русский народ знал в своей истории столько насилия, что никакого другого больше не потерпит.

Е.КОЛЕСНИКОВА

Ги Сорману 46 лет. Он известен как политолог, экономист, журналист, автор шести книг, изданных в двух десятках стран. Ведет семинары в Корнеллском и Принстонском университетах США, занимается исследовательской работой для американского Института Гувера. Несколько лет посвятил, как он сам говорит, «изучению картины социалистического мира конца 80-х годов». В результате была написана книга «Выйти из социализма». Недавно она вышла на русском языке в издательстве «Новости».

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ ПОТЕМКИНСКОЙ МЫСЛИ

Глава из книги Г.Сормана «Выйти из социализма»

Борису К. лишь сорок лет, но власть уже наложила на него отпечаток. Довольно было только двух месяцев после его назначения Борисом Ельциным на пост министра России, чтобы этот рядовой аппаратчик Госплана обрел надменность, кичливость, резкие манеры любого «номенклатурщика» высшей категории. Настоящий «номенклатурщик» обязан быть недостижимым; его окружают многочисленные завывающие отделы, также недостижимые, и отсутствующие секретарши. Никто в «Белом доме» — здании правительства России — не знает, здесь ли Борис К.; надо поддерживать таинственность и... беспорядок. Назначение встречи не обязывает министра. Великий аппаратчик реша-

ет всегда (в последний момент!), чем он желает заняться или куда ехать, с кем встретиться. Так, всем назначено одно время, чтобы у «владыки» был выбор посетителей.

В кабинетах пожилые усталые уборщицы двигают швабрами без видимой надежды победить накопившуюся пыль. Без умолку трезвонят телефоны, но никто не отвечает на звонки и уж, конечно, не секретарши, которые заняты приготовлением чая для властелинов. То ли служащие, то ли охранники в форме с плохо повязанными галстуками и сдвинутыми на затылок фуражками курят сигарету за сигаретой, читая газеты и слушая радио. Наконец в глубине приемной открывается дверь, похожая на шкаф. Оказалось, что это оби-

тая дерматином перегородка, ведущая через тамбур в кабинет министра.

Борис К. — экономист, как всякий сейчас в советской администрации, что наделяет его компетентностью для рассуждений об экономике. Он один из авторов амбициозного плана «500 дней», в результате которого российское правительство должно было денационализировать и поставить на ноги экономику.

О, это пристрастие к планам! С начала перестройки соперничающие правительства СССР и России, не считая личных инициатив, не прекращают обнародовать планы, которые должны заменить План. Все они направлены на освобождение от плана, замену принуждения свободной инициативой. Все они глобальны — русский дух любит все, что глобально, амбициозно, окончательно и смутно. Все эти планы предусматривают инфляцию, но ни один не предлагает реалистического метода сократить количество денег, чтобы создать настоящий конвертируемый рубль. Несмотря на все — на невыполнимые и невыполненные планы, — Борис К. утверждает, что экономическая мысль идет в сторону либерализма. «Перестройка прошла через многие стадии, — поясняет он. — В 1985 году полагали, что к социализму можно прийти через дисциплину и призывы к работникам. Затем мы думали усовершенствовать социализм, ослабив контроль. Потом — введя рыночные механизмы. От этого рыночного социализма мы пришли к регулируемому рынку. В 1988 году мы выступили за рыночную экономику, а в 1989 году приняли принцип частной собственности. Все эти этапы представляли настоящую психологическую перестройку!» — объясняет мне мой собеседник. Что до меня, то я увидел в этом признании еще один спектакль, в каждом действии которого один занавес скрывает другой, потому что на деле сюжет остается неизбылем! Но, должно быть, я недооценил значения сказанного. «Теперь, — продолжает Борис К., — мы поняли, что не может быть рыночной экономики без частной собственности, и мы проведем приватизацию».

На словах или на деле? Приватизация — это, прежде всего, проблема метода. Каким будет метод российского руководства? (Осторожно, Ленин начеку! На стене висит его фотография, которая мне была неизвестна: Он — читающий «Правду».) Борис К. за частную собственность при условии, что она будет мелкой: руководство России готово продать на аукционах мелкую торговлю, малые предприятия кому угодно и не спрашивая о происхождении средств на их покупку. Реально только номенклатура и мафия имеют достаточно денег, чтобы приобрести эти ценности, что и делается уже, например, в Ленинграде. Тут я соглашусь с Борисом К., что капитализм должен начаться с тех, у кого есть капиталы.

Что произойдет с крупными предприятиями, выпускающими 99 процентов продукции в России? «Они станут «негосударственными», — отвечает Борис К. Но «негосударственными» — не значит частные.

Тут Борис К. приводит пример, которому надо следовать. Государственное предприятие КамАЗ в центре России, производящее грузовики, было преобразовано в акционерное. Акции были распределены российским правительством — и бесплатно — между его работниками, местным Советом, государством и госбанками. «Как на Западе», — восклицает Борис К. Я же полагаю, что ни один акционер не истратил ни рубля, чтобы приобрести эти акции, и государство осталось прямо или косвенно собственником этого предприятия. Этот метод направлен на сохранение власти государства у центра и на приватизацию на периферии. Кто будет назначать руководителей таких негосударственных предприятий? «Временно, — отвечает Борис К., — сохранятся прежние руководители, если они компетентны, или будут назначены другие». Кто их назначит? «Пока это будет делать только руководство России». Но почему же эти предприятия, руководители которых будут по-прежнему подвластны поли-

тическим соображениям, станут ни с того ни с сего настоящими предприятиями? И отчего вдруг советские гигантские монополистические предприятия после этой приватизации обретут динамичный, построенный на экономическом разуме облик? И чем приватизированные Борисом К. магазины станут торговать, когда они на скудном пайке у производителей? «Но мы ведь только начинаем», — повторяет Борис К.

Начинаем что? Я не задаю этот вопрос Борису К., уже раздраженному моими речами (советский руководитель непривычен к возражениям), но боюсь, как бы такое начало не привело к высшей степени либеральной потемкищины: те же предприятия, с теми же руководителями и той же опекой официально становятся «частными» после того, как (в лучшие времена одряхлевшего социализма) были «всенародной собственностью».

Достигнув этого этапа беседы (если говорить точнее, то монолога Бориса К.), я ощутил то, чего опасался с первого дня моей работы в СССР, — потерю самообладания. Хотя я привык к ожиданиям, к отложенным в последний момент встречам, к пустым речам, к высокомерию бюрократов. Должно быть, в этот раз сказалась накопившаяся усталость, а скорее, разочарование. Ибо пресловутая либеральная пресса Москвы превозносила Бориса К. до небес. Министр единодушно представлялся «Московскими новостями» или «Огоньком» (что было горячо подхвачено западной прессой) самым прагматичным, реформатором из реформаторов. Однако его, как и его коллег из правительства России или СССР, речи не «сцеплялись» с действительностью. Борис К., который на вершине власти Российского государства, может быть, и смог бы улучшить участь своих сограждан, сейчас желал только власти и ничего другого.

«Нам не удастся решить наши проблемы, ибо мы не можем даже их обозначить», — сказал мне историк Юрий Афанасьев. Эта формула пришла мне в голову именно в тот момент, когда она как раз вписалась в наш с Борисом К. диалог глухонемых. И я «взорвался»! Я швырял ему в лицо мои записи, бросался к выходу, вопя, что приехал из Парижа не для того, чтобы выслушивать вечный вздор, обманывающий русский народ, который околеваает с голоду, и простаков с Запада. Переводчик переводил все нюансы моей критики с очевидным удовольствием: наконец-то я выразил то, что было на сердце Володи с начала перестройки.

Но час, проведенный с Борисом К., не был все же потерян. Без сомнения, растерянного моей выходкой министра охватил прилив откровенности. Он сказал мне, что с Советским Союзом, как и с социализмом, ничего больше не поделаешь, что и тот и другой мертвы и что смешно это отрицать. «Меня, — сказал он, — волнует только Россия! Избавимся от всех слаборазвитых наций, которые мы колонизировали, и вернемся к нашему славному прошлому, к России XVII—XVIII веков!» Вот это было уже интересно...

ОТ РЕДАКЦИИ

Речь идет о министре, который одним из первых получил назначение в правительстве И.Силаева. Вскоре, спустя пару месяцев, подал в отставку, сопроводив ее шумными заявлениями в прессе. Редакции известно настоящее имя Бориса К., но, учитывая пожелание господина Сормана — не делать до конца узнаваемыми героев книги, дабы не навредить им негативными характеристиками, мы тоже не раскрываем тайны. Добавим только, что, по имеющимся сведениям, Бориса К. приглашали работать и в правительстве Е.Гайдара, тоже министром. Но он ответил отказом.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

**ЛЕТЯТ «УТКИ».
ПЛЫВУТ ЛОДКИ**

В еженедельнике «Аргументы и Факты» промелькнула заметка: представитель президента РСФСР по Нижегородской области (ставший недавно губернатором) Борис Немцов готов поправить дела губернии, продав за границу... атомную подводную лодку, строящуюся на одном из волжских заводов.

Это сообщение взбудоражило Нижний. Шутка ли — пять миллиардов долларов! С их помощью область могла бы запросто превратиться в цветущий оазис посреди российского запустения.

Корреспондент «Столицы» обратился за разъяснениями к руководству «одного из заводов», в цехах которого, по нашему мнению, и клепают предмет вожделений иностранных стратегов. «Это абсолютный нонсенс», — отрезал «очень ответственный работник» завода. «Откуда журналисты взяли такие данные — ума не приложу. А названная «Аргументами» цена нашего изделия завышена несоизмеримо...»

Так что процветание губернии пока откладывается. Но не все потеряно. Ведь в Нижнем помимо атомных субмарин производят еще очень много чего. Не исключено, что ВПК согласится продать какой-нибудь другой ла-

комый кусочек, чтоб пополнить желудки местных жителей. Например, «некие военные самолеты», представленные недавно «одним из волжских заводов» на международном авиасалоне в Дубае (ОАЭ).

**Владимир КОЧЕТКОВ
(ИА ПАС)**

ВОРОНЕЖ

**В ПОДПОЛЬЕ
ТОЖЕ МОЖНО
ЖИТЬ. И
НЕПЛОХО**

В воронежском агроуниверситете появилась новая должность — заместителя проректора по внешнеэкономическим связям. Сел в это кресло бывший первый секретарь обкома КПСС И.М.Шабанов. Потому, видимо, и сел, что у него «внешние связи» налажены неплохо.

До последнего дня работы комиссии по национализации имущества обкома партии он пользовался правом «вызова автомашины». Точнее, даже не вызова, а пользования: автомобиль был постоянно «прикреплен» к Шабанову. Эта же машина, кстати, «переехала» вслед за бывшим партбоссом и на новое место работы — в «альма-матер», за что большое спасибо местному руководству.

Почему же Шабанов подался в хозяйственники, а скажем, не в преподаватели (ведь он — кандидат наук)? Очень просто. Вы, наверное, будете очень смеяться, но зарплата заместителя проректора по внешнеэкономическим связям идентична зарплате первого секретаря областного комитета КПСС.

Михаил ОБУХОВ

БУТУРЛИНОВКА

**ВОДКИ НЕ
БЫВАЕТ
СЛИШКОМ
МНОГО...**

В 1985 году один из крупнейших ликероводочных заводов страны — бутурлиновский — пал жертвой антиалкогольной кампании, «переквалифицировавшись» на квас. Но «историческая справедливость» в конечном счете восторжествовала, и в год своего девяностолетия гигант индустрии опять начинает выпуск водки вместо обрыдлого за шесть лет безалкогольного напитка. Ни количество, ни разнообразие продукции

после «второго рождения» завода пока, конечно, не идут в сравнение с былыми показателями: когда-то из Бутурлиновки рассылали по всему миру сорок шесть (!) наименований водок, наливок и пр.

Сложностями переходного периода всю пользуются акулы частного капитала: малое предприятие «Лаванда» пустило в продажу поллитровки... денатурата по сходной цене — 17 рублей за «пузырь».

Тимофей ЦАПЛИН

РОСТОВ-НА-ДОНУ

**АЛЛАХ ВЕЛИК.
НО ВОРОНЫ
ЭТОГО НЕ ЗНАЮТ**

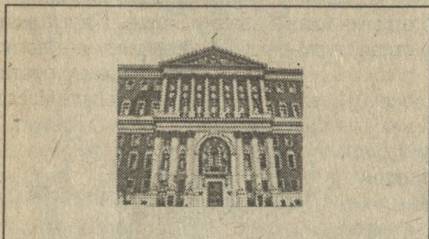
Трудно представить, чтобы религиозные святыни где-нибудь еще так изощренно осквернялись, как в колыбели казачества. Здание синагоги занято здесь областным кожно-венерологическим диспансером, и лица ростовских девиц, лечащих сифилис, выглядывают из строгих синагогальных окон. В бывшей соборной мечети рассказывают казарменные анекдоты (впрочем, со сцены): тут разместился солдатский клуб. Но и это еще не все мучения мусульман. Дом, заменяющий им мечеть, и двор, где верующие совершают молитвы, находятся по соседству с мясокомбинатом. А вороны, промышленящие на этом предприятии, пролетая над головами молящихся, частенько роняют на землю «добычу». Как правило, это свиные копыта. Свиные копыта! На головы правоверных мусульман! «О, Аллах милостивый и милосердный!»

Сергей СИНЕОК

**«Осколки» собирал
Кирилл РЫБАК
Рисовал А.Шахгелдян
Наш телефон 928-18-56**

В.М.КАПУСТЯН, академик АЕН РСФСР,
Ю.П.СЕДЫХ-БОНДАРЕНКО, зам. председателя Моссовета, кандидат юридических наук

Более года мы наблюдаем, как депутаты Моссовета упорно не берут власть в свои руки, исполком, а теперь мэрия и правительство города шаг за шагом захватывают все новые и новые позиции, находившиеся в ведении представительной власти, все в большей степени узурпируют эту власть. Конфликт между представительной властью и исполнительными структурами разгорается все сильнее, в него втягиваются все новые люди и их объединения. Борьба за руководство московской милицией, за здания, принадлежавшие КПСС, за то, на каких принципах и условиях проводить приватизацию. В сознание москвичей усиленно внедряется идея о необходимости усиления исполнительных структур, о том, что депутаты слабы, некомпетентны, ничего не могут и не умеют.

Слов нет: демократия, как говорил Токвиль, рождает распри, а деспотизм — всеобщее равнодушие. Но все же обратим внимание москвичей на то, что количество старых партгосаппаратчиков оказалось в исполнительных структурах колоссальным, что их усиление автоматически означает ослабление органов и структур, сформированных непосредственно народом или его представителями, что идет процесс подкармливания и переманивания депутатов на теплые места в мэрии и правительстве города... Конфликтные ситуации множатся, люди идут стенка на стенку, население встревожено, в Моссовет поступают тысячи писем, звонков, предложений. Депутаты организовали депутатскую группу «Сильный Совет» и т.д. и т.п.

Мы хотели бы изложить здесь свою позицию по злободневной проблеме, волнующей москвичей.

В ЧЕМ СУЩНОСТЬ ВЛАСТИ ДЕПУТАТОВ?

Состав будущего депутатского корпуса, как и его поведение при решении сложных проблем города, до выборов практически не предсказуем. В то же время аппаратные работники исполнительных структур десятилетиями накапливают бесценный опыт управления городским хозяйством Москвы, решения социальных, политических, экономических, экологических, правоохранительных и иных проблем, которыми так насыщена жизнь столицы.

КАК МОССОВЕТ МОЖЕТ СТАТЬ СИЛЬНЫМ

Эту статью зампред Моссовета Юрий Петрович Седых-Бондаренко принес в редакцию в разгар конфликта Моссовета с мэром Москвы. Позже президент Б.Ельцин издал указ, предоставляющий мэру Москвы дополнительные полномочия, Моссовет потребовал для себя того же. Противоречия остались. Позицию зампреда Моссовета и комментарий нашего обозревателя Леонида Радзиховского мы представляем на суд читателя.

Очевидно, что депутаты и их комиссии не могут соревноваться с аппаратчиками в вопросах технологии управления городом. По нашему мнению, и не нужно соревноваться: депутаты-непрофессионалы будут только мешать аппарату, это не их «хлеб», не для этого они предназначены.

Их сила в другом. Будучи буквально «посланниками народа», депутаты призваны и обязаны реализовать волю пославшего их в Моссовет народа по главным, стратегическим направлениям властвования. И депутатский корпус сумеет реализовать эту волю, если, не затрачивая свою энергию на решение каждодневных конкретных проблем, сосредоточит свои усилия на вопросах ключевых, определяющих конечную результативность деятельности всех властных (как представительных, так и исполнительных) структур. Эти направления суть следующие: *своевременное обнаружение злободневных проблем жизнедеятельности города.*

Очевидно, что никто не сможет это делать быстрее и лучше, чем депутаты. Это как раз та область, в которой более квалифицированный, но неворотливый и зацикленный прежде всего на наращивание собственного благополучия аппарат не способен (и никогда не пожелает) соревноваться с депутатским корпусом. Депутаты здесь недосягаемы. Даже если бы они сознательно стремились не замечать возникающие и существующие проблемы, им не дадут этого сделать их избиратели.

Проблема, по определению В.А. Ядова, есть некое социальное противоречие, требующее организации целенаправленных действий для его устранения или выбора одной из возможных альтернатив социального развития. В условиях мегаполиса, каким является Москва, проблемы обычно выступают как хроническое неудовлетворение жизненно важных потребностей города, его населения. Как показывают научные разработки, насчитывается примерно 23 группы ключевых потребностей населения. Это потребности в безопасности, питьевой воде, пище, одежде, охране здоровья, условиях и местах приложения труда, в отдыхе, продолжении рода и т.п.

НАХОЖДЕНИЕ ПРИНЦИПИАЛЬНОГО СПОСОБА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Речь идет о том, что Моссовет должен в каждом отдельном случае найти, если можно так выразиться, стратегический алгоритм решения проблемы (приватизации жилья, например, или обеспечения личной безопасности жителей города) и, не вдаваясь в детали, с ней связанные, ограничиться этим. Задача депутатского корпуса указать цель (то есть увидеть, какой должна быть проблема на ее «выходе», по ее решению) и обозначить направление, по которому нужно двигаться для достижения этой цели.

ВВЕДЕНИЕ ПРИНЯТОГО РЕШЕНИЯ В «ЗАКОН»

Мы не случайно берем слово «закон» в кавычки. И дело не только в том, что в области «права на право», то есть в области собственного правотворчества, у Моссовета ровно столько же юридических возможностей, что и у депутатов районного центра Чегдомы, что в далеком Хабаровском крае. Маштабы иные, возможности иные, последствия иные, но прав столько же. Ибо так заведено в правовом государстве: чем меньше людей и инстанций занимаются правотворчеством, тем меньше произвола и беззакония. Моссовет в этом плане — обычный орган местной власти и обязан руководствоваться в своей деятельности законодательством России.

Речь же идет о том, что такое решение представительного органа власти должно означать для исполнительных структур города властное поручение решить ту или иную проблему (в соответствии с заданным алгоритмом), неисполнение или ненадлежащее

исполнение которого автоматически влечет за собой применение соответствующих организационно-правовых санкций (расформирование исполнительных органов или их подразделений, снятие с финансирования, привлечение виновных должностных лиц к юридической ответственности и др.).

Нам возражают: мэрия и правительство Москвы игнорируют закон, устанавливают собственные правовые нормы, открыто посылают Моссовет куда подальше... Что толку напоминать о законе и законности, призывать к порядку, если в руках исполнительных структур все фактические рычаги властвования — мощный аппарат, радио, ТВ и т.д. ... Если депутаты, чтобы объяснить свою позицию, с трудом прорываются на ТВ или газетные страницы... Даже если Моссовет примет решение о расформировании мэрии, оно останется на бумаге. Здесь находится, таким образом, центр тяжести проблемы сильного Моссовета. До тех пор, пока избранный народом орган представительной власти не сможет заставить мэрию и другие исполнительные структуры считаться со своей волей, о сильном Моссовете речи идти не может. И вся проблема упирается именно в это.

Как же решить эту проблему? Какой дорогой идти депутатам?

По моему мнению, у Моссовета есть только одна разумная стратегия поведения, обеспечивающая ему поддержку главной действующей силы нашего общества — народа, в данном случае населения столицы, — отстаивание правозаконности, борьба за право, против беспредела исполнительных структур. Речь идет о том (и это главное средство для того, чтобы Моссовет смог стать сильным), чтобы в масштабах столицы, в сознании миллионов ее жителей Моссовет стал олицетворением идеи правового государства, ее носителем и гарантом. И он должен это сделать хотя бы потому, что кроме него это сделать некому. Сила Моссовета в борьбе за право, за правовые методы решения проблем и конфликтов, за то, чтобы всегда побеждала законность, а не произвол, независимо от того, в какую оболочку — тоталитарную или демократическую — этот произвол упакован.

Иными словами, если бы Моссоветом на должность руководителя столичной милиции был утвержден не генерал Комиссаров, а инженер Мурашев, Моссовет должен был бы бороться за последнего. Что же касается усилий московского городского вершить свое «право», устанавливать свои «законы» и соответствующую им «законность», именовать свою команду правительством Москвы, а соответствующих начальников министерствами и т.п., то это напоминает после-революционные времена, когда захватившие власть люмпены в порыве революционного энтузиазма создавали в уездах свои ЦИКи и СНК, а на базе церковно-приходских школ непременно университеты... Что подлаешь, такова природа нашего крапивного семени. Не могут смердяковы без пышного

банта на гитаре... Как точно сформулировал поэт М.Волошин, «дорвавшийся до власти сознает себя державной осью государства...».

Мы понимаем, что в современных условиях опираться на право как на фундамент своей стратегии поведения достаточно наивно. Какая, в самом деле, может быть законность, когда у нашего населения, у многих депутатов и политических деятелей, в том числе и очень высокого ранга, отсутствует элементарная политическая и правовая культура, когда господствует разбойное «правосознание», когда корысть, властолюбие и ненависть движут людьми. Когда в обществе отсутствует правосознание, автоматически господствует тайная политическая полиция, продиагностировал подобную ситуацию известный писатель Ю.Давыдов. Вот и астролог М.Б. Левин тоже считает, что «человек советский не привык пользоваться законами, да и не для этого их сочиняли наши законодатели».

Мы полностью согласны с председателем Комитета конституционного надзора СССР С.С. Алексеевым, когда он говорит, что в нашей стране действительного права как не было, так и до сей поры нет, а за годы военно-коммунистического режима сложилось убогое, лживое, бессильное по своей основе тоталитарное право, призванное не препятствовать и как-то облагораживать всевластие партократии (НГ, 6.11.1991).

Все правильно, все это так, никуда от реальности нашей жизни не уйти. И все же другого пути у нас нет, если мы хотим изменить положение к лучшему, и поэтому Моссовет должен продолжать бороться за законность, хотя это — законность тоталитарного государства, та самая, которая обслуживала интересы влиятельных «совков», а вовсе не права человека. До тех пор, пока не сложится новая правовая система, иного не дано. Или политический и правовой беспредел, или убогая, но законность. Если в сознании населения столицы закрепится стереотип «Моссовет выступает за законность независимо от политической конъюнктуры», у последнего есть шанс победить в конечном счете.

Да, мы понимаем, что с приватизацией нужно спешить, что самое худшее — от одной стенки отшатнуться, а к другой не пришатнуться. Мы согласны с Л.Пияшевой в том, что нужно передать «как можно больше собственности максимально большому количеству людей». Но и не видеть образ хорошо знакомого всем тоталитарного волка в козлиной шкуре, когда она (теперь уже важная персона в команде мэра) рубит сплеча, по-большевистски: «Мы не можем ждать, пока Российский парламент будет решать, что делать с землей» (НГ, 12.11.1991), мы тоже не можем. В восемнадцатом, разгоняя Учредительное собрание, они тоже спешили. И тоже объявляли себя демократами из демократов.

Нет, говорим мы им, вам придется ждать,

пока Российский парламент, а в столице, соответственно, Московский Совет, решит, что же делать. Сначала закон, а потом уже все остальное. Именно так, а не иначе, господа новые властители дум. Должен же кто-то ограничивать авантюристов, толкающих страну в самую страшную из войн — *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех). И если этого не будет делать Моссовет, то кто же?

ФИНАНСИРОВАНИЕ РАБОТ, ПОРУЧЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ СТРУКТУРАМ

Это — исключительная прерогатива Моссовета, которую депутаты не вправе никому передавать.

Казалось бы, все прекрасно. Ведь даже мэр столицы не посягает на это право Моссовета. Он как бы говорит депутатам: мы будем действовать, а ваше дело нас финансировать. И Моссовет финансирует. Но все дело в том, что он финансирует не депутатами обнаруженные проблемы и программы, а «чужие», которые ему «подсовывают» исполнительные органы. Он отпускает деньги на то, что нужно мэрии, правительству, аппарату и т.п., а не на то, что нужно москвичам, от имени которых действует депутатский корпус. Каждый раз, решая вопрос о финансировании, депутатов ставит, по существу, перед свершившимся фактом: «Ребята, надо». Есть милиция — давайте деньги на милицию. Есть больницы, городской транспорт и т.д. — куда же денешься, надо финансировать. Так было всегда, так есть до сих пор: финансирование идет от статуса-кво.

В этой системе все перевернуто вверх дном. «Место» рождает функции и требует под себя деньги.

Нужно же совсем другое. Деньги должны выделяться не под организационные структуры («места»), а под конкретные проблемы, решать которые этому «месту» поручили депутаты. Нужна простая и ясная схема, известная во всем цивилизованном мире как система ППБ: «проектирование — планирование — бюджетирование».

КОНТРОЛЬ ЗА СВОЕВРЕМЕННОСТЬЮ, КАЧЕСТВОМ, ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ И ЗАКОННОСТЬЮ ДЕЙСТВИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР ПО РЕШЕНИЮ ПОРУЧЕННЫХ ИМ ПРОБЛЕМ

Итак, депутатский корпус не может и не должен участвовать во всем управленческом цикле, вмешиваться во всю технологическую цепочку решения городских проблем, не должен мешать профессионалам. Его дело — только ключевые моменты управленческого цикла. Здесь мы переходим к главной формулировке: власть депутатов есть их право и обязанность *волей избирателей* определять круг насущных проблем города и добиваться их решения. Это главная властная функция депутатов, и если депутаты этого не делают, то они не депутаты, а только *числятся* таковыми.

ЧЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАЧЕСТВЕННО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ?

Власть и полномочия не «родственники». Нельзя говорить, что полномочия — это «чуть меньше власти». И совсем неправильно говорить «исполнительная власть» наряду с «представительной властью», ибо *власть неделима* и дает право определять, что делать (какой набор проблем решать), а исполнительные полномочия суть *обязанность* решать указанные властью проблемы и при этом — право *разумно распорядиться* вверенными в распоряжение исполнителей ресурсами и персоналом.

КАК ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ НОСИТЕЛИ ВЛАСТИ И НОСИТЕЛИ ПОЛНОМОЧИЙ (где кончается власть и начинаются полномочия)?

Носители власти (депутатский корпус) организуют процесс детального исследования городских проблем, разрабатывают основную принцип решения каждой из проблем и вводят его «в закон», изыскивают ресурсы, намечают в главном круг исполнителей, *официально утверждают критерии*, пользуясь которыми по ходу времени будут определять, решается ли проблема исполнительными органами, и если решается, то насколько успешно. Именно здесь, в этой точке «технологического механизма решения проблем», действия власти заканчиваются.

Далее все это наработанное властью поручается *профессионалам* исполнительных структур, и власть «выключается», больше не вмешивается в процесс решения проблемы, а только следит за тем, как она решается. Во второй раз власть «включается» на самом конце процесса решения проблемы — принимает результат и решает: решена проблема или нет.

ЧТО ЗНАЧИТ «НЕ БЕРЕТ ВЛАСТЬ»?

Утверждая, что Моссовет не взял и не берет власть, мы имеем в виду тот факт, что ни Моссовет, ни его президиум и комиссии не провели «паспортизацию» доставшихся ему в наследие как *застарелых*, так и новых проблем города, не зафиксировал *официально* уровень удовлетворения жизненных потребностей населения (рассуждения в прессе о потребительской корзине не в счет), *не передал в производство* исполнительным структурам *ни одной (!!!)* сложной проблемы города.

ПОЧЕМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПОПАДАЮТ В ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ЕСЛИ ДЕПУТАТЫ НЕ БЕРУТ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ?

Исполнительные органы технократичны (в хорошем смысле этого слова) по самой своей сущности, по самой их природе. Им нет дела до потребностей населения и до воз-

никающих при их неудовлетворении проблем. Ими движет совершенно другое, другая «логика». Эта логика «привязана» не к потребностям людей, а к потребностям технических комплексов города, которые всегда «на ходу», которые нельзя остановить или даже притормозить (вода, транспорт, больницы, энергетика, связь, товарные базы и т.п.).

Когда нет властной установки, какие же злободневные проблемы решать, эти комплексы попадают в режим холостого хода, а полномочные лица, обязанные принимать оперативные решения, — в ситуацию сильной неопределенности. Они начинают различными способами нагружать подчиненные службы, лишь бы быть «при деле». Что при этом происходит с удовлетворением потребностей населения, им неведомо. Не город им, а они сами себе определяют *работу*. Действует один из законов Паркинсона: когда в организации занято достаточно много работников, она начинает работать на себя, а не на заказчика, на чьи деньги она существует. Задача депутатского корпуса — заставить отрасли работать на «заказчика», на нужды города. Только тогда перестанет работать логика, выраженная главврачом одной больницы: мы бы навели порядок в нашей больнице, да вот больные мешают.

ПОЧЕМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЫНУЖДЕНЫ УЗУРПИРОВАТЬ ВЛАСТЬ И КАК ОНИ ЭТО ДЕЛАЮТ?

Конечно, существуют, особенно сейчас, политические, чисто личные (чисто «шкурные», мы бы сказали) мотивы и причины для узурпации власти, но они не смогли бы играть такую огромную роль, если бы не базировались на мотивах и причинах внутрисистемного характера, запятанных глубоко внутри.

Поиск «самим себе» работы происходит потому, что персонал, занятый в исполнительных структурах, надо кормить. Этот поиск не может продолжаться долго без *самодостаточного обоснования*. Поэтому перед лицом «вакуума власти» исполнительные органы (минуя депутатский корпус) в своих официальных документах, обосновывающих плановые работы и соответствующие инвестиции, начинают на свой страх и риск, тенденциозно и технократично *ставить проблемы*, устанавливать нормы и критерии.

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ УЗУРПАЦИЯ ВЛАСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ?

Исполнительные органы действуют при самовольной «постановке» проблем разобщенно. Каждый видит городскую реальность через свою частнопрофессиональную технократическую «призму». Отсюда ожесточенные торги при разделе бюджетного пирога.

Поделив же городской бюджет без целостного осмысления проблем города, технократы затем тратят ресурсы как можно

быстрее, без остатка и, как правило, без особой пользы для населения.

ЧТО КОНКРЕТНО НАДО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ИСПРАВИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ?

Первое и главное, что надо сделать, — это отделить исследование и постановку проблем от их решения. Депутаты при непосредственной помощи избирателей профессионально обнаруживают, исследуют и ставят проблему, а органы исполнительных структур профессионально решают эти проблемы.

Если кто-то думает, что ставить проблемы легко, а решать трудно, то он ошибается. По-настоящему исследовать, поставить проблему и добиться ее официального признания гораздо труднее, чем проблему решить. Для введения проблем «в закон» требуется свой особый организационный механизм, и, возможно, должен быть создан аппарат из депутатов, перешедших на постоянную работу в Моссовет.

КАК КОНКРЕТНО, А НЕ НА СЛОВАХ БРАТЬ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ?

Реализуя свою неделимую власть, депутатский корпус первым делом должен на *сессии учредить* «Регистр проблем города Москвы» как нормативный документ, содержание которого депутаты нового созыва не имеют права упразднить или редактировать, могут только пополнить новыми проблемами. «Регистр» должен быть *сильнее скоротечных политических веяний и амбиций*. Этот нормативный акт сессии должен отвечать на вопрос «Что делать?» и, по аналогии, призван играть в управлении городом ту же роль, какую в сфере правосудия играет уголовный кодекс. Кроме того, необходим нормативный акт процессуального характера — «Регламент решения проблем города Москвы». В нем должен быть предусмотрен организационный механизм решения этих проблем, детально расписаны обязанности депутатского корпуса, исполнительных органов, экспертных организаций, права самостоятельных организаций населения и отдельных граждан, правила работы аппарата с проблемно-ориентированной информацией, идущей от населения, и т.п.

ПРОЕКТЫ ВСЕХ ЭТИХ ДОКУМЕНТОВ УЖЕ РАЗРАБОТАНЫ И МОГУТ БЫТЬ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ДЕПУТАТСКОМУ КОРПУСУ СТОЛИЦЫ, А ТАКЖЕ МОСКВИЧАМ

Когда указанное будет сделано и технологический механизм решения проблем города заработает, правительство города, другие исполнительные структуры *потеряют право тратить ресурсы на решение каких бы то ни было проблем*, кроме тех, что введены в *регистр депутатами*.

Это и будет настоящая депутатская власть.

Это и будет сильный Моссовет.

ЛИШЬ БЫ МИР ПОГИБ

пышно именуется «разделением властей». «Законодательная» власть больше не смешит (было время, эх, времечко! На каждом заседании, бывало, бюст — то выкинут, то вновь внесут... Станкевич тогда, совершенно войдя в роль санитаря в дурдоме, ласково так говорил депутатам: «Дорогие мои, хорошие!» Прошло, проехало...). Так вот-с — законодательная власть больше не смешит, а исполнительная все-таки топит. Топят в Москве на славу — вот москвич и предпочитает мэра депутатам и, вспоминая «сих последних», с глухим раздражением бормочет — а шли бы вы...

Разбирать эти склоки, где давно уже действуют законы искусства для искусства, ей-богу, и не стоило бы. Но чертовски талантливы г-н Седых-Бондаренко и академик непонятной академии г-н Капустян. Документ, ими составленный, столь интересен, что далеко выходит за пределы своих узких, утилитарных целей.

Что ж любопытного я усмотрел в этом «собрании пестрых глав, полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных» (это не для красного словца. И впрямь — то литая медь латыни, то стиль нормальной кухонной склоки)? Центральную идею.

Центральная же идея, как всегда, поражает своим благородством. Как пишут сами авторы: «Что поделаешь, такова природа нашего крапивного семени. Не могут смердяковы без пышного банта на гитаре...» Так — каков же «пышный бант»?

«Пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала законность». Авторы твердо стоят на этой точке зрения. Их логика абсолютно безупречна. «Дурную бесконечность» всеобщего беззакония должен кто-то когда-то прервать. «В России нет закона — есть столб, а на столбе — корона». Так было, так есть (может, теперь вместо короны — ворона, но суть не меняется, даже если ворона станет двуглавой). Беззаконие родит новое беззаконие. И как нельзя учиться плавать, стоя на берегу, строить рынок, не вводя частную собственность, так нельзя строить правовое государство, только лишь болтая о законах. Извольте соблюдать законы — и начать сегодня, немедленно. «Здесь роза, здесь танцуй!» Законы плохи? Это обрывки старых, брежневских законов, на живую и гнилую нитку сплетенных с перестроечными мечтаниями? Что ж — закон суров, но это закон. Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбят! Иначе говоря: в том-то и сила правового мышления, что оно безусловно выполняет любые законы, пока они не отменены. Да, народ не привык соблюдать законы, нет у него правосознания. Что ж — кто-то должен

лечь грудью на амбразуру, дать пример! Моссовет и готов дать пример, лечь, так сказать...

«Моссовет должен продолжать бороться за законность, хотя это законность тоталитарного государства, та самая, которая обслуживала интересы влиятельных «совков», а вовсе не права человека». Ну а если новыми «влиятельными совками» стали, кстате, уж и вполне симпатичные люди (те же депутаты Моссовета, скажем), то бороться и вовсе есть полный резон...

Вот эта идея — правового государства — во-что-бы-то-ни-стало, борьбы с «правовым беспределом» — меня и заинтересовала. Тут как раз очень типичный советский да и вообще российский ход мысли.

Формируется нечто невообразимо прекрасное, лишенное всего прагматического, всего реального. Без этого невообразимо прекрасного нам кусок в рот не идет, начиная с Радищева. Например, советский политик лопнет, но не посмеет сказать «да, это — сукин сын. Но — наш сукин сын». Или «у нас нет постоянных друзей и врагов. У нас есть постоянные интересы». Абсолютные, прекраснотушные высказывания — тут вам и народовольцы, и интернационалисты, и нынешние седых-демократы. Но поскольку все эти чудесные высказывания делаются вполне обычными людьми, то одно из двух.

Или «они тайком попивают вино, проповедуя воду публично». Лицемерия без благородной улыбки и сверхблагородных лозунгов просто не бывает. Чем более гнилая атмосфера — тем благороднее лозунги и тем отвратительнее практика. Лозунги оправдывают и защищают это воровство. Особенно хороши тут лозунги заведомо невыполнимые типа «все или ничего». Впрочем, не всегда чудесные высказывания делаются, чтобы под их прикрытием иметь возможность делать свои дела.

Или когда произносящие красивые слова даже и к некрасивым-то делам не стремятся. Они просто поглощены процессом словоговения. Именно таковы были наши народовольцы. Кстате — ровно таковы и многие из наших демократов. Они с восторгом — и совершенно бескорыстно! — говорили о «праве наций на самоопределение», горячо переживали за местных националистов. Те мило улыбались в ответ... в Москве и занимались чистым расизмом... дома. Но наших прекраснотушных демократов это ничему не научило, точнее, не научило главному, единственно важному — они так и не осознали своей персональной вины и ответственности. Или, опять же из идейных, вполне бескорыстных соображений, они любили «дельцов, предпринимателей» —

Стоя по горло в жидкой грязи, образовавшейся на месте московской власти, бедный московский обыватель только отплевывается и повторяет: «Чума на оба ваши дома!» Впрочем, почему же «оба»?

Мэр — один. Его правительство, о котором он так долго говорил, что разногласий нет, так что и ребенок понял, чего же там нет, — два. Моссовет — три. Райсоветы и префектуры — четыре и пять. А давайте раскроем скобки? Моссовет — это что, фамилия человека? Нет, там фамилий много. Значит — сколько фамилий, столько и партий, фракций, блоков. Вот она, власть-любущка.

Итак, московские власти, увы, перестали выполнять даже единственную свою человеческую функцию — смешить своих избирателей. Нет трансляций, а депутаты, как истинные артисты, без публики не могут. Это и объясняет отношение москвичей к тому, что

еда — кушанье. Некоторые из этих кушаний я видела впервые в жизни. А на столе поменьше стояло сладкое: что-то из персиков, бананов и шоколада. Ну и, разумеется, наливали. Но мой глупый организм при виде буфета застопорился. Это была странная реакция на изобилие: я поняла, что не смогу съесть ни кусочка. Понимала я и то, что глубоко буду сожалеть об этом вечером, но ничего не могла с собой поделать. А рядом сидели мои однокурсники, с которыми всегда сводит судьба на подобных мероприятиях, и наворачивали уже по третьей тарелке. А я терзалась...

Но этого мало. «Если Ваше издание опубликует какие-либо материалы, в которых будет упомянута фирма DEC, Вы сможете выслать их на наш адрес. В качестве компенсации... мы подготовим небольшой памятный сувенир — написано в приглашении на пресс-конференцию, — Ваша публикация будет рассмотрена нашим специальным жюри. Авторы двух лучших, на наш взгляд, публикаций получат небольшие призы — репортерские диктофоны». Для справки: персональный репортерский диктофон нынче стоит тысяч семь-восемь.

Непонятно одно: зачем солиднейшей фирме с 14 миллиардами долларов годового дохода, фирме, которая среди пятисот компаний с самым крупным состоянием занимает тридцатое место, таким странным и несколько прямолинейным способом обеспечивать себе рекламу? Зачем вообще известнейшей «Диджитал» рекламировать себя в «совке», в который она, не боясь разорения, собирается вкладывать огромные деньги?

Может, они там, в «Диджитал» думают, что у советских журналистов особенность такая: не пообещаешь им «памятный сувенир» — они и не напишут ничего. И что вообще с ними надо конкретно: кто похвалит лучше всех — тот получит дорогой диктофон. Без всяких там завуалированных намеков.

Здесь можно разразиться обобщением — что, мол, все так: все хотят купить гордую отечественную прессу, которая только почувствовала свободу и знает ей цену... и т.д., но это неправда. Отечественная пресса давно уже мечтает, чтобы ее кто-нибудь побогаче купил. Ведь так уютнее, спокойнее и надежнее. Только покупателей не так уж и много.

ХЛАМОПОТАМ —

ЭТО ЗВУЧИТ

ГОРДО

Словари и энциклопедии единодушно толкуют: графомания — болезненная и бесплодная страсть к сочинительству. И, кажется, серьезно ошибаются. Далеко не из одних лишь больных людей состоит доблестная рать графоманов. Ведь их бесконечный список мог бы открыть тот неандерталец, что выцарапал в творческом порыве первый наскальный рисунок, а затем сам себя стукнул в грудь и сказал «И-ха!», что означало: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын Графоман — это человек, который творит (рисует, пишет, сочиняет музыку) не в угоду собственному тщеславию, не ради денег и карьеры, а так — для души.

Кстати, в обозримом прошлом слово «графоман» в русском языке звучало не так уж «страшно» (не страшнее, чем «балетоман», например). Но это — в те времена, когда весь свет был образован, а всякий образованный человек сочинял вирши и писал пейзажики в английском духе.

Все это мне весьма толково разъяснили в недавно созданной и уже всю действующей организации — Союзе графоманов.

Когда я узнал, что есть некий Союз, который предлагает всем желающим присылать свои творения и всех желающих намеревается опубликовать в своем собственном журнале, первая мысль была: дурят нашего брата! Существовал в свое время такой кооператив, который за немалую сумму составлял коротенькие и не слишком грамотные рецензии на рукописи бедных «самодельных авторов». Те бизнесмены, говорят, нажили миллионы.

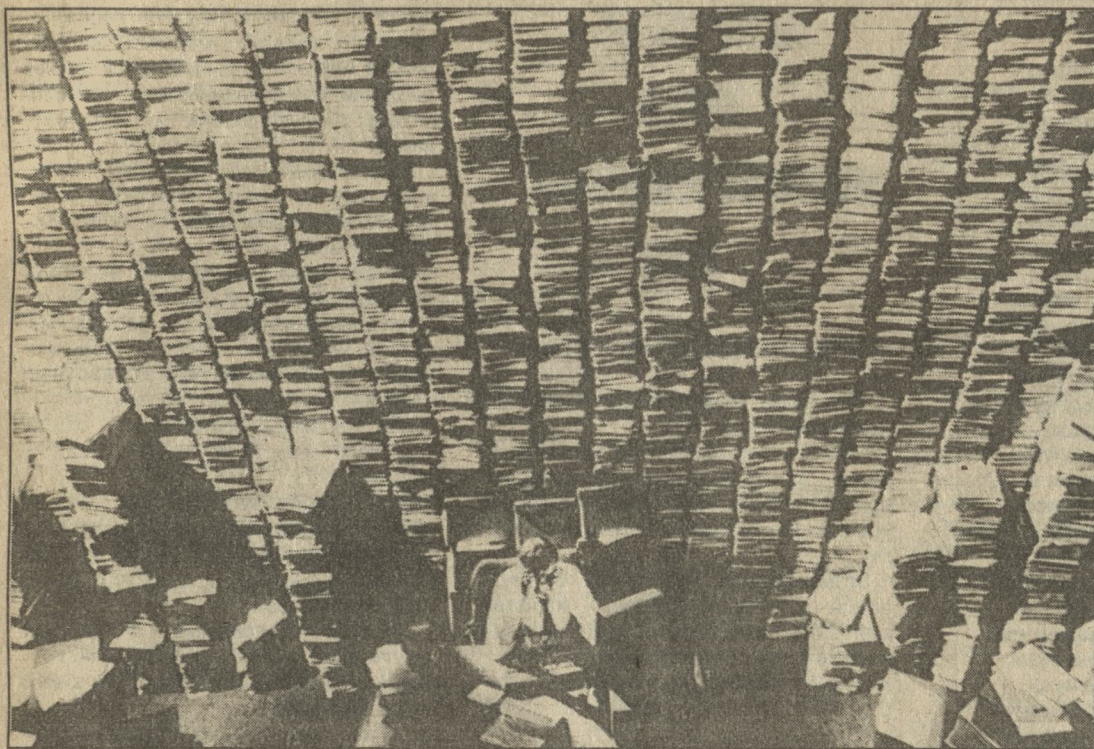
Мысленно прикидывая, сколько же матерые коммерсанты берут с графомана за

публикацию графоманского творения, я отправился в вышеозначенный Союз. «А нисколько», — заявили «матерые коммерсанты», чем сразу же вызвали к себе расположение...

Любое грандиозное начинание, как известно, произрастает из бредовой идеи. Союз графоманов родился благодаря не просто бредовому, а гениальному в своей бредовости плану: объединить творцов-непрофессионалов всех направлений, начать выпуск специфически графоманского журнала, создать «Золотой графоманский фонд» (что-то вроде второй «ленинки» или вавилонского собрания семьи) — и все это совершенно бескорыстно. Встретились когда-то трое людей, которых это «грело»: Сергей Ширинянец, Игорь Божьев и Виталий Кузьев. Решили дерзнуть. Естественно, понадобились финансы. Возникло малое предприятие «Граф», которое заработало первые деньги — на регистрацию новой общественной организации, на печати, на бумагу для будущего периодического издания. Как именно заработало? А как все: посредничеством, куплей-продажей, распространением лотерейных билетов.

Ширинянец стал президентом Союза, Божьев — директором «Графа», Кузьев — хламопотамом графоманской канцелярии. Да, есть такая должность, соответствует она чему-то вроде «творческого секретаря». «Отчего же «хламопотам»?» — спрашиваю. «Это меня дочка так окрестила, — объясняет Виталий, — потому что зарываюсь в хлам — письмам всякие, рукописи — и оттуда: бу-бу-бу, как гиппопотам. Союз ведь творческий, и каждый волен сам себя называть как угодно. Должность переписчика у нас именуется «инженер Гарин». Все нормально...»

Ни инженер Гарин, ни хламопотам графоманской канцелярии, ни президент зарплату в Союзе графоманов не получа-

Золотой графоманский фонд пополняется все новыми произведениями. Интересными и необычными.

ют. Работают, так сказать, на общественных началах.

Вообще здесь уверены: в наше время заработать деньги легче легкого. Важно потратить их так, чтоб не было потом мучительно больно. А потому надеются, что «солидные» коммерсанты помогут осуществить грандиозные планы Союза. Но биржи и банки предпочитают вкладывать миллионы в помпезные спортивные соревнования и в бесплатное катание праздной столичной публики в метрополитене. Пока лишь одна организация согласилась участвовать в проекте — это в недавнем прошлом научно-производственное объединение, а теперь акционерное общество «Союзцвет-метавтоматика», где президент работает в свободное от графоманских дел время. Небольшая комнатка в здании акционерного общества — это и есть резиденция Союза графоманов, со всеми бумагами, печатями, картотеками. Рядом должна в скором времени разместиться редакция журнала и первое хранилище «Золотого графоманского фонда».

— Как правило, графоманы — это очень скромные, очень одинокие, замкнутые люди, — несколько безапелляционно, на мой взгляд, заявил президент Союза Сергей Ширинянец, — они сами стесняются своего творчества (?! — К.Р.). Те, что без конца обивают пороги редакций — вы их, кажется, «чайниками» называете, — редкость. Наша цель — избавить людей от комплекса неполноценности, заставить их признаться: да, я графоман, я не похож на других, и это здорово.

— Что нужно сделать, чтобы стать членом Союза?

— «Членов» у нас нет. Есть «участники». Чтобы стать участником, достаточно прислать письмо или просто зайти, поговорить. Какое мы имеем право принимать или не принимать человека, считающего себя графоманом? Это все равно что разрешать или не разрешать кому-то дышать...

«Участников» в Союзе уже больше тысячи. Есть анонимы, про которых не известно ничего, даже в каком городе они живут. Есть «невидимки», которые прячутся за псевдонимами типа «Сергей Желтое Лицо», «Панк Саша» или «Бедолага Младшая». Есть восьмидесятилетние старцы и двенадцатилетние девочки, офицеры, студенты, зеки и обитатели «дома скорби», есть философы, поэты, изобретатели, карикатуристы, живописцы а-ля Сезанн и живописцы а-ля Дали, есть даже... мастер по выдуванию мыльных пузырей (он добился поразительных успехов: его пузыри могут выстраиваться в длинные цепочки и висеть под потолком четверо суток. Программа-максимум — выдуть квадратный пузырь). Есть члены Союза писателей и члены Союза художников. Очень много просто сочувствующих. Приходят: «Давайте я вам конверты буду подписывать, или бумаги сортировать, или хоть стулья таскать — хочу помочь». И помогают. Несмотря и невзирая.

«Золотой графоманский фонд» пополняется все новыми произведениями. То, что мне удалось прочесть, не поддается описанию. Ужасно интересно и необычно. Впрочем, вот начнет выходить журнал

(ждать осталось недолго) — там все и прочтете.

Кстати, о журнале. Называется он довольно пышно — «Золотой Век». Не путайте с элитарным журналом «Золотой Вѣк», который продают по 200 рублей за экземпляр. Графоманский «Золотой Век» намного проще, делать его будут не по принципу «лучше меньше, да лучше», а по принципу «лучше как можно больше и всех-всех». Так что если вы вдруг наваляли второй том «Анны Карениной», смело отправляйтесь в графоманскую канцелярию. Не опубликуют все произведение — так хоть отрывок, какой вы пожелаете, или «автореферат». А по читательским откликам уж будет видно, что с книгой делать дальше: отложить в архив на потребу потомкам, продолжать печатать кусочками в журнале или, может, попытаться издать целиком. И никакого редакторского вмешательства. Абсолютно. Ведь вы — творец.

Мало того. Союз графоманов готов из всех редакций забирать все рукописи тамошних «чайников», складировать, регистрировать, принимать авторов в ряды графоманствующей богемы, публиковать...

В тайной надежде на то, что графоманы перестанут обивать пороги «Столицы», сообщаем адрес нового творческого союза: 127238, Москва, а/я 555, Союз графоманов.

Потенциальный графоман
Кирилл РЫБАК

После известного «Положения об условиях и порядке оказания психиатрической помощи» 1988 года психбольных в спешном порядке, партиями, начали выпускать на волю. Наверное, многим воздух свободы пошел на пользу, но, как свидетельствует милицейская статистика, не всем. Так, 13 декабря в 177-е отделение милиции Москвы явился инвалид 3-й группы. Он признался, что, обидевшись на свою маму, ударил ее по голове молотком. Ему поверили и попросили проводить до квартиры, в которой действительно нашли и труп, и молоток. Труп доставили в морг, молоток — следователю. Накануне Нового года психически больной сын убил своего отца ударом бутылки по голове... Зафиксировано несколько случаев абсолютно безмотивных покушений на человеческую жизнь в метро, когда стоящих у края платформы людей толкают под колеса поезда. Участились побеги пациентов из психбольниц и нападения на врачей. Кстати, точное количество беглецов никому не известно. Как сказали в Минздраве России, «подобная статистика не ведется».

ЖЕРТВЫ — ЕСТЬ, ПРЕСТУПНИКОВ — НЕТ

«А В ПСИХОБОЛЬНИЦЕ ТАКАЯ СКУКА!»

— заявил гражданин В. после 5 лет принудления.

Постовые милиционеры очень удивились молодому человеку, который при их появлении неожиданно начал убежать. На всякий случай его догнали.

Задержанный гражданин В. оказался психически больным, направленным в 1986 году на принудительное лечение в психбольницу № 5 Чеховского района Московской области. По большому секрету В. сооб-

щил, что там ему было очень скучно, и посему в сентябре прошлого года он решил вернуться в Москву. О своем решении врачам ничего не сказал, «чтобы лишний раз их не расстраивать».

Следователь прокуратуры Черемушкинского района Алексей Соловьев восстановил хронику прогулок В. по Москве.

16 сентября в 14 часов В. вошел в подъезд дома вслед за несовершеннолетней. Оглядевшись и не заметив посторонних, он показал девочке нож и попросился в гости. В квартире он связал малолетнюю хозяйку, после чего удалился, прихватив с собой женскую шубу, полушубок и магнитофон.

23 октября аналогичным способом он погостил в другой квартире, где позаимствовал 4 тысячи рублей, золотую цепочку и золотое обручальное кольцо.

11 ноября В. попросил у очередной маленькой хозяйки 21 патрон и охотничье ружье, из которого позднее соорудил обрез.

Фото В. Левитина, В. Косарина

Три дня спустя, оказавшись в одном лифте с девушкой, В. достал из сумки упомянутый обрез и пригласил незакомку на чердак, где раздел ее догола и стал внимательно осматривать. Услышав шум, привязал ее шарфом и колготками к трубе парового отопления и скрылся.

Последний визит В. нанес незнакомому мальчику, сидевшему дома в одиночестве, после чего хозяйка квартиры недосчиталась 600 рублей и ювелирных изделий.

Выяснить, откуда у гражданина В. неутолимая страсть ходить в гости к несовершеннолетним, не удалось — телефонная связь с психбольницей повреждена. Наверное, из-за этой поломки врачи почти два месяца не могли (или не хотели) отыскать своего пропавшего подопечного, хотя все это время В. спокойно жил дома.

ЗНАКОМСТВО ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Прокуратурой Свердловского района Москвы ведется следствие по делу гражданина П., обвиняемого в преднамеренном убийстве своей сожительницы и ее сына.

Гражданин П. родился в 1952 году. В детстве развивался нормально, но с 18 лет стал периодически приглашаться для бесед в психоневрологический диспансер. С 1977 года регулярно лечился, уже принудительно. Был в розыске. 25 ноября прошлого года его задержали с чужим паспортом, трудовой книжкой и дипломом, по которым он работал коммерческим директором одного из театрально-зрелищных предприятий Москвы.

Как удалось выяснить, в начале 1991 года П. через бюро «Экспресс-знакомства» сблизился с гражданкой М. Заполняя анкету, он не скрыл, что состоит на учете в ПНД, однако в бюро знакомств посчитали лишним сообщить об этом его избраннице.

4 февраля 1991 года П. прошел амбулаторное судебно-психиатрическое освидетельствование. Получил заключение: «Нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице с усиленным наблюдением».

По словам П., это заключение и послужило толчком к убийству — психом он себя не считал и лечиться не собирался. Решил скрыться, но денег не было.

В ночь с 11 на 12 февраля он убил свою сожительницу и ее тринадцатилетнего сына, трупы вытащил из квартиры и скинул в ближайший к дому ка-

нализационный люк. Понадобилось еще несколько дней, чтобы снести кое-какие вещи в комиссионный магазин. Собрав таким образом деньги, П. благополучно отбыл во Владивосток.

Трупы обнаружили 1 марта, П. — только через 9 месяцев. Обвиняемый убежден, что «поступил правильно»: каждому человеку, оказывается, судьба predeterminedена свыше, и его сожительнице было предназначено умереть от его руки.

Ранее, сбежав в очередной раз из больницы им. Кащенко, П. письменно предупредил прокуратуру, что «не отвечает за свои действия, если совершит преступления...»

КАК МЫ ГОТОВИЛИСЬ К СВОБОДНЫМ ЦЕНАМ

Новогодний подарок народу Азербайджана решила преподнести директор столичного универсального магазина № 81, но не успела, потому что попала в следственный изолятор. Тонна с четвертью сливочного масла, предназначавшаяся нашим южным соседям за взятку в 7,5 тысячи рублей, благополучно осталась в Москве. Правда, ранее на юг все-таки отправились 178 коробок сигарет по 500 пачек в каждой за 10 тысяч лишних, нигде не учтенных рублей.

По словам сослуживцев, директор, не дожидаясь поголовной приватизации, самочинно захватила магазин, о чем с удовлетворением сообщила всем знакомым. Поступавший товар, вызывавший у покупателей хоть малейший интерес, она просто-напросто отправляла в коммерческий отдел, где товар выставлялся уже по ценам раза в два выше государственных. Разница оседала в глубоком директорском кармане. Впрочем, по свидетельству постоянных покупателей, в период вынужденного отсутствия директора товара в магазине не прибавилось.

В предпраздничные же дни неизвестные доброжелатели «заложили» заведующую магазином № 34 и ее заместителя, которые из чисто гуманитарных соображений (чтобы не травить народу душу) продали прямо из подсобки 500 банок растворимого кофе, 18 коробок пастилы, 6 коробок печенья, 92 банки лимонных долек и 1792 плитки шоколада. Благодарный покупатель за этот щедрый новогодний подарок выложил 7393 рубля сверх положенного.

КОРОТКО

Алтайский край

31 декабря в 21 час 30 минут в ИТК-8 УВД Алтайского крайисполкома осужденные Дорохов и Борисов захотели женщину. Прогулявшись по колонии и не обнаружив ничего, мало-мальски похожее на прекрасный пол, начали «заигрывать» с проходившим мимо «коллегой». Тот им отказал. Наотмашь. Тогда Дорохов и Борисов решили взять его силой. Вдвоем они набросились на жертву и, чтобы быстрее уговорить, проткнули металлическим стержнем ему плечо. Жертва обиделась: металлический стержень отобрала и поочередно продырявила насильникам грудь. Дорохов скончался на месте, Борисова отвезли в госпиталь.

Дорохов отсидывал свои 7 лет за изнасилование, Борисов — 3 года за угон автомашины.

Москва

Задержан представитель акционерного общества «ВАК» из Вильнюса. Ему не дали вывезти в Литву почти 10 тонн черной и 15 тонн красной икры. По словам «представителя» соседней страны, драгоценный груз был получен им на столичном хладокомбинате № 2.

Информация подготовлена по сводкам МВД России.

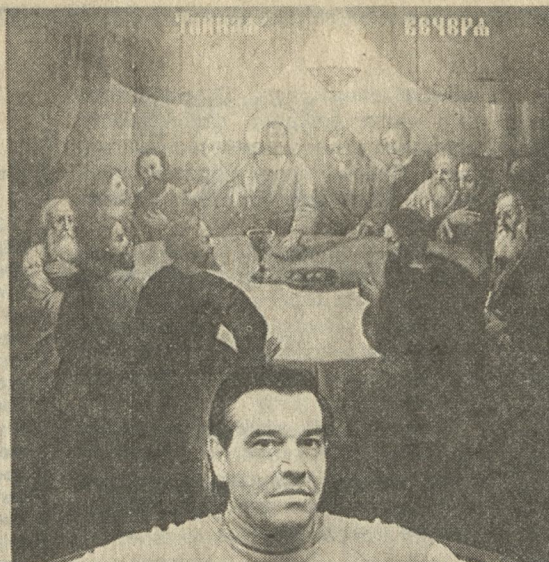
После серии публикаций о чеченской мафии в Москве («Столица», № 45—48) в редакцию позвонил неизвестный и попросил порадеть о торговых матрешках и прочим валютным товаром с Арбата. По его словам, чеченцы наглухо обложили данью несчастных представителей малого бизнеса и сами, в свою очередь, ежемесячно субсидируют местное (5-е) отделение милиции в сумме 1 тыс. долларов за невмешательство и охрану от конкурирующих фирм.

Прокурор Киевского района Валерий Круглов отказался комментировать ситуацию, когда «один неизвестный общает, что другой неизвестный дает взятку третьему неизвестному», и удовлетворенно отметил, что в прошедшем году ни один милиционер 5-го отделения ни к уголовной, ни к административной ответственности не привлечался. Правда, добавил, что ему самому многое на Арбате кажется подозрительным, и пригласил телефонного анонима, если тот захочет объявиться снова, к себе, в прокуратуру, пообщаться.

Криминальные факты собирал Виктор КАРЮКИН

В центре «ИДЕЯ»

Общение с Юрием Горным дает мощный психотерапевтический эффект, заполняет Ваш экзистенциальный вакуум, стимулирует волевое, интеллектуальное, эмоциональное состояние и высшие регистры личности: «Вера», «Надежда», «Любовь», «Воля», «Убеждение» станут сущностью Вашего «Я»!!!

Вам дадут ключ алгоритма к успеху в делах, любви, счастье, здоровью. И Вы сумеете организовать свою жизнь, если даже жизнь Вам кажется невыносимой. Вас научат управлять ситуацией, и Вы будете управлять делами, а не дела Вами.

Вас обучат приемам запоминания с гарантией того, что Ваша память будет на уровне феноменов, которые вошли в историю мировой науки.

У нас Вам раскроют секреты парапсихологических феноменов.

Вас обучат ментальному врачеванию, врачеванию внушением, врачеванию силой мысли.

Вас обучат приемам управления паразитарной волей: искоренению вредных привычек. Если Карнеги Вам много рассказывает, то в Центре «Идея» Вас многому обучат.

Гарантией может быть авторитет президента Центра «Идея» Ю.Горного, который наглядно продемонстрирует Вам все психические процессы и стили мышления, необходимые для производства новаций в любом творчестве. Как подсчитано специалистами, за 10 тыс. выступлений Ю.Горный переработал 2×10^8 бит информации. Для анализа и обработки этих данных обычному человеку потребовалось бы 3956 лет.

Обогатившись знаниями и умением в Центре «Идея», Ваше самосознание — конвейер наших ценностей, целей и смыслов — совершит новую Великую ментальную революцию.

г.Москва,
ул.Петровка, 20.
тел: 200-68-92,
926-64-88,
200-54-41
факс: 200-68-92

Выходит книга
Ю.Горного и
А.Лебедева «Жизнь
после смерти? или...».
В ней зашифрован
код причины
сенсационных
смертей в 1991 году —
91216316.

БИРЖА МЕТАЛЛОВ

Акционерное общество

БИРЖА МЕТАЛЛОВ

объединяет более 250 акционеров, выпускающих 80% металлов и металлопродукции в стране.

БИРЖА МЕТАЛЛОВ

предлагает прокат из цветных и черных металлов (трубы, прутки, проволоку, ленты, листы, профили и т.д.); металлы и их сплавы; металлические порошки; припой; баббиты и другую, так необходимую Вам металлопродукцию.

БИРЖА МЕТАЛЛОВ

оказывает услуги по акционированию и размещению акций приватизируемых металлургических предприятий.

БИРЖА МЕТАЛЛОВ

проводит торги и аукционы: объектов незавершенного строительства металлургической промышленности; интеллектуальной собственности; проектов экологической помощи предприятиям; сырья и отходов.

БИРЖА МЕТАЛЛОВ

— соучредитель коммерческого Интербанка и акционерного инвестиционно-коммерческого Промстройбанка.

Наш адрес: Москва, ул. Королева, 13.
Телефоны: 220-83-83, 286-98-22. Факс: 924-45-66.
Круглосуточный биржевой канал: 220-89-98,
220-88-22.

1992

ЯНВАРЬ

Пн 6 13 20 27
Вт 7 14 21 28
Ср 1 8 15 22 29
Чт 2 9 16 23 30
Пт 3 10 17 24 31
Сб 4 11 18 25
Вс 5 12 19 26

ФЕВРАЛЬ

Пн 3 10 17 24
Вт 4 11 18 25
Ср 5 12 19 26
Чт 6 13 20 27
Пт 7 14 21 28
Сб 1 8 15 22 29
Вс 2 9 16 23

МАРТ

Пн 2 9 16 23 30
Вт 3 10 17 24 31
Ср 4 11 18 25
Чт 5 12 19 26
Пт 6 13 20 27
Сб 7 14 21 28
Вс 1 8 15 22 29

АПРЕЛЬ

Пн 6 13 20 27
Вт 7 14 21 28
Ср 1 8 15 22 29
Чт 2 9 16 23 30
Пт 3 10 17 24
Сб 4 11 18 25
Вс 5 12 19 26

МАЙ

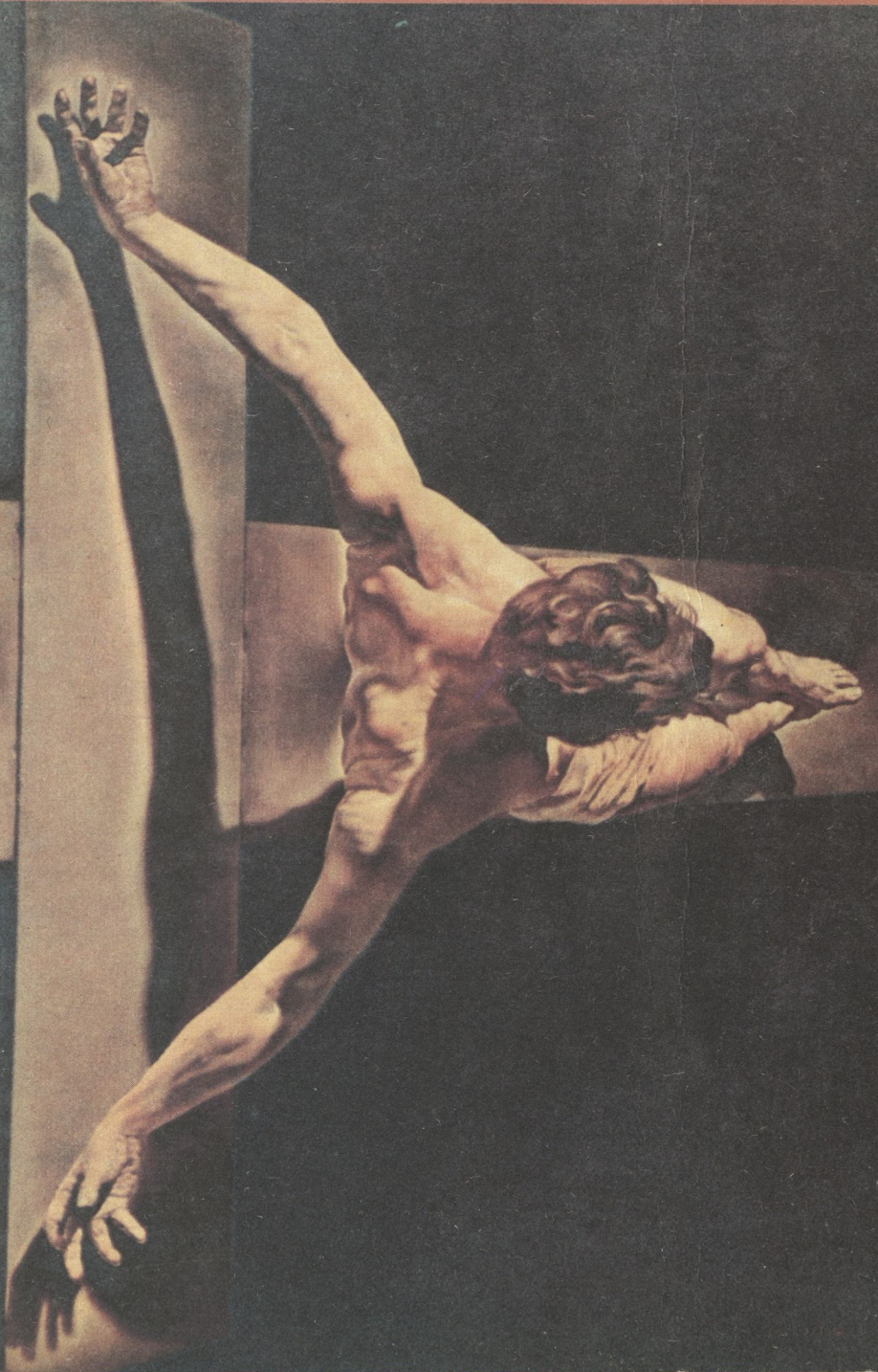
Пн 4 11 18 25
Вт 5 12 19 26
Ср 6 13 20 27
Чт 7 14 21 28
Пт 1 8 15 22 29
Сб 2 9 16 23 30
Вс 3 10 17 24 31

ИЮНЬ

Пн 1 8 15 22 29
Вт 2 9 16 23 30
Ср 3 10 17 24
Чт 4 11 18 25
Пт 5 12 19 26
Сб 6 13 20 27
Вс 7 14 21 28

ИЮЛЬ

Пн 6 13 20 27
Вт 7 14 21 28

Вт 4 11 18 25
 Ср 5 12 19 26
 Чт 6 13 20 27
 Пт 7 14 21 28
 Сб 1 8 15 22 29
 Вс 2 9 16 23 30

СЕНТЯБРЬ

Пн 7 14 21 28
 Вт 1 8 15 22 29
 Ср 2 9 16 23 30
 Чт 3 10 17 24
 Пт 4 11 18 25
 Сб 5 12 19 26
 Вс 6 13 20 27

ОКТАБРЬ

Пн 5 12 19 26
 Вт 6 13 20 27
 Ср 7 14 21 28
 Чт 1 8 15 22 29
 Пт 2 9 16 23 30
 Сб 3 10 17 24 31
 Вс 4 11 18 25

НОЯБРЬ

Пн 2 9 16 23 30
 Вт 3 10 17 24
 Ср 4 11 18 25
 Чт 5 12 19 26
 Пт 6 13 20 27
 Сб 7 14 21 28
 Вс 1 8 15 22 29

ДЕКАБРЬ

Пн 7 14 21 28
 Вт 1 8 15 22 29
 Ср 2 9 16 23 30
 Чт 3 10 17 24 31
 Пт 4 11 18 25
 Сб 5 12 19 26
 Вс 6 13 20 27

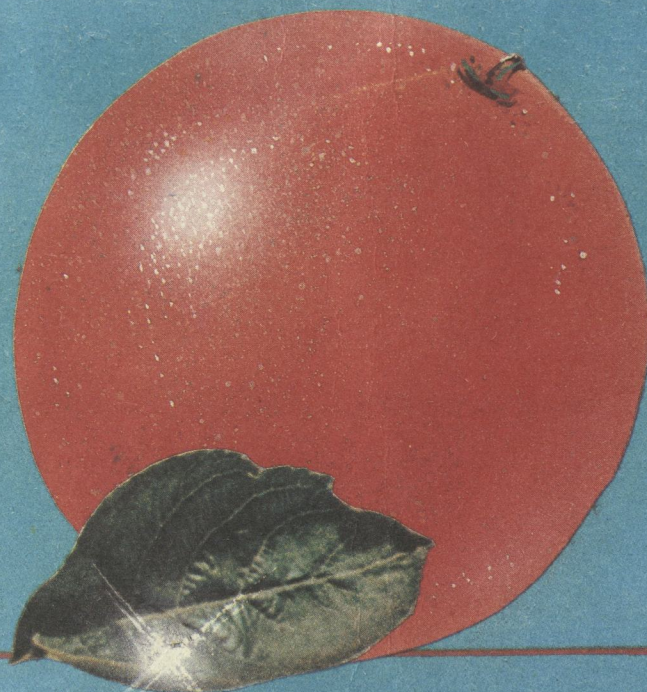

СТОЛЫЩА

ВКУСИТЕ ПЛОД СВОЕГО УСПЕХА!

Рекламный центр «М-стиль» ждет Вас по телефону 928-83-40

Елена НАХИМОВА

Значит так. Адвокатом я была, есть и буду. Другой вопрос — я не хочу выступать в судах и обманывать граждан, перед людьми стыдно. Вот давайте на примерчике.

Закон о собственности. Опубликован в марте 90-го года. А в пункте седьмом написано черным по белому: лица, полностью оплатившие кооперативную квартиру, гараж, дачу в ДСК, становятся собственниками. Все захотели стать собственниками — естественно, поток граждан. Родственников интересует, могут ли им квартиру завещать.

Всем говорю: с 1 июля все будет о'кей.

Наступает 1 июля — все о'кей. Граждане идут в нотариальные конторы оформлять свою собственность и права. Но! Кто-то успел потерять родственника именно 1 июля, а кто-то успел потерять его накануне. В законе опять же написано: придана обратная сила. А вместо того, чтобы исполнять закон, при-

по общим установкам «битое». Они стучали передо мной своими папками и кричали: а вы у такого-то выиграли, а чем он лучше нас? А он ничем не лучше. Он попал в струю и проскочил — вот и все.

Последние разъяснения опять в пользу граждан. Что будет завтра — не скажу.

Приватизация — это второй камень. Из-за этой приватизации я вообще на дежурства в консультацию стараться не ходить. Потому как если бы я состояла в воровской банде, у меня кликуха была бы «Ленка-тянучка». Всем клиентам говорю: потяните, подождите...

Ну представьте себе. Приходит человек и спрашивает: что у нас с приватизацией? С приватизацией никто не может понять, что у нас. А он считает, будто я понимаю, что у нас с приватизацией.

Я ему говорю: у нас с приватизацией все хорошо. Вам все приватизируют бесплатно, а потом, когда мы догоним и перегоним и издадим еще одно законо-

ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА?

Монолог
разочарованного
адвоката

давать ему обратную силу, то есть распространить на всех, власти развязывают дискуссии, где каждый имеет свою точку зрения. И пошла переписка всех инстанций. Классика: низы хотят, а верхи обмениваются бумажками.

В октябре, числа 11-го, я проиграла в суде дело, потому что, когда я его принимала (а это было в июле), я четко знала, что по закону о собственности мой клиент должен получить кооперативную квартиру, оставшуюся после его тетушки. А — он наследник, Б — он нуждался в улучшении жилищных условий, был очередником. Зачем же просить у государства что-то, когда можно получить от безвременного усопших родных и близких?

Но в октябре наша карта была бита, и дело мы проиграли.

Я написала кассационную жалобу, а в это время вышло еще одно указующее письмо, позволившее нам в промежутке между 30 октября и 10 ноября дело выиграть. А с конца ноября эта категория дел снова перешла в разряд «пропавших».

А потом ко мне на прием косяком пошли граждане, все со своими папками. Я им: товарищи дорогие, тяните, в суд не ходите, ваше дело на сегодняшний день

дательство, вы будете вносить арендную плату за недвижимость, как это делается в развитых странах.

Но все это я долго объясняю. Мне говорят «спасибо» и уходят.

Я возвращаюсь вечером домой, открываю газету и читаю, что опять демократы оплевали мэра. Я понимаю, что мэру тяжело, но мне-то тоже не легче. Я бы вернула деньги за консультацию, но затыканные приватизацией жители города Москвы за ними не приходят.

Получается просто анекдот. Выхожу из дома с законом в руках. Прихожу в суд — закон в подвешенном состоянии, судья разводит руками: «Прямого указания не было, но интуитивно...» Пока дойду до адвокатского стола — закон отменили.

К вопросу о «прямых» и «кривых» указаниях. Есть какие-то вещи, которые по молодости, когда характер еще не испорчен, воспринимаются легче, чем когда молодость уходит, а причины остаются. Например, ситуация, когда ты уверена в своей правоте, суд уверен в твоей правоте — редкий симбиоз, а решение «не про тебя».

Почему? А по звонку. Да-да, изменились, естественно, субъекты «звонковых дел», а звонки как были, так и оста-

лись. Кто пользуется популярностью, тот и звонит. Раньше — партийные вожди, сейчас — депутатский корпус. Собственно, звонить не обязательно. Можно написать на листке блокнота. Депутатского.

Я понимаю механику, может, депутат ничего плохого и не хотел. Просто пришел к нему на прием человек, рассказал ситуацию, конечно, односторонне. А депутат тут же выдал свое депутатское мнение по этому вопросу. Я сама держала в руках листок из блокнота очень известного депутата, где просто и доходчиво было написано, как надо решать дело. Поскольку его точка зрения вовсе даже не совпадала с моей, наличие подобного листка меня, мягко говоря, не обрадовало.

А разве нельзя считать тем же «звонком», когда судей собирают в Мосгорсуде и говорят: эти дела вы должны решать так-то и так-то, независимо от того, что у вас добыто по доказательствам? Даже если судья обладает гражданским мужеством и отважится пойти наперекор руководящему указанию, значимость этого поступка все равно будет равна нулю. Одна из участвующих в процессе сторон всегда недовольна, она дойдет до горсуда, все с треском отменится, а судье поставят на вид, что он плохо работает. А это не он плохо работает.

Да, остались стандартные гражданские дела. Фиктивные браки остались; правда, теперь они стали валютными. Имущество делится — чем дальше, тем оно дороже. Но даже по обычным алиментам я сегодня не дам гарантии, что все пойдет так, как я себе это мыслю.

Как может простая женщина взыскать алименты с непростого мужа, если он половину зарплаты (к примеру, 190 рублей) получает в соврублях, а другую половину, которую суд и найти не может, он получает, но вместе с тем и не получает. Она фиксируется в каком-то журнале в каком-то СП, тратится по безналичному расчету через магазин «Березка», а предприятие списывает деньги с общего счета. Ну пусть жене валюта не светит — хотя бы рублевый эквивалент! Но суд вправе спросить меня: а как его высчитывать, Елена Владимировна, а??? Вот вам типичное алиментное дело.

Ладно бы законы просто менялись — жизнь есть жизнь. Убивает совершенно безмотивное изменение законов. Вот если бы мне — у меня все-таки юридическое образование — объяснили, почему закон применяется так, а не эдак, я могла бы не согласиться,

но я бы его исполняла. Я — исполнитель по роду своей работы. Я ничего не сочиняю, не истолковываю. Моя задача — виртуозно использовать существующий законодательный материал, вытащить из него все, сделать «выжимку» того, что выгодно моему клиенту.

Но поди сделай эту «выжимку», когда, во-первых, законы несовершенны вообще, там масса пробелов или возможно двоякое толкование. А во-вторых, законы противоречат друг другу. Кроме того, я вот только что закончила получать «Бюллетень Верховного суда СССР» за 90-й год и журнал «Социалистическая законность» за тот же период. Приходится, как кротам, выкапывать информацию, пользуясь в основном слепыми ксерокопиями, которые приносят клиенты.

Прошу понять меня правильно — я действительно люблю свою работу и всегда была счастлива. Но, как недавно выяснилось, самое-то интересное — чему нас в институте не учили. У нас даже и названия этому нет. А на Западе всегда были и есть адвокаты, которые специализируются в области коммерческого права, бизнеса различных фирм. Мы тоже всегда обслуживали государственные организации, но это было, мягко говоря, делом неинтересным. Визировали «позапрошлогодние» приказы, которые исполнялись независимо от нас.

Так вот сегодня это безумно интересно. Колоссальная сфера применения: внешнеэкономическая деятельность, контракты, нетипичные внут-

ренние договоры. Я могу отходить от шаблонов, изобретать совершенно новые, даже не имеющие названия договорные отношения, чтобы предприятие, с одной стороны, могло извлечь из них максимум пользы, а с другой — было бы полностью защищено от возможных нарушений партнерами их обязательств. Людям помогать, отвечать на все их вопросы всласть, не думая о деньгах. Ведь в консультациях сейчас цены договорные. Считается, что я сама должна договориться с гражданином о стоимости своих услуг. Выглядит это кошмарно.

А на предприятии как бы мой дом, меня здесь знают все — от рабочего до директора, и я знаю их потенциальные возможности. Главное, можно каждый день звонить по телефону и говорить: «Ребята, все переменялось!» И знать, что тебя поймут, потому что ты такая же, как все, а на миру и смерть красна.

Еще я обслуживаю коммерческие структуры нового типа. Вот там работают абсолютно свободные люди, они даже разговаривают между собой по-другому. У них мозги с вывертом, там придумываются такие конструкции, такие схемы, перед тобой ставятся такие проблемы, решать которые — сказка.

Там я учусь. Я им отдаю свои знания для написания уставов, положений, оформления договоров. Но сколько они дают мне! Они учат меня мыслить свободно. Я работаю по 17 часов в день, я читаю наши несовершенные законы, но я чувствую себя свободным человеком. И деньги получаю с чувством выполненного долга.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Елену Нахимову я знаю много лет. И не могу вспомнить ни одного безнадежно проигранного ею дела. А сколько раз она помогала выпутаться из непростых юридических ситуаций моим читателям!

По одному делу — о фиктивном браке, — очень запутанному и «похороненному» еще до нас двумя судебными инстанциями, мы вместе судились почти три года. Вернее, судилась она, писала одну за другой кассационные жалобы, обивала пороги, утирала слезы «молоденькой дурочке», отдавшей старому «тамбовскому волку» вместе с любовью ключи от дефицитной московской квартиры. Моя роль скромнее, я просто описывала все эти перипетии газетным слогом. И тут мы победили — законная владелица ключей получила их обратно.

К чему я все это пишу? Да просто обидно. Коммерческие структуры — это прекрасно. Но если замечательным (это без преувеличения) адвокатам становится неинтересно быть человеческими защитниками, потому что защита конкретного, маленького, но пока еще живого человека в нашей стране никому не нужна, если для нее нет ни законодательной базы, ни справедливых судей, ни достоверной информации, т.е. НЕТ ПЕРСПЕКТИВЫ, то к какому же обществу мы идем?

Давайте считать, что эта история нетипична. Тогда всем станет легче.

**СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ
АКЦИОНЕРНЫЙ
КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК
(СВАК банк) и его
московский филиал
выполняют все виды
банковских операций,
ведут активную
банковскую
деятельность, имея 8
филиалов по всей стране.
Уставный капитал банка
определен в 150 млн.
рублей. На 1 октября
1991 года оплачено за
акции и подано заявок на
их приобретение на
сумму до 80 млн. рублей.**

**АКЦИИ ВЫПУСКАЮТСЯ
ДВУХ ВИДОВ:
ПРОСТЫЕ (90% всех
акций), дающие право
голоса и участия в делах
банка, но не
определяющие
минимальный уровень
гарантированного дохода
(дивиденда) и...
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ
(10% всех акций), не
дающие право голоса, но
гарантирующие дивиденд
не ниже 13% годовых по
итогам 1991 года.**

ВСЕМ

**ПРЕДПРИЯТИЯМ,
ОРГАНИЗАЦИЯМ,
ГРАЖДНАМ,
ДЕЛОВЫМ ЛЮДЯМ**

ВСЕМ

Банк гарантирует своим акционерам высокий уровень доходов, о чем свидетельствует выплата его пайщикам за 1990 год дивидендов в размере 17% годовых. Акции банка могут приобрести юридические и физические лица. Оплата в рублях по наличному или безналичному расчету или путем предоставления любого имущества и материальных ценностей. Номинальная стоимость акций — не ниже 1000 рублей.

ВНИМАНИЕ!!!
Банк проводит продажу акций второго выпуска. Котировка акций по результатам торгов на МЦФБ составляет 1,3. Это значит, что завтра за акцию номиналом 1000 рублей Вы заплатите 1300 рублей, а послезавтра... она будет стоить еще дороже!
СПЕШИТЕ стать акционерами СВАК банка уже **СЕГОДНЯ!!!**

Подписка на акции и их продажа проводятся московским филиалом банка по адресу: 129090, Москва, проспект Мира, 9—18.

Телефоны: 207-77-84,
207-09-17.
Факс: 207-31-68.

Дневник И.

«МОСКВА» БЕЗ МОСКВИЧЕЙ

Выставка «Наша Москва»

В продуктовом на Старой Басманной — очередь за колбасой. А рядом, в голицынских палатах XVIII века, — выставка картин «Наша Москва».

Кроме признанных мастеров — Олега Гроссе с сериями «Китай-город» и «Москва, которой уже нет» да Гурия Захарова с традиционными церквями и бензоколонками, — в ней участвуют множество художников, общим числом — 21.

Ретроспекции Евгения Куманькова, написанные в последние 2—3 года, сладки и сентиментальны, правда, и раньше художник не грешил красными стягами и первомайскими демонстрациями. Разве побаловался в 76-м Мавзолеем на Красной площади, но этой работы, конечно, на выставке нет. Москва Игоря Макаревича фантастична, но узнаваема. Причудливые люди, скульптуры и оконные занавески переплетаются в загадочной игре и вовлекают в нее даже подъемные краны и гиперсерьезное здание СЭВ.

А на рисунках Льва Кубланова город заброшенный, заснеженный, полуразрушенный, но любимый. Бородатый

художник с веселыми глазами поясняет: «А как же иначе? Мы здесь живем». Когда-то он работал в «Моспроекте-1» и, до сих пор стыдясь болезненных многоэтажек новых улиц, сделался московским Юбером Робером — певцом эстетики развала...

...Конечно, я был единственным посетителем той выставки на улице Без Названия (старые таблички сняли, новых — ждем). Можно только пожалеть москвичей, которые каждый день видят лишь осыпающиеся фасады, покосившиеся фонарные столбы и пугающие своим дизайном объявления «сниму-куплю» на разбитых автобусных остановках. Красота прячется в заброшенных залах, а до них ли сейчас? То ли дело — колбаса...

Алексей МИТРОФАНОВ

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ ПАНЕГИРИК

«Гениальная идея»

«Фора-фильм»

реж. А.Разумовский и С.Усков

Андрей Разумовский — хороший человек: он помог мне в трудную минуту, о чем и свидетельствую. Андрей Разумовский —

отличный продюсер, о чем свидетельствуют картины «Сукины дети», «Дамский портной», «Александр Галич. Изгнание», выпущенные возглавляемой им «Форой-фильм». Андрей Разумовский — процветающий бизнесмен, свидетельством чему служит жизнедеятельность его «Форы», которая не только не прогорела в отличие от большинства новоявленных кинообъединений, но и успешно процветает, ныне, кроме всего прочего, помогая нефтяникам Сибири в добыче «черного золота». И, наконец, Андрей Разумовский — кинорежиссер, в голову которого иногда приходят «гениальные идеи», о чем свидетельствует поставленная им комедия «Гениальная идея». И вот это-то — печально. Ибо фильм — удручающе плох во всем, начиная от игры актеров и кончая абсолютно несмешными диалогами и ситуациями. А история двух молодых людей, решивших ради хлеба насущного поиграть (она — в падшую жену, он — в не вовремя вернувшегося из командировки мужа), не просто скучна и антихудожественна, а вопиюще пошла. Андрей! У вас столько неоспоримых достоинств. Избавьтесь только от одного маленького недостатка — не снимайте кино. И Вы станете идеалом. Не только в моих глазах.

С уважением,
Петр СМЕРНОВ

Кадр из фильма
«Гениальная идея»

ДВЕ ПЕРВЫЕ ЛЮБОВИ

«Сюжет для двух рассказов»,
реж. О.Вихоркова

Отстраненная «набоковская» интонация, унаследованная от приятного фильма «Машенька», открывшего на ЦТ серию «Первая любовь», сделала на редкость удачной и эту изысканно-непритязательную экранизацию двух малоизвестных рассказов А.П.Чехова. От наслоений «чеховско-атмосферных» штампов фильм почти избавлен благодаря размытому фокусу авторского зрения (как через залитое дождем стекло или сквозь годы эмиграции, освобождающей от принудительного лиризма Русской Литературы, которая всегда подменяла жизнь искусством). К заразительному любованию в фильме летней среднерусской природой, подробной теснотой интерьеров и подвижной мимикой превосходных молодых актеров не имеет никакого отношения и господствующая традиция «клинического» истолкования чеховских ситуаций, в которых герои разного возраста, надыхаются в латентной

Фото Л. Черняева

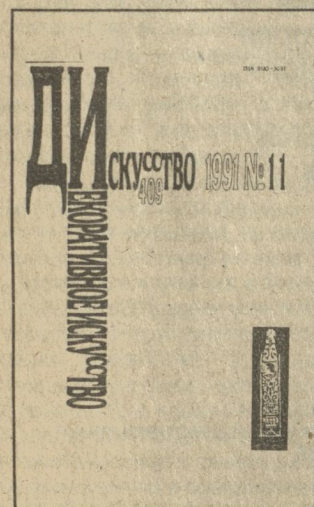
фазе отрочества, истязают друг друга по предсказуемым фрейдистским схемам. Как видите, оказалось легче объяснить, чего в фильме нет: новизна предложенного открыто-ироничного взгляда действительно существовала и дает право на искренние комплименты всему венку дебютантов, куда, кроме режиссера и исполнителей двух главных ролей, входят также оператор и художник. Как бы ни навязла в зубах чеховская «гlossa»: «Что такое жизнь? — Сюжет для небольшого рассказа» — можно, оказывается, и ее приспособить к вящему удовольствию своему и публики, которой непременно должен прийти по душе ненавязчивый мелодраматизм фильма.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

НА ЗАМЕТКУ «ПАМЯТИ»

Журнал «Декоративное искусство», № 11, 1991.

«Евреи — первооткрыватели культуры», — заметил когда-то Лев Толстой. Но сегодня — в этой стране (Бог знает, как ее теперь называть) — еврейская культура на наших глазах стала историей, окаменевшим останком

прошлого, несмешным отъездным анекдотом с привкусом крови космополитов на губах. Нет, не радуйся, «Память», евреи, к счастью, еще остались. Есть еврейские театры, еврейские художники и даже появились еврейские рестораны. А вот

бытовой культуры со всегдашним почему-то считающимся пренебрежительным эпитетом «местечковый» уже нет и, наверное, не будет. На тех местах — Бабий Яр. Журнал «Декоративное искусство» посвятил феномену еврейской культуры в России целый и цельный номер, открыв его блестящим эссе С.Аверинцева, заполнив не только искусствоведческими разборами музейных экспонатов, но и статьями, понятными неспециалисту, а закончив слабой редакционной надеждой на возрождение — ведь согласно графу-вегетарианцу «еврей — символ вечности». Здесь хорошо все, от общего взгляда изнутри одной культуры на другую до верстки, воспроизводящей своеобразие иудейских книг. Плохо одно — по вине издательства ли, типографии или кого-то в этом роде — 11-й номер за прошлый год появится у читателей только сейчас. Думаю, причина в той же утрате бытовой культуры. На сей раз не еврейской, а общей.

Марина КАМИНАРСКАЯ

СТАРУШКА САЛОМЕЯ ВПАЛА В ДЕТСТВО

«Саломея» О.Уайльда
Независимая труппа
А.Сигаловой

«Саломея» скоро сто лет. На протяжении которых она никогда не казалась особенно эпатажной, поскольку не была безвкусной. Но нетрудно сделать ее таковой — только подверстай к делу все известные порочности и пряности: уласти, поперчи. Но надо ли пьесе, и без того достаточно неправдоподобной, приписывать посторонние глупости? Надо ли пьесе, прекрасную именно своей немногочисленностью и блестящей поверхностью, загромождать чужой полифонией? Все-таки «Саломея» не настолько пуста, чтобы ее наполняли вспомогательным содержанием, хотя бы и попури из Набокова с Гумилевым. Положим, последний был бы польщен, но вот уже Набоков — не знаю... Итак, коротко сошлись

Фото И.Кравченко

все трое: Владимир, Оскар, Николай. А тут еще толпятся Нижинский с Пиной Бауш, француз поет похоже на Дассена; испанка, красным исподним юбки типа «кармен» олицетворяющая страстность; жестикуляция, отсылающая к Японии. Подобное культурное сводничество раньше называлось эклектикой, потом постмодернизмом. Это все были почтенные вещи, хочется сказать только касательно «Саломеи» О.Уайльда, что золотиносные жилы так легко упускаются из виду: стоит копнуть чуть мимо/глубже. Но А.Сигалова, возразят, не хочет золота, она хочет славы, и подороже. Что ж. Но берегитесь потревоженных теней: смотрите, как заносит декламатора на вираже набоковской фразы, вот отвешиваются гумилевские затрещины — там, где фальшь, где неправильные ударения. Постановка едва удерживается на ногах, цепляется за декорацию, похожую на молекулу, отломленную от башни Татлина (спасибо еще, что существует авангардизм — интеллектуальные подпорки явно не выручают). Уайльд спросил бы, глядя на все это: да стоит ли интеллектуальничать, если у тебя целая труппа таких симпатичных танцоров? Быть может, важнее такт и артистичность? Уайльд высказывался в этом смысле. Недальновидно гладить против лавров такого обещающего режиссера, как Алла Сигалова. Только зачем она взялась ревизовать Уайльда вместо того, чтобы сорадеть ему?

Глеб СМЕРНОВ

Сцена из спектакля
«Суперфляй»

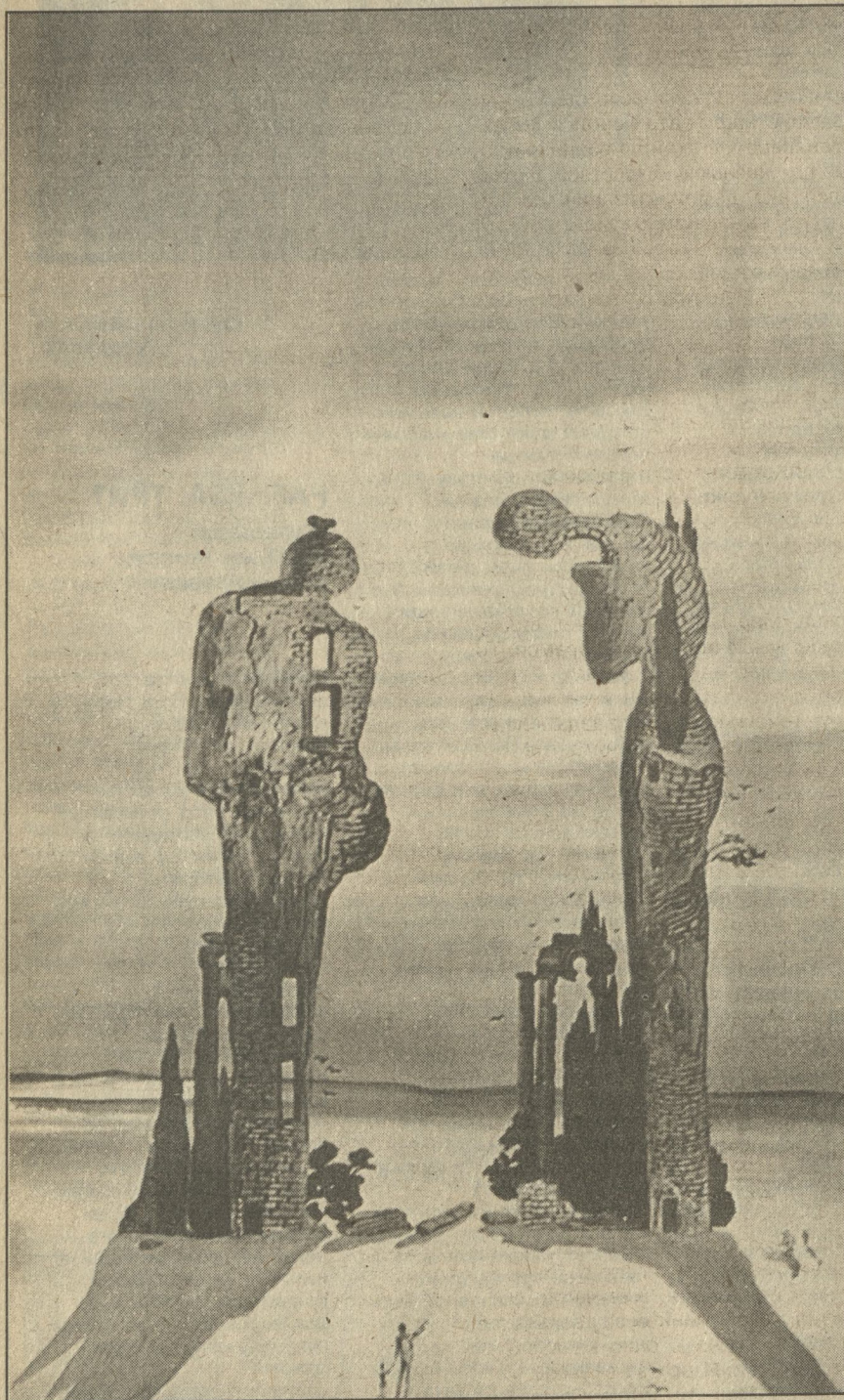
РАЗ. ДВА. ТРИ?

«Суперфляй»
МХАТ им. Чехова,
реж. М.Азаревич

Ефремов ставит то, что ставить не нужно, а также то, что ставить нельзя. Кажется, он не хочет считаться с тем, что невозможно в искусстве деспотить спор, прерванный в середине шестидесятых. Похоже, режиссер взялся сегодня повторить «революционную» трилогию, шедшую когда-то в его «Современнике»: «Декабристы», «Народовольцы» и «Большевики». Как будто на смену им на афише ефремовского МХАТа появились сначала «Олень и шалашовка», теперь — «Суперфляй» В.Розова по роману А.Нарокова... Грустно. И не только потому, что нагромождение в декорациях настоящих — как в «Трех сестрах» Станиславского — деревьев, проходы через зал чекистов с винтовками и откровения об НКВД в долгих сценах с разговорами вряд ли вызовут интерес даже критиков-шестидесятников, не говоря уже о зрителях. Грустно оттого, что трилогия традиционно состоит из трех частей и нам остается особенно ждать скорого появления третьей...

Григорий БЕРГЕР

Дневник И.

**Частный случай: из
киновпечатлений 1991-го**

В зале кто-то громко хрюкнул. Кругом засмеялись. Потом в тишине кто-то сказал: га-га! Это не показалось смешным, в зале царило презрительное молчание. Тем временем на экране призрак сдирал кожу с обезумевшей жертвы. Кровь капала с колосников оперного театра на сцену, откуда

неслись дивные звуки «Фауста».

В зале сказали: ой! Вокруг засмеялись. Мой сосед оторвался от соседки, которую целовал, и сказал: кретины. В это время призрак достал большую сапожную иглу и стал пришивать себе отвалившееся ухо. Ой, сейчас меня стошнит, — сказала соседка соседу. Тот полез целоваться. Подожди, — воспротивилась она. — Он сейчас будет отрывать себе нос, а под носом у него кости и язвы. Во, делают! — восхитился сосед.

Валерий КИЧИН

НОВАЯ АТЛАНТИДА

«Целый мир, существовавший на нашей территории без малого век, обратился в руины...»

Сальвадор Дали
Археологическая реминисценция
1933—1935

Шел американский фильм «Призрак оперы», из той «новой волны» нашего проката, которая сменила и матвеевские «всесоюзные премьеры», и краткий период прорыва мировых шедевров, когда еще можно было увидеть у нас «Кабаре» и «Кукушку». «Призрак» шел последний день, его уже подпирала «Школа девственниц», объявленная с понедельника, но все равно на вечернем сеансе набился полный зал.

Это был не тот «Призрак оперы», зна-

«А также в области балета...»

Сейчас уже смешно вспоминать, как программно наш театр боролся когда-то с занавесом, с этой пограничной зоной между жизнью и искусством. В этом виделся акт демократизации, но какой-то, по нынешним меркам, робкий! Вот и ритуальное отношение к кино, возносящее кинозвезд на небо, а их героинь делавшее предметом восхищения и образцом для подражания, кажется смешным и чопорным, как жабо или кринолин. Михаил Ромм декларативно отказывался от музыки в «Десяти днях одного года». Да и вообще — чего только не делалось, чтоб снять с искусства этот флер отдельности и особенности, сомкнуть его с жизнью.

Но уж так мы, верно, устроены, революционеры с большевистской закваской, что любую здравую идею непременно доведем до абсолюта, до абсурдного конца. Мир мы, как собаки, видим черно-белым. И все время боремся. То за «белое», против «очернения», — то за полное и окончательное утверждение демократически черной правды жизни. То за «кафедру, с которой читается толпе живой урок» (Белинский), — то за искусство, которое никому не навязывает советов, «делать жизнь с кого»: довольно этого диктата, этого соцреализма! Но, как в игре в тяни-толкай, едва ослаб натиск со стороны художника, который «должен быть чуть впереди», его тут же смел напор «зрителя, который всегда прав». И кино, и театр, и телевидение сегодня недостойно суетятся под клиентом. А клиент чувствует себя хозяином нового искусства, он заказывает музыку и содрал уже не только занавес.

Интересно, что, дойдя до очередного абсурда, мы каждый раз испытываем колумбово ликование первооткрывателя.

Недавно мой коллега Борис Берман в своей новой и, по-моему, чрезвычайно удачной телепрограмме «Абзац», рассказывая о кинофестивале в Торонто, искренне удивился живучести соцреализма: мы его пинком за дверь, а он, оказывается, влез в окно канадского кинематографа. И вот за океаном уже аплодируют «Черной сутане» Брюса Бересфорда, где герой сеет разумное, доброе и даже вечное среди полудикких индейских племен. Канадский Миклухо-Маклай из одноименного советского фильма!

Эта искренность изумления, обуревающего многих моих уважаемых друзей по кинокритике, по размышлению зрелом, способна даже позабавить. С соцреализмом мы, конечно, сели в лужу. Сначала радостно изобрели колесо и открыли Америку у себя на Потялихе, и уже сами поверили, что и тут мы эдисо-

ны. Потом отменили и социализм, и соцреализм — а колеса все существуют, и, как писал соцреалист Маяковский, ни в зуб ног. Их, оказывается, еще до нашего великого открытия Форд ставил на свои машины. И Америка, оказалось, до Потялихи уже существовала на берегах Гудзона. И там соцреализмом нашим баловался Голливуд, задолго до Григория Александрова поставив жизне-радостное искусство положительного героя на недосягаемую высоту.

Поэтому бороться с тем, что мы называли соцреализмом, значит кидаться с пикой на очень полезную, особенно в новой экономической ситуации, ветряную мельницу, разбивая ее, неповинную, в щепы.

Частный случай: О стоматологии в искусствознании

Тем не менее у нас сейчас модно плясать матчиш на костях. Серьезные русскоязычные люди по обе стороны океана просто, как репу, объясняют нам Горького со всеми его буревестниками, данко и матерями, и выходит, что это писатель безнравственный и более бездарный, чем, например, Можаяев, его суровый критик в «Огоньке». И решительно непонятно, на кой ляд Горьким интересовались такие неглупые и неконъюнктурные люди, как Товстоногов и Панфилов, да еще создавали по его бездарным пьесам и романам свои лучшие спектакли и фильмы. Конечно, Можаяев им не успел вовремя открыть глаза, но неужели и впрямь «новые люди» настолько умнее всех прочих, и предшественников-слепцов, и современников-консерваторов?

Десятки перьев обличают жутко лживый кинематограф Эйзенштейна, Ромма, Герасимова, Довженко и прочих певцов коммунистической идеологии. Очевидно, по-настоящему правдив — пришедший им на смену кинематограф Кары и Жуковой.

Даже самые разумные демонстрируют типичное «избирательное зрение», выхватывающее из потока культуры лишь то, что укладывается в очередную концепцию и ее подтверждает. Очень хочется повсеместно утвердить лишь себе близкое, остальное же вывести за скобки: это — «чужое», наподобие «Бернарда Шоу или Бертольда Брехта, от остроумия которых начинают болеть зубы...»

Этот стоматологический критерий выдвинут Ю.Арабовым в журнале «Искусство кино». «Мы, кажется, похоронили уникальную художественную систему», — пишет он, имея в виду «авторское кино», которое мы «дали миру», — кино

менитая рок-опера Уэббера, шлягер десятилетия. Это был какой-то уже слегка обветшалый «Призрак» второй свежести, производства Менахема Голана. Он разумно сочетал спецэффекты, рассчитанные на рвотные позывы, с некоторой как бы интеллектуальностью и даже приверженностью культурным традициям. Последние были представлены вышеупомянутым «Фаустом»: призрак, обитавший под оперной сценой, покушался на примадонну, предварительно возвысив ее из Зибеля в Маргариту.

Впрочем, записанный на пленку переводчик упорно говорил: Зибеллы. Ну, не слушал никогда Гуно, не читал Гете — он был представитель той новой генерации, которая приобщается к культуре не через оригиналы, а через их экранные призраки. Сообразно требованиям своей аудитории, которую мой незнакомый сосед по залу определил, моему, довольно точно, фильм без лишних комплексов держал в одном равноправном ряду и отвалившееся ухо, и классный мордобой, и Мефистофеля в клубах дыма, и музыку Гуно. Все это было предметом нашего потребления в зале кинотеатра, как и стакан кислого сока перед сеансом, как возможность потискать соседку и закрыть ее округлившийся от ужаса рот поцелуем.

Московский международный кинофестиваль 1991 года, не собравший любопытствующих, зафиксировал это новое для нас состояние: половодье высокотехнической рыночной массовой культуры смысла из сознания люмпенизированного общества последние следы самой потребности в искусстве, то есть в некоей духовной субстанции, несомненно более высокой и «отдельной», чем простая развлекуха, зовущая к радостям простым и грубым.

В этом масс-культура, кстати, не повинна. Она существует во всем мире, и каждый может найти ее в отведенной для таких необходимых утех нише. Но у нас пора половодья совпала с порой переоценки ценностей, крушения общественных идеалов, которые оказались ложными, а идеалы истинные, регулирующие жизнь целой планеты, у нас были сметены еще в семнадцатом. Так что волна хлынула в совершенно пустой трюм. При этом ее энергия всегда разрушительна и катастрофична. И легкие переборки, обозначившие отсеки некогда цветущей цивилизации, немедленно перестали существовать.

То, что известный журнал по инерции почтительно именует «искусством кино», стало — киношкой. Нравы грязноватого ярмарочного аттракциона перекочевали в столичные кинодворцы и павильоны киностудий.

Параджанова, Иоселиани, Тарковско-го... Опустим вечное фирменное желание быть уникальными, сделаем вид, что Феллини, Бергман и Бертолуччи не давали миру авторских фильмов. Но ведь вот и Арабову, одному из самых одаренных творцов авторского кино, тоже очень хочется что-нибудь «похоронить». Например, кино «жанровое» — ибо это, по-видимому, и есть «идеологизированное квазиискусство, обслуживающее интересы партийной бюрократии». Жанр как понятие, по Арабову, напрямую связан с абсолютизмом и прочими ужасами и никак не согласуется с традицией русского искусства. Для примера нас просят определить жанр «Евгения Онегина» или «Мертвых душ», что, действительно, не легче, чем в случае с фильмом «Скорбное бесчувствие», этой зубодробительной пляской на костях бедолаги Шоу, не подозревавшего о своей роли в развитии зубных болезней.

Много легче было бы определить жанр «Руслана» или «Женитьбы» тех же авторов. Но о них Арабов предусмотрительно забывает. Защищая непонятых славянофилов и особый путь России, он склонен во всей русской культуре видеть только «толстовско-тургеневский дух свежеспаханной земли», «Чехова с его тоской» да «Надсона с нытьем»; «яркое» в русской традиции ему не припоминается. И нет уже ни Чехонте с его сугубо городским смехом, нет Гоголя с «Тарасом Бульбой», нет романтиков, от Горького до Грина, нет фантастической булгаковской способности претворять серое и безнадежное в полет света и безумной надежды.

И, следственно, нет у «яркого» здесь шансов. И все в нашем кино, кроме Параджанова и Тарковского — всенародно любимые жанровые фильмы, к примеру, — надо считать исчадием абсолютизма.

Эту селекцию на «белое» и «черное», «наше» и «не-наше» проводит даже Арабов, умный и талантливый мастер, справедливо протестующий против пошлости и «блатаризации» культуры, но тут же готовый все в ней обустроить сообразно своим предпочтениям.

Песни о родинке

Но разве не ясно ли, что, пока новые бизнесмены наводняют наши экраны «призраками», делая извечное дело любых дельцов на любых меридианах, истинное разрушение культуры свершают вовсе не они, а как раз «интеллектуалы», подводящие теоретическую базу под новый абсолютизм, новое землетрясение, учиняемое нами в кино, в литературе, в музыке... Им непременно

нужно снести эти бастилии, оплоты лжи и прислужничества властям. Но вот вопрос: коли мы так увлеченно стаскиваем сейчас с пьедесталов ложные, в нашем сиюминутном понимании, символы — будь то «ангажированное» кино Эйзенштейна или «жанрово-абсолютистское» Пырьева с Александровым, «охранительные» песни Дунаевского или официозные монументы Вучетича, — коли мы рушим воздвигнутые старой нашей властью пусть ложные, но храмы, и ее и наши, имеем ли мы тогда моральное право обличать тех, кто снес храм Христа Спасителя? Те мужики по приказу «правительства рабочих и крестьян» громили «буржуазские» ценности, мы теперь громим «социалистические» — словно не одна власть сменить другую спешит, да разуму полчаса, а целый народ на одной шестой части суши сменился в одночасье. Словно все вокруг опять совершенно «новые», а те, кто жил, творил и что-то с песнями строил на этой земле, вдруг вымерли мгновенно, не оставив ни цепей, ни цепочек времени, ни потомков, ни памяти, ни следа в наших генах. Словно не самих себя предаем, сбрасывая, свергая и обвиняя в двурушничестве, заодно с прогнившей системой, и всю культуру минувших десятилетий, все то, чем жила душа народа.

В нашем прошлом трагически переплелись ГУЛАГИ и Днепрорэсы, воронок, увозящий Мандельштама, и кабриолет, возносящий Любовь Орлову над чудотворением нашего гипотетического будущего, — что тут вычеркнешь? Лгал ли Дунаевский, написавший «Широка страна моя родная» — «Песню о Родине», которую мы сегодня упоминаем лишь в ироническом контексте как образчик наиболее наглой лжи? Но если это ложь — отчего же в ней такой простор, такая гордость и такая красота? Отчего стала она не для властей — для народа гимном, не хуже, чем «Боже, царя храни!» или «Америка, Америка...», которую поют там, за океаном, со слезами на глазах?

Есть у искусства, кроме чисто прагматических целей и подчас весьма ложных предпосылок, еще и магическая, иррациональная способность таланта возвышать, и созидать свою правду, и свет зажечь, и пробудить любовь. В отличие от сухих теорий, которым, чтобы воздвигнуть барак, непременно нужно сначала разрушить дворец.

«Песня о родинке», с замечательной едкостью пропетая Сергеем Соловьевым в его кинотрилогии о всеобщем смятении, не может заполнить вакуум. Его, как мы видели, пока заполнили «Призраки». Мы вообще ходим сегодня по чужим русским городам с торжественно немецкими названиями; латинский шрифт над бывшими магазинами говорит о том, что нас здесь больше не

ждут. Мы смотрим кино в переводе, слушаем замечательные англо-американские песни; пожилые бородастые мальчики с телеэкрана радостно поздравляют нас с юбилеем альбомы группы «Ху», потом другие мальчики сбцают нам пародию на Гимн Советского Союза, а третьи расскажут, за что они презируют шестидесятников, Довженко, романтику, защитников «Белого дома», очереди, Маркса, перестройку, трудовой энтузиазм совка и любые иллюзии, делающие из человека раба. Вспомнить об Эйзенштейне или Горьком в приличной компании становится дурным тоном. Как и поинтересоваться, что хотел бы снять Бондарчук, пишет ли новую песню Пахмутова и способен ли Смоктуновский сыграть, кроме вампиров, что-либо еще.

Мы радуемся только импорту — в виде молочного порошка, фильмов и рок-шоу. Но нам уже нечего экспортировать, так как всё, что были способны делать мы сами, мы высмеяли и унизили. И на это благородное дело переименований, сносов и разрушений ушла, похоже, вся наша созидательная энергия. Пар вновь претворен в мощь бесполезнейшего из гудков. И порожденный этим трубным звуком всеобщий нигилизм поразил страну хуже чумы.

Целый мир, существовавший на нашей территории без малого век, обратившись в руины, медленно погружается на дно — туда, где уже покоятся останки мира еще более древнего, разрушенного победившим социализмом.

Взбудораженный ил пока заполняет все видимое пространство, в очередной раз помрачая свет и разум. Потом он осядет, и далекие потомки станут трудолюбиво нырять в эту бездну, чтобы подивиться причудливой красоте обломков некогда великих цивилизаций. Им будет трудно восстановить творение предков. Уж очень жестоки и хладнокровны были варвары XX века, равнодушные ко всему, кроме себя, единственно дорогих и любимых и всегда правых во всех дерзаниях.

Сергей МИТРОФАНОВ

ОТКУДА У АРАБСКОГО ПАРНЯ СЛАВЯНСКАЯ ГРУСТЬ?

«Девятидесятник»

В ЮНОСТИ

Аделя Аль-Хадада, сына иракскоподданного и русской мамы, я знаю давно и так же давно веду с ним извечный спор поколений. Нас разделяют десять лет сознательной жизни. Мы, «семидесятники», успели получить коммунистическое образование, глотнуть андерграунда, ушибиться головой о «совковое» начальство, разувериться, озлобиться и, неожиданно для себя, развалить вместе со всеми союз нерушимый. Он же ничего не разваливал и не хочет. Как и все его поколение, он «был теплый», как сказано у Екклезиаста, иными словами, у него никогда не было иллюзий о бесславном конце чиновничьего царства и в то же время он никогда не верил в пришествие героя-диссидента. В каком-то смысле можно назвать его человеком без идеалов.

Конечно, мы часто спорили: я уверял, что его скепсис формируется в близлежащем магазине (кстати, он предпочитает, чтобы все приносили на дом), а Адель удивлялся, почему это (по моим словам) надо во всем опираться на какие-то общечеловеческие ценности, которых ни потрогать, ни покушать. Даже после 85-го, когда все в едином порыве пошло к социалистическому рынку, он не разделил этого порыва и не пошел, потому что опять же увидел: ни потрогать, ни покушать.

В 85-м Адель окончил ГИТИС. Внешность молодого аристократа обеспечила ему участие в съемках престижных картин — в определенном смысле к нему пришел успех. Как актеру Аделю везло, хотя и весьма

странным образом — его герои часто умирали. Например, в достаточно кассовом боевике Грамматикова «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» он сыграл роль друга главного героя: это тот самый молодой человек, которого как-то между прочим продырявили в середине фильма и который, умирая, беззвучно по-русски прошептал «...твою мать». Затем был героический принц Азамат в «Еще одной ночи Шахерезады». Если героизм этого героя и не был до конца раскрыт сценаристом, то недостаток его был восполнен самим исполнителем. Дело в том, что из экономии, а также из-за нарушенного графика кинопроизводства Аль-Хадада заставили играть как бы жару зимой, при 18 градусах мороза. Оператор и режиссер притоптывали поодаль в валенках, зритель, конечно, ничего не заметил. Только досужий критик, вроде меня, прикалывался: что-то принц у вас какой-то скучный... Пик актерской биографии Аль-Хадада пришелся на одну из главных ролей в фильме «Ягуар». Хотя героя, как водится, убили в самом начале и большую часть экранного времени он пролежал в гробу, но своей смертью дал повод для вдумчивого разговора о конформизме, военщине, дедовщине и достоевичине.

Другому бы показалось, что старт удачен, но нынешние молодые (и это их характерная черта) не хотят ожидать столь же удачного финиша. Адель был неудовлетворен и больше не желал быть глиной в руках ремесленников. Он кинулся в режиссуру,

поставив в 1990 году на «Мосфильме» по своему сценарию фильм «Уставшие». На премьере я ему прямо заявил, что для «Уставших» он сам еще недостаточно устал (ему тогда было 26 лет). Можно по-разному оценивать этот режиссерский дебют, но один факт говорит сам за себя: несмотря на то, что картина обошлась «Мосфильму» в сто тысяч рублей, по завершении работы студия продать ее дешевле, чем за миллион, никак не соглашалась.

В 91-м году в жизни Аделя следующий поворот из серии «У Бога много всякого, что может удивить». Кинематографический мир поделили между собой кооперативы, а искусство как бы пошло наперегонки с надвигающейся нищетой. Адель подрядился на несколько коммерческих постановок по скороспелым сценариям, но не довел их до конца и не стремится уточнять, по каким причинам. «Через кино теперь отмывают деньги», — лишь цедит он сквозь зубы. И с некоторой печалью добавляет: «Надо что-то менять, иначе вся культура у нас будет в прошлом».

...Надо бы задать основной вопрос современности: «А где Аль-Хадад был в августе 91-го?» Как и многие наши известные люди, по странной закономерности в это время он оказался в Америке, куда отправился в гости к другу — оглядеться и уточнить перспективу. В роковой день 19-го ему позвонила жена Оля: «Аделек, ни в коем случае не приезжай, здесь такое... танки на улицах и «Лебединое озеро» по всем программам!»

Что же сделал наш русский араб, один раз уже ребенком прятаящийся в подвале багдадской виллы, когда определенные политические круги (не будем говорить какие, они и сейчас там) проводили акцию устрашения — стреляли по окнам из автоматов? Первым делом он побежал узнать, кому он тут нужен. **600 долларов за место разносчика мужских рубашек не хотите ли?**

И вообще Америка его потрясла. Небоскребами? Лимузинами? Богатством? Да нет же! Она его потрясла еще в аэропорту Кеннеди, когда у тяжелого чемодана оторвалась ручка и, бессмысленно проторчав у робота-автомата, выдающего напрокат тележки, он задумался о несовместимости цивилизации, читая по слогам мудреную инструкцию.

Вернувшись, он стал мудрее. Вдруг стал говорить удивительные вещи: что другой родины не будет, что никто нас нигде с пирогами не ждет, что не для того западный человек раньше вкалывал и экономил, чтобы потом наехали с ложками и плошками обанкротившиеся социалисты. Он задумался над глубоким смыслом слов: «Не жди, что тебе должна Америка, а думай, что ты можешь ей дать». Вот бы нам такое! Если бы сейчас пришлось снимать кино, говорит Адель, я бы снимал не «Уставших», а, скажем, каких-нибудь «Воспрянувших». Ведь половина наших бед, считает он (и я вместе с ним), от бесчисленных наших кассандр, предрекающих то голод, то катастрофу, то распад, то путч, то бунт. Только ленивый не выполнит потом все это по полному списку.

Конечно, Адель не стал настолько сумасшедшим после Америки, чтобы выйти в поле или начать давать стране уголек, — всех советских людей не заменишь на их трудовом посту. Но, встречаясь последнее время с разными финансовыми воротилами и пытаясь продать им своих «Уставших», он так успешно торговался, что в конце концов воротилы предложили ему заняться этим делом профессионально. Картину, правда, так и не купили.

В ноябре прошлого года в Калининграде было зарегистрировано акционерное общество «Российская киноvideобиржа» с уставным фондом ни много ни мало в один миллиард рублей, а режиссер Адель Аль-Хадад стал его первым президентом. По словам президента, Роскиноvideобиржа будет пытаться восполнить тот вакуум, который возник после развала системы госснабжения кинематографа: торговать оборудованием, пленкой, химикатами, всем, что связано с кино, будут созданы сценарный отдел, отдел актерской антрепризы. И хотя новой биржей сейчас тоже никого не удивишь, я, зная Аль-Хадада и его намерения, почему-то надеюсь, что и большому искусству что-то обломится от этого праздника жизни. По крайней мере, Фонд поддержки некоммерческих культурных начинаний у него уже в проекте.

«...Но я вас
всех
люблю».

Екатерина
ГОНЧАРЕНКО

Портрет певицы наутро после скандала

...На третьем или четвертом выступлении никому не известных групп чей-то голос из зала мрачно и твердо сказал: «Администратора!» Вместо администратора вышел очередной мальчик с гитарой, и стало ясно, что будет крупный скандал. А публика, как заметил еще Чехов, любит скандалы, и, если бы их устраивали каждый вечер, она ходила бы гораздо чаще.

Зал попритих, но тишина была опасной. Чувствовалось, что тысячи людей недостаточно взвинтили себя и сог-

ласны подождать еще минут десять, чтобы развернуться как следует.

В эстрадном мире существуют свои приемы Остапа Бендера. Один из них и был в тот вечер осуществлен. Афиша концерта, который должен был состояться в Олимпийской деревне, содержала имена практически всех эстрадных звезд — от Добрынина до Газманова. В действительности никто из известных артистов выступать в этот вечер не собирался, а о самом концерте, полагаю, не знал. Как и о том, что публи-

ка, привлеченная громкими именами, раскупила почти все недорогие билеты.

Честно говоря, я не знаю, на что рассчитывали организаторы вечера. Вероятно, на то, что кривая вывезет. Но терпение публики имеет пределы. Просто сидеть в первых рядах и чувствовать, как за спиной медленно закипает огромный амфитеатр, и то было страшновато. Конферансье попытался превратить все в шутку: «Макаревичу мы не смогли дозвониться» (Вопли из зала: «Га-зма-но-ва!»). «А Газманов заигрался в теннис» («Хватит издеваться! Товарищи, покинем зал!»). «А сейчас перед вами выступит популярная певица, дипломант конкурса в Юрмале Татьяна Марцинковская!» («Даешь «Коррозию металла!» Долой! Со сцены!»).

Певица подошла к микрофону.

Да, это действительно была она. 1988 год, Юрмала. Статьи в газетах, прямые телетрансляции с конкурса. Молодые финалисты, среди которых Малинин и Азиза. И она. Увидеть ее сейчас среди воя, свиста и криков «Тормози!...». Все каноны индийской мелодрамы в данном случае были соблюдены полностью.

Минут через пять зал понял, что не заставит ее уйти, и успокоился. Ей даже букет цветов поднесли в конце — очевидно, как награду за личное мужество. Потом я долго искала ее за кулисами. Молодой певец, тонкий, бледный, ломкий, поправляя перед зеркалом жабо, надменно цедил: «Такого бардака даже я еще не видел». Через минуту была его очередь идти на сцену. Двое его коллег, один раскрашенный под индейца, другой в мундире времен поручика Голицына, с пластмассовыми «Георгиями» на груди, курили на лестнице. Они свое на сегодня уже отработали.

Я нашла Марцинковскую, и мы договорились встретиться на следующий день. «Чем там кончилось? — поинтересовалась она при встрече. — Я вчера сразу ушла».

— Толпа зрителей погналась за организатором концерта. Он спрятался в гримерной. Вызвали милицию. В конце концов зрителям пообещали в понедельник возвратить деньги.

— Хорошенькое дело! А мне позвонили несколько дней назад, сказали, что будет концерт, посвященный памяти Талькова. Я сразу согласилась — я очень уважала Игоря. Ничего подробное не узнала. Мы, артисты, страшно разобщены. Знаем только соседа по гримерной. Собираюсь выходить, из-за кулис слышу, как кричат: «Коррозия!» «Коррозия!» Нужно было много смелости и наглости, чтобы устроить такую авантюру.

— Неужели за нее никто не расплатится?

— Пока что расплатилась я. Меня начали захлопывать.

— Ужасное, наверно, было чувство?

— Да нет, было смешно. Меня использовали в чьей-то игре, от меня ничего не зависит. Что мне оставалось делать? Кричать в зал: «Я вас ненавижу!» Но я всех люблю. И я знала, что в конце концов мне будут аплодировать. Раньше такие вещи тяжелее воспринимались. Пару лет назад я и еще несколько «попсовых» артистов выступали с очень известным рок-певцом. (Какой-то умник догадался объединить нас в одном концерте.) В зале собрались его поклонники, которые никого другого слушать не хотели. Меня выпустили первой. Вокруг вой, крики. Я лезу на сцену, злая как собака. Яблоком чуть в глаз не залепили. Я все время боялась, что в аппаратуру попадут. Деньги на сцену летели, почему-то ключи. И руки протягивали пальцами вниз: «Down!»

— Таня, но все это очень невесело. Слишком уж велика разница между Юрмалой и вчерашней безобразной историей или тем, что вы только что рассказали.

— После Юрмалы я ни за одну из крупных корпораций в шоу-бизнесе не зацепилась. У меня нет ни менеджера, ни импресарио. Я работаю одна. За свои деньги приходится покупать костюмы, заказывать фонограммы. А сейчас попала в полосу не то чтобы неудач, просто дурацких историй. Недавно совершила путешествие на Урал. Есть такая станция Аша. Не слышали? Мне и другим артистам посулили 19 концертов. Это очень много. Приезжаем в 6 утра. Никто нас не встречает. В гостиницу отправились в автобусе (нас было человек 15). В тот же вечер концерт. Опять ехали на автобусе в другой городок. Зал на 1000 мест, а продано всего 20 билетов. Причем в этой Аше артистов уже несколько лет не было. Я спрашиваю у одного мужика: «Что же вы на концерт не идете?» Он подумал и говорит: «Да лень что-то». И рекламы, конечно, не было никакой. Мы выступили один раз и уехали.

— Но отправлять полтора десятка артистов на Урал — дорогое удовольствие. Объясните, зачем вашим импресарио понадобилась эта авантюра? Они ведь понесли убытки?

— Огромные. Нам-то что. Проехались туда и обратно, отдохнули (если, конечно, четыре дня в поезде можно назвать отдыхом). Но шоу-бизнес привлек массу дилетантов. Люди почувствовали соблазн больших денег на пустом месте. Они не понимают, что настоящим менеджером может быть только профессионал с огромными организаторскими способностями и связями.

— Таня, честно скажу, меня интересует не только вы, но и вообще моло-

дые артисты, не добившиеся (или пока не добившиеся) известности. История. Вроде тех, которые вы мне сейчас описывали, это что — неизбежность? Неужели нельзя работать только с настоящими менеджерами?

— Настоящие менеджеры предпочитают настоящих звезд. Вы знаете, сколько стоит «раскрутить» молодого певца до уровня хотя бы средней звезды? Около миллиона. Сейчас, думаю, еще больше. А публика перекормлена. Даже известные артисты редко собирают полные залы. Мало кто захочет рисковать и сотрудничать с начинающими — создавать рекламу, тратить деньги на клипы, съемки на телевидении.

— Что требуется, чтобы попасть на телевидение? Ходят слухи об огромных взятках.

— Все сложнее. Есть разные программы, внутри них свои группы, они соперничают друг с другом. Если ты выступил в одной передаче, значит, в другую тебе вход заказан. Только очень опытные люди умели в этой системе лавировать. А сейчас на телевидении перемены, и все окончательно запуталось. Честное слово, многие артисты были бы рады, если бы все строилось на взятках. Это было бы здоровее — нормальная коммерческая основа.

— Вы часто выступаете?

— Иногда за месяц ни одного концерта.

— Как вы существуете?

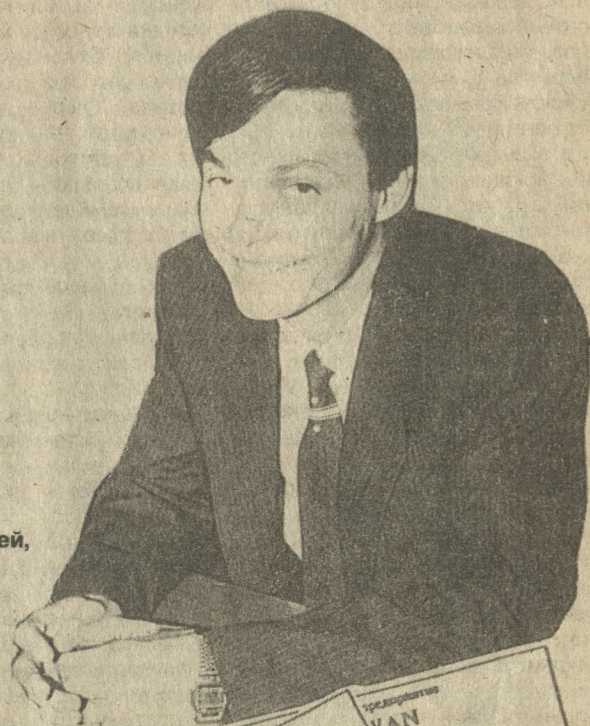
— Я работаю в ресторане «Дели» в концертной программе. Всех своих знакомых туда перетащила. Хороших певцов, между прочим. Недавно семь месяцев работала на Кипре в «Пианобаре» — есть такое заведение. Оказалась там совершенно случайно. Меня пригласил человек, с которым я училась и который потом уехал. Заранее не был заключен контракт, мне отказывали в работе. Пришлось подрабатывать в ресторане. Я была барменшей (английский знаю прилично) и еще, знаете кем? Поваром! Но потом все устроилось, и я благополучно пела джаз. Я ко всему готова, к любым неожиданностям. Скоро в Оренбург на гастроли уезжаю — не знаю, что там будет. И у меня в Москве еще несколько концертов.

Следующий концерт был отменен. Но певицу Татьяну Марцинковскую никто об этом не предупредил. Дождливый ноябрьским вечером она отправилась в Олимпийскую деревню, обнаружила запертые двери и поехала обратно...

ДА ПРЕБУДЕТ
ИЗОБИЛИЕ
В ДОМАХ
ВАШИХ,
ДА НАПОЛНЯТСЯ
ПРИЛАВКИ
ТОВАРАМИ,
ДА ПОЙДУТ
В СТРАНУ
НАШУ КАРАВАНЫ
ГРУЗОВ
БЕСЦЕННЫХ!
А СКЛАДЫ
АКЦИОНЕРНОГО
ОБЩЕСТВА
«КАРАВАН»...

Верблюд Мося, который живет в Московском зоопарке, — одинокий. У него нет подруги. Но зато у Моси есть замечательный друг — Акционерное предприятие «Караван». Как-то так получилось, что все дороги привели «Караван» к милому созданию — Мосе: и двугорбый верблюдица на фирменном знаке, и территориальное соседство с вечно бедствующим зоопарком. От денег, как известно, никто не отказывается, а когда они от чистого сердца — тем более. Так прошедшим летом и стал Мося на довольствие к «Каравану», но все же грустит — верблюдицу ему все еще не нашли.

История с верблюдом тянулась долго. Если конкретную помощь предложить было легко (ей, конечно, обрадовались), то привлечь внимание к конкретным проблемам зоопарка оказалось делом трудным. «Караван» уделяет достаточное внимание прямой рекламе, так что когда Антон МУРАШОВ, заведующий рекламным отделом, обращался в прессу, на московское телевидение, целей корыстных он не преследовал.

Акционерное предприятие
CARAVAN
осуществляет
надежное хранение высокоценных
грузов в специально оборудован-
ных складских помещениях.
Тел. 254-08-35

Акционерное предприятие
CARAVAN
осуществляет
надежное хранение высокоценных
грузов в специально оборудован-
ных складских помещениях.
Тел. 254-08-35

Акционерное предприятие
CARAVAN
осуществляет
надежное хранение высокоценных
грузов в специально оборудован-
ных складских помещениях.
Тел. 254-08-35

СТАВ НАШИМ КЛИЕНТОМ,
ВЫ МОЖЕТЕ БЫТЬ СПОКОЙНЫ -
ВАШ ГРУЗ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

СТАВ НАШИМ КЛИЕНТОМ,
ВЫ МОЖЕТЕ БЫТЬ СПОКОЙНЫ -
ВАШ ГРУЗ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

СТАВ НАШИМ КЛИЕНТОМ,
ВЫ МОЖЕТЕ БЫТЬ СПОКОЙНЫ -
ВАШ ГРУЗ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

...ВСЕГДА
К ВАШИМ
УСЛУГАМ!

— Мы просто хотели послужить хорошим примером. О милосердии и доброте говорим много, а то, что «под самым носом» и нуждается в помощи, оказывается вне поля зрения. Все мы, сходя раз в детстве в зоопарк, напрочь о нем забываем, но ведь мы же забываем и о наших детях. Если есть у предприятия свободные средства, почему бы их не вложить в хорошее дело? Это же так просто!

Я понимаю, что бесплатной рекламы сейчас не бывает нигде, но если честно, то от недостатка клиентов мы не страдаем — как любая уважающая себя организация, большую часть средств мы тратим на проведение рекламных кампаний. Но получается, что и хорошую идею бесплатно уже не подкинешь. А телереклама в одной из передач московского телевидения буквально два сантиметра не дошла до нашего рекламного щита, который стоит рядом с вольером Моси.

Деятельность АП «Караван», конечно, не ограничивается финансированием зоопарка. За год с небольшим непосредственной деятельности «Караван» вышел на планируемую мощность. Основной отапливаемый склад разместился в бывшем, залитом по пояс водой бомбоубежище гостиницы «Украина». «Украина» стала одним из учредителей Акционерного предприятия, «Караван», в свою очередь, вложил немало средств в ремонт и реконструкцию подвалов. Все переоборудовали, провели современную сигнализацию, поставили профессиональную охрану. Но год на-

зад, когда не хватало техники, было и по-другому. Однажды пришлось всем сотрудникам сменить одежду на рабочую и отправиться на склад, где и разгружали до семи утра огромную партию поступившего груза.

Конечно, сегодня такого уже не случается. Отлаженный механизм работы складов позволяет держать небольшой штат — администрация, грузчики, водители, кладовщики, охрана — около семидесяти человек работают в «Караване».

Формальности здесь сведены к минимуму. Заказчик сам привозит груз, пока идет разгрузка, улаживаются все вопросы. Сроки хранения ничем не ограничены. Можно оставить груз на неделю, можно на два года, но исходить придется из существующих для всех клиентов расценок. На сами склады никто из заказчиков не допускается — хранение здесь ответственное. Это значит, что при поступлении груза «Караван» берет на себя ответственность за хранящиеся у него грузы, причем не по государственной или коммерческой стоимости, а по стоимости, заявленной заказчиком. Понятно, что надежность, приемлемые расценки и очень удобное месторасположение обеспечивают сотрудникам «Каравана» полный рабочий день.

— Передышек пока не было. И, скажу честно, склады забиты товаром, — рассказывает Антон Мурашов. — Ситуация с ценами неясная, люди не хотят рисковать — придерживают товар. Наши грузы — это в основном товары народного потребления. Но есть заказчики,

которые хотят разместить на хранение машины, бумагу — для них у нас тоже есть площади. Но этих площадей на сегодня уже недостаточно. Звонков от москвичей — частных лиц — очень много. Кто-то купил дом, хочет его временно хранить на складе, кто-то хочет поставить на склад трактор, чтобы в дальнейшем приспособить его в своем фермерском хозяйстве. Так что в новом году у нас будет большое расширение площадей, и, я думаю, мы удовлетворим в три раза больше заказчиков.

— Но не боитесь ли вы конкуренции?

— Конечно, ее не избежать, но мы ее не боимся. Она заставляет задуматься об улучшении условий обслуживания клиентов, так что это неизбежная и даже нужная вещь. Конечно, людям с инженерным заработком хранить у нас груз дорого, тем более, что мы работаем по стандартному договору, но почему бы в будущем не пойти им навстречу?

— Как-то все у вас получается очень просто — и место в самом центре Москвы нашли, и расценки приемлемые, и расширяться собираетесь...

— Это действительно очень удачный бизнес. Удачной была и сама идея, но осуществляли ее профессиональные люди, сейчас они руководят фирмой. Все, кто начинал наше дело, работали прежде у Федорова в Институте микрохирургии глаза. Так что опыт уже был. А сейчас достаточно и практики, появился навык работы со складами, а главное, с людьми.

Е.ИВАНОВА-СМОЛЕНСКАЯ

Когда гадают на кофейной гуще и на стенке чашки появляется слон, говорят, будет счастье. Счастья, конечно, в нашей жизни мало, но удача и надежность, или, как сегодня говорят, «уверенность в завтрашнем дне», все же не должны нас покидать. Сотрудники «Каравана», наверное, видят на своих кофейных чашках верблюдов. А вам и гадать не надо: «Караван» сделает вашу жизнь надежнее.

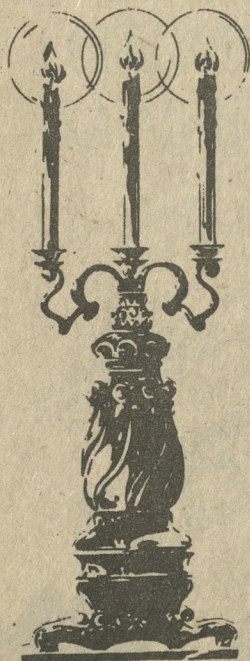

Сергей
ПОВАРЦОВ

«САТАНЕССА»

ИЗ

ПЕТЕРБУРГА

Есть люди, любить которых трудно, но, раз увидев, невозможно забыть. Вот известное свидетельство М.Горького: «Зинаида Гиппиус — христианка, человек замечательно талантливый и столь же замечательно злой. В 1901 году она в концертном зале Петербургского кредитного общества, выйдя на эстраду в белом платье, с крыльями за спиной, объявила публике:

*Я хочу того, чего нет на свете,
Чего нет на свете».*

Запомнились «кисейные крылья» и Андрею Белому, оставившему в одной из своих мемуарных книг более подробный, чрезвычайно выпуклый и утрированный до шаржа портрет «сатанессы»:

«...ком вспученных красных волос (коль распустит — до пят) укрывал очень маленькое и кривое какое-то личико; пудра и блеск от лорнетки, в которую вставлялся зеленоватый глаз; перебирала граненые бусы, уставясь в меня, пята пламень губы, осыпая пудрою; с лобика, точно сияющий глаз, свисал камень: на черной подвеске; с безгрудой груди тарахтел черный крест...»

Неизменный лорнет, «дурманная» папироска, изумрудный камень на лбу в виде слезы — таков набор экстравагантных деталей внешнего облика Гиппиус у близко знавших ее современников, от Есенина до Берберовой. Впечатления эти удачно дополняет рисунок Л.Бакста, на котором она — очевидно, для эпатажа — изображена сидящей в трико.

Что касается собственно литературной характеристики, то, предельно лапидарная, она завершается в справочниках, как правило, фразой о крайне враждебном отношении Гиппиус к Октябрьской революции. До недавнего времени этого, в общем, было доста-

В автобиографической записке, написанной для С.А.Венгерова, Зинаида Гиппиус коротко обозначила основные этапы своего жизненного пути. Родилась 8 ноября 1869 г. в Белеве Тульской губернии в семье обрусевшего немца-чиновника.

Летом 1888 г. в Боржоме познакомилась с Д.С.Мережковским. Вскоре они обвенчались и обосновались в Петербурге.

Литературный дебют Гиппиус (как поэтессы) состоялся на страницах столичного журнала «Северный вестник», когда ей было девятнадцать лет. В тот же период — проба пера в прозе.

точно, чтобы не изучать, не интересоваться и, главное, не издавать на родине сочинений некогда известной писательницы. Сегодня, к счастью, ситуация иная: «русское зарубежье» становится предметом тщательного исследования.

С именем Гиппиус органично связана история российского литературного декадентства в его символистском варианте. Сама она очень гордилась деятельным участием в организации петербургских религиозно-филологических собраний (1901—1903) и журнала «Новый путь». Вместе с Мережковским и Философовым «держала салон», главная цель которого состояла в формировании «религиозной общечеловечности». По мнению Гиппиус, представителями этой общечеловечности должны были стать новые люди; не случайно одна из прозаических ее книг так и называется — «Новые люди» (1907). В хоре критических откликов звучала справедливая мысль, что сборник, «в сущности, повествует не о новых людях, а о новом в людях». О чем же именно? В статье Гиппиус «Декадентство и общечеловечность» она весьма расширительно и неожиданно трактует тип декадента, выросшего на российской ниве. Оказывается, декадент может быть «кем угодно: швейцаром, чиновником особых поручений, монахом, земским врачом, министром, фабричным рабочим, королем, лавочником, поэтом. (...) Декаденты — в своем роде скопцы, «от чрева матерного рожденные так».

Применительно к самой Зинаиде Николаевне эта формула, по-видимому, довольно точная: сквозной темой ее лирики является борьба женского и мужского начала в душе поэта. В большинстве случаев Гиппиус старалась укрыться за мужскими

псевдонимами, стихи и статьи писала от лица мужчины. Об андрогинизме Гиппиус говорит и запись в интимном дневнике писательницы: «В моем духе — я больше мужчина, в моем теле — я больше женщина». Н.Берберова ставит более определенный диагноз: «Она не была женщиной». Чтобы понять феномен Гиппиус как литературного явления, нужно преодолеть ложную стыдливость и... привычку мыслить исключительно литературными категориями. Вне этой, «от чрева» материнского идущей патологии невозможно составить скольконибудь объективное представление ни о творческом облике Гиппиус, ни о генерации «новых людей», ни о русском декадансе в целом.

Новое в людях, ставшее объектом художественного исследования у Гиппиус-прозаика, едва ли верно квалифицировать только как интерес к мотивам смерти и гибели или же религиозное смирение вкупе с проповедью чувственной любви. С.К.Маковский, редактор «Аполлона», разглядел в ее прозе «мистику сублимированной чувственности» и, скорее, «порывы» к Богу, нежели ортодоксальную религиозность. Внутренняя противоречивость религиозного сознания вообще и «нового» в особенности — характернейшая черта декадентки Гиппиус.

В жизни Зинаида Гиппиус умела шармировать, располагать к исповеди, интригуя, почти гипнотически овладевала молодыми умами. Знала толк в способах эпатирования.

Такой тип женщин-интеллектуалок хорошо известен. Крайняя степень эмансипированности, завышенная — вплоть до нарциссизма — самооценка в сочетании с острым умом и капризностью делают их деспоти-

ческими владицицами юных душ. Свою паству они ревниво оберегают от чужих влияний, упорно учат... искусству жизни. Неповиновения, тем более измен, не прощают.

Пример тому — дружба и разрыв с Александром Блоком, история классическая, ставшая достоянием учебников русской литературы XX века. «Лунный друг» не оправдал ожиданий Гиппиус, что окончательно выяснилось в октябре 1917 года. Несходство политических взглядов определило у Гиппиус все последующие оценки и проклятия по адресу Блока (а также и А.Белого), записанных ею в «синодики» интеллигентов-предателей. Есть, однако, и другая сторона известной литературной истории. Дружба с Блоком и Белым обернулась для Гиппиус драмой учительства: выпестованные в салоне Мережковских, оба изменили, оба оказались «потерянными детьми».

Иное дело — Есенин. Правда, оскорбленный бесцеремонным разглядыванием и возмущившимися его валенками «гетрами» поэт назвал Гиппиус «дамой с лорнетом». Но первый, пожалуй, чувственный отклик на его стихи принадлежит Гиппиус. Взор критика, как всегда, пронизателен, общий тон размышлений — доброжелательный. Наверное, лишь инопланетянин произвел бы в петербургской квартире эффект, подобный появлению рызанского паренка в косоворотке. Контраст с Игорем Северянином отразился и в названии этой статьи — «Земля и камень». А когда поэта не стало, Гиппиус отозвалась в парижских «Последних новостях» (1926, 28 января, № 1772) пространном очерком «Судьба Есениных». Трагедия поэта подводит Гиппиус к обобщениям о русском нацио-

нальном характере. В «истории» Есенина она высвечивает страшную черту — «удаль безволия». А последние строки очерка звучат уже как обращение ко всем русским: «Каждому из нас пора собрать себя, скрепить в тугой узел, действительно быть «самим собой». Ибсеновского Пер Гюнта спасла Сольвейг. Нам приходится собственными силами защищаться от соблазна самопотери и... от тех, кто уже себя потерял.

А Есенину — не нужен ни суд наш, ни превозношение его стихов. Лучше просто, молчаливо, почеловечески пожалеть его. Если же мы сумеем понять смысл его судьбы — он не напрасно умер».

Мемуарная проза Гиппиус, почти не известная у нас, — ценный документ времени. Но еще меньше, чем литературные мемуары, знаем мы ее политическую публицистику. Непримиримость Гиппиус к большевизму в современной ситуации выглядит отнюдь не анахронизмом.

Писательница открыто выступала, по ее собственному признанию, «против тех, кто делает из социализма религию», но это предостережение потонуло в хоре голосов левых партий и шуме вставшей в революционную эйфорию толпы. Вот почему с таким волнением читается сегодня очерк Гиппиус, посвященный памяти Г.В.Плеханова — первого русского марксиста, для которого социализм никогда не был религией леворадикальной интеллигенции, но закономерной фазой развития исторического процесса. Гиппиус отдает последний поклон человеку, чья смерть обозначила трагический рубеж в истории российской социал-демократии. С некоторыми ее конкретными оценками можно не соглашаться, но общий, сочувственный по отношению к личности Плеханова, тон вызывает искреннее уважение.

Зарисовки о Есенине и Плеханове см. на следующей странице.

Рисунок Л.Бакста

Зинаида ГИППИУС

ЗЕМЛЯ И КАМЕНЬ

Перед нами худощавый девятнадцатилетний парень, желтоватый и скромный, с веселыми глазами. Он приехал из Рязанской губернии в Питер. Недели две тому назад, прямо с вокзала отправился к Блоку, — думал к Сергею Городецкому, да потерял адрес.

В Питере ему все были незнакомы, только что раньше «стишки посылал». Теперь сам их привез, сколько было, и принялся раздавать «просящим», а просящих оказалось порядочно, потому что наши утонченно-утомленные литераторы знают, где раки зимуют, поняли, что новый рязанский поэт — действительно поэт, а у многих есть даже особенное влечение к стилю подлинной «земляной» поэзии. Девятнадцатилетний С.Есенин заставляет вспомнить Н.Клюева, тоже молодого поэта «из народа», тоже очень талантливого, хотя стихи их разны. Есенин весь — веселее, у него тон голоса другой, и сближает их разве только вот что: оба находят свои, свежие, первые и верные слова для передачи того, что видят. В стихах Есенина пленяет какая-то «сказанность» слов, слитость звука и значения, которое дает ощущение простоты. Если мы больше и чаще смотрим на слова (в книгах), чем слышим их звуки, — мастерство стиха приходит после долгой работы; трудно освободиться от «лишних» слов. Тут же мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие. Важен, конечно, талант, но я сейчас не говорю о личном таланте; замечательно, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разностильности, Есенин — настоящий современный поэт. Он, сам того не подозревая, уже «описатель», он прежде всего «видит», и это не его личное

свойство, а общее свойство современных словесников-поэтов, как у Фета и Кольцова было общее свойство сначала «чувствовать», а не видеть.

Впрочем, это требует долгих доказательств, сложных определений и параллелей. И нет у нас еще развившихся современных народных талантов. Есенин так молод, а время так быстро, что он может еще завянуть на корню. Пока невиданный Питер не слишком удивил и пленил его. Любопытно, однако не очень. Пошел и на «поззо-концерт». «Что ж, понравились футуристы?» — «Нет; стихи есть хорошие, а только что ж все кобениться». И люди в Питере, говорит, — ничего, хорошие, да какие-то «не соленые».

Рядом с Есениным, за тем же столом, сидел пред нами другой юный поэт, не «земной» — «каменный». Современники, они все-таки немножко не понимали друг друга. Есенин не знает «языков», а потому ему невдомек, что значит «манто», «ландолз», «гресо-фаре» и т.д., а коллега не понимает ни «дежки», ни «купыря», и скорее до «экарлатной» зари додумается, чем до «маковой». Но оба хотят богатства слов. И оба имеют. Только у «каменного» поэта своего нехватка, и приходится в чужих сторонах прикупать, а поэт «земляной» приехал с собственным русским богатством из Рязанской губернии, и лишний раз стало ясно, как обильна земля наша; всего у нас вдоволь, а если кому не хватает, если в каменных столицах все, вплоть до слов, покупное, так это потому, что мы с нашими богатствами сладить не умеем. Где густо, а где пусто.

1915

СТЫД И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Мы встретились с ним года за два до войны, в Сан-Ремо и в Ментоне. Однажды провели вместе целый день.

Он совсем не казался больным. И даже «стариком» его не хотелось назвать. Наши русские «старики» — не такие. Он был похож на пожилого француза, напоминал — не наружным сходством, конечно — Анатоля Франса; только гораздо моложе Анатоля Франса.

Вообще «европеизм» его сказывался решительно во всем. Мягкие манеры, изысканная терпимость, благородная сдержанность. Среди русских эмигрантов, под любым небом все те же русские люди, мгновенно кидающихся в остервенелые споры, европеец Плеханов производил странное и отрадное впечатление.

В то время шли разговоры о «единой социалистической партии». Мы видели его среди эсэров. Спор велся, конечно, не специальный, очень широкий, но все-таки в русских приподнятых тонах. Но Плеханову не изменяла его европейская серьезность, его культурная выдержка.

Да, это был единственный наш работник революции, наш социалист-европеец. Единственный, которым мы могли бы гордиться, который не постыдил бы нас перед западными социалистами... Но что говорить о потерянном: слишком постыдно то, что мы с ним сделали.

Плеханов-европеец не переставал никогда быть русским. При первой вести о революции он рванулся в Россию. Он не видал ее сорок лет, но эти сорок лет жил и работал для нее, для ее революции.

Ехал в Россию — а встретила его Азия. Голая, страшная, тупая, полуприкрытая обрывками и лохмотьями «европейских» слов. Любой европеец задохнулся бы в этой азиатчине. Но у русского европейца было крепкое сердце, и оно выдерживало, терпеливо страдая, пока «социалистическое отечество» не додушило своего вождя. Это было в октябре, — мы все помним, всем известно, как победители, «краса и гордость русской революции», сволокавали его в Царском, уже больного, с постели, обыскивали его по 15 раз в один день (буквально), грубо ругаясь и в черном своем, доходящем до святости, невежестве недоумевая, когда на вопрос: «да ты кто?» Плеханов отвечал: «социалист»...

Это было в октябре, это уж было «физическое воздействие», после которого больной старик не поднимал головы с подушки. А что было раньше, с марта и апреля, когда с Плехановым разговаривали еще не «дети природы», азиатские «массы» — но будущие вожди этих масс?

Для него была выдумана особенная, на их взгляд необыкновенно унижительная кличка: «социал-патриот». Целое лето работала «Новая Жизнь», проповедуя самые неслыханные вещи, вплоть до «сепаратной войны»(!?), борясь против тени всякого «отечественного социализма» и попутно, уж совсем не по-европейски, обливая Плеханова помоями. Следует заметить, что чем грубее, безнадежнее, безобразнее и антикультурнее группа наших «социалистов» и ближе к Азии, тем громче она кричит о «культуре», о «Европе», ну и об «эстетике», конечно. Группа интернационалистов-соглашателей, новожизненцев с Горьким во главе, как ни одна печется о «культуре»; лекция с 28 февраля. Уже 6 марта было заседание «комитета эстетов» (Горький, Тихонов, Суханов, А.Бенуа и пр.). Это был «комитет для украшения революции». В промежутках касались политических тем. Страстно ждали приезда Ленина: «вот бы дотянуть до его приезда, а тогда мы свергнем нынешнее правительство».*

И ни одна группа не проявила такой некультурности, такой беззастенчивой азиатчины в борьбе... хотя бы с тем же европейцем Плехановым. Эта борьба символична. За Плехановым стояла Европа; стояли: честь, непримиримость, настоящая наука, настоящая культура. Азию это должно приводить в бешенство. Долой! И в методах — без стеснения.

Но любит русский азиат мертвецов, даже тех, которых сам добил. А ко всяким похоронам у него почти болезненное пристрастие. Хоронить — как праздничать. Уж конечно и все Горькие понесут интернациональные венки на гроб додушенного социал-патриота. Недаром «Новая Жизнь» уже льет о Плеханове теплые слезы — из того же фиала, откуда лила грязные помои.

А умер? Зачем приезжал! Не его ждали. Если бы Карл Маркс приехал, его бы наша азиатчина еще скорее умучила. Только потом можно и венки, и слезы, и, пожалуй, памятник. После.

Все пройдет. Искупится наш стыд и преступление. Смоет когда-нибудь время и воля человеческая эту грязь, эту кровь с лица России. Так будет! И пусть она, чистая, вошедшая в семью западных народов, вспомнит по-настоящему Георгия Валентиновича Плеханова: русского человека, русского социалиста — первого истинного европейца.

1918

*Цитирую по современной записи 17 г. (Прим. автора)

«РОССИЙСКИЙ ДОМ»

**«РОССИЙСКИЙ
ДОМ»**
— первая
акционерная
компания России,
официальный
исполнитель
правительственных
программ.

С нами Вы решите
все проблемы
социально-
экономического и
производственного
развития Вашего
предприятия.

Исключительный
шанс:

— превратить
сырье, неликвиды,
отходы в товары,
технологии,
продукты питания
— лучшие от
лучших фирм!

«Российский дом»
признан в мире
цивилизованного
бизнеса.

Сотрудничество с
нами —
кратчайший путь к
экономическому
чуду!

Контактные телефоны в Москве: 246-07-11, 244-48-26
Телефакс: 928-17-62

— Не могу себе представить, как-то было 35 лет назад «входить в литературу». Ведь вы учились в Горном институте в Ленинграде?

— Да, я учился в Горном — слава Богу, что не в Литературном. А в литературу было входить... очень странно. Я помню, когда написал первый рассказ, по безграмотности мне показалось, что это гениально, но никогда не будет напечатано. Хотя там не было никакой политики. Просто я знал, что «так не пишут». Так писали когда-то, а теперь так не пишут и такое не печатают.

— Вам было известно, «что так писали когда-то»?

— Думаю, что писатель формируется прежде всего как читатель. А я очень любил читать. И когда читал, то как бы переписывал. Борхес был прав, сочинив человека, который пытался снова написать «Дон Кихота». У моего дяди была библиотека, он собрал ее в 20—30-е годы, и я мог прочесть, допустим, Гамсуна. А ведь все это было тогда недоступно. Или вот Мережковский стоял, которого я не прочитал, впрочем. И я помню, что первое чувство писателя возникло у меня, когда во время подготовки к выпускным экзаменам в школе я стал читать «Ликвикский клуб». Это наслаждение было сравнимо только с самыми высшими точками, когда тебе кажется, что ты пишешь вдохновенно.

Короче, я знал, что литература была до 17-го года. Советская классика была отсечена, конечно. Своих непосредственных предшественников мы не знали. Только-только начинались первые публикации — цикл Цветаевой напечатали, первые послелагерные стихи Заболоцкого. Самой современной «неофициальной» литературой были «12 стульев» и «Золотой теленок», а остальное было официальной. Так что вообще-то мы ничего не знали. И, главное, совершенно не верили в существование современного искусства. Когда в 56-м году я посмотрел фильм Феллини «Дорога», я сошел с ума просто. То же — когда прочитал «Атомную станцию» Лакснесса, которую напечатали у нас как «антиамериканский» роман вскоре после смерти Сталина. Это позже были Ремарк, Хемингуэй — с опозданием на 30 лет, и далее — Фолкнер и прочие. А тогда — вот эти два потрясения, когда я увидел вещи, которые делались сейчас... Трудно объяснить этот феномен потрясения. Ну... как будто вошел Господь Бог с бородой.

Вот в этом «нулевом» состоянии я и стал сочинять. В институте случайно прочитал рукописные сборники стихов, напоролся на поэтов — Глеба Горбовского, еще кого-то. Чтобы водить с ними дружбу, я тоже начал со стихов. Когда к прозе обернулся, то оказался единственным прозаиком среди поэ-

Заглавия у него хорошие. Кради любое, и совесть мучить не будет: чего же стыдиться, раз они такие «всеобщие», как «Герой нашего времени», или «Что делать?», или «Отцы и дети»... Он сам, между прочим, крал без зазрения, тасовал их, раскладывал, разглаживал, разглядывал — тем и жил, нажил роскошный роман, «Пушкинский дом» называется. Можно было назвать материал, например, так: «Битов в пейзаже». Или: «Улетающий Битов». Или с подковыркой: «Выбор природы (путешествие молодого человека в небольшую страну)». А подзаголовков дать — «Нарисованный разговор» или «Версии и варианты». Но для тех, кто никогда не читал того, о чем идет речь, назову просто:

АНДРЕЙ БИТОВ, ПИСАТЕЛЬ

тов, и проза у меня пошла гораздо свободней. Бесконкурентнее. Опять же, я не читал никакой современной прозы. Но что об этом говорить, если я Евангелие прочитал в 27 лет! Не знаю, рыдать по этому поводу или радоваться, ведь в этом есть и огромное преимущество — преимущество невежды... Одна книга, за которую я благодарен жизни, — Петербург, его стены, сады, парки, не ставшие улицами горького. Эта атмосфера как-то воспитывала самочувствие моего литературного героя, ту невыразимую тоску, которая мучила и Евгения из «Медного всадника», и Башмакина, и героев Достоевского. Задача была подыскать к этому ощущению слова на основании собственного опыта — при полном незнакомстве с современной литературой.

— А как же ваши же сверстники-москвичи? Ведь молодежная проза 60-х началась с публикации в «Юности» повестей Анатолия Гладилина и Василия Аксенова...

— Да не знали мы ничего, что делается в журналах. Я не отрицаю роль Гладилина или Аксенова, но они были где-то там,

в Москве, а у нас, в Ленинграде, тогда считалось, что печататься — западло. А мы — гении. И все делаем заново.

Впервые меня напечатали в 1960 году, потом в 63-м вышла первая книжка. Я стал профессиональным если не писателем, то литагентом, то есть время от времени торговал своими рассказами. Но разрывы между публикациями росли. После первой книжки меня напечатали через два года. Потом еще четыре года не мог печататься. А после 1976 года — почти десять лет. Несмотря на постоянное существование в литературе примерно с 56-го года, я, собственно, не был современным писателем.

— В вашем романе «Пушкинский дом» много внимания уделено феномену репутации интеллигента. Что означает это понятие теперь?

— Одно из первых названий этого романа — «Жизнь и репутация Левы Одоевцева». Когда я его сочинял, то есть лет 27 назад, репутация была таким «невидимым облачком», но человек мог бо-

яться ее утраты больше, чем непосредственных гонений. В балансировании между гонениями и сохранением репутации советский интеллигент и существовал. Позже, приблизительно с начала 70-х годов, когда «оттепель» окончательно «смерзлась», приходилось уже жертвовать либо репутацией, либо своим социальным положением.

А теперь... Где-то в конце 70-х, когда шестидесятники не были еще такими обруганными и настолько себя скомпрометировавшими, мне сказал молодой автор из «пропущенного поколения», что у всего нашего поколения есть один порок: не создали себе учеников.

— А вы — шестидесятник?

— Вообще-то я не считаю, что меня нужно куда-то относить, но по возрасту — все-таки да. Сейчас наше поколение расплывается за то, что оно не заметило своих собственных детей. Мы были замечательно заряжены энергетически, хлебнув войны и выжив; была бедная, нищая жизнь, но все-таки нас по головке гладили и — любили. А поскольку поколение еще имело идеал

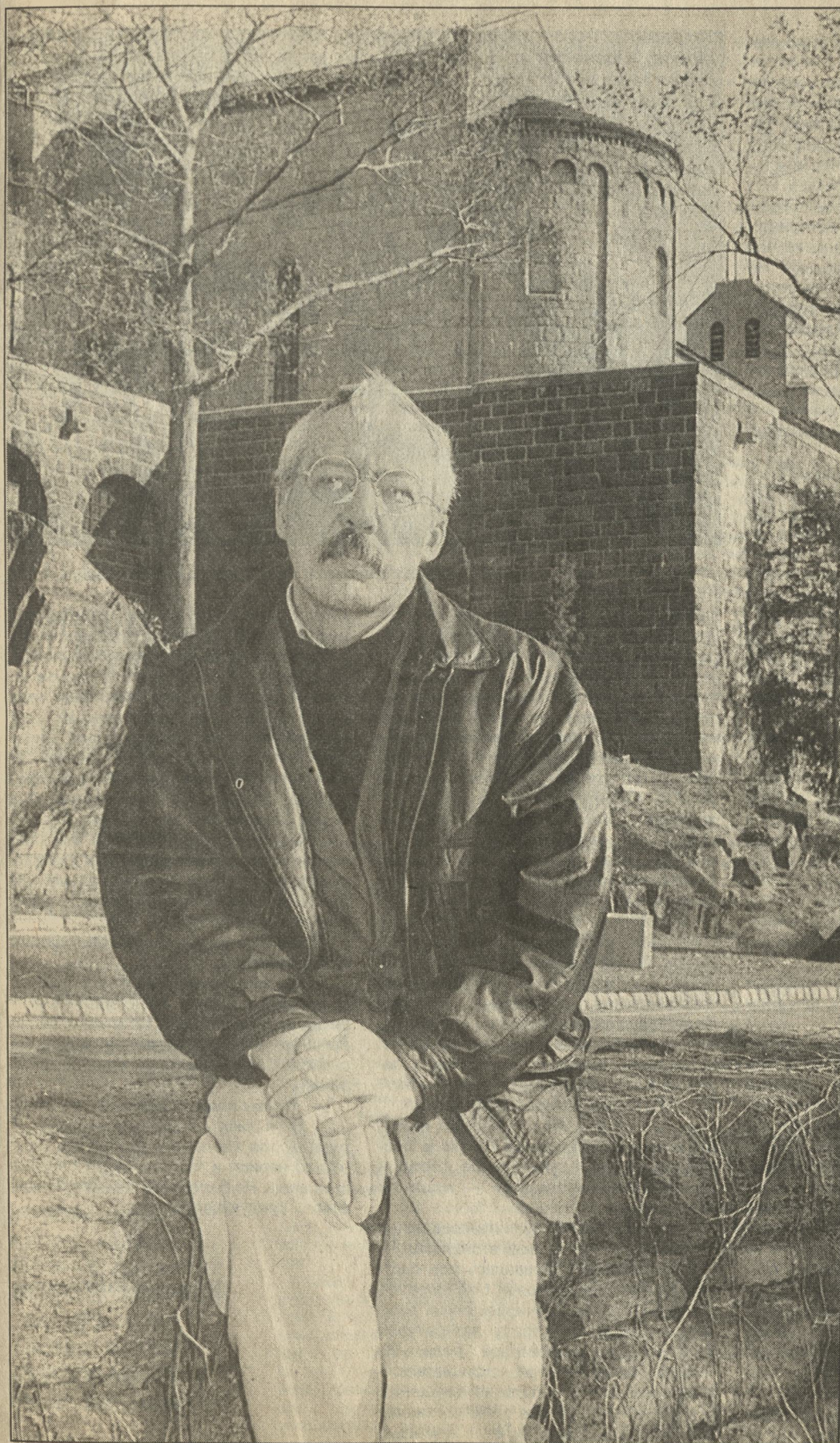

Фото Л.Маковской

Я на дух не переношу агрессии. Если новое утверждает себя просто потому, что «пришла пора», это механизм, против которого душа моя как протестовала в молодости, так протестует и сейчас.

противостояния системе, то и было как бы во всем оправдано.

Но это длилось долго, потому сегодня нормальная реакция: «Надоели». Я это сильно на себе ощущаю, когда вижу хорошую молодую поросль, которая меня — заодно — с маху отрицает. Что мне теперь: бежать к ним оправдываться, что я не такой, или принять обиженную позу, что тоже претит? Надо все претерпеть, за все расплатиться. И уповать на то, что все по достоинству будет оценено. Но есть некоторое ощущение насильственной списанности. Вы меня спрашиваете о репутации. Я иногда просматриваю газету «Гуманитарный фонд». Они печатают такие рейтинги: сравнивают писателей «новой волны» только с самыми популярными из «прежних» — Вознесенским, Евтушенко, Окуджавой, Ахмадулиной.

Лагерь «прежних» скомпонован в пять имен. Остальные — все «мы». От Татьяны Толстой и Виктора Ерофеева до тех, кого я не знаю, то есть тех, кто не хочет меня знать.

Не могу сказать, что меня не задевает мое отсутствие в этом списке: то ли я совсем не известен, то ли я вне рассмотрения — как Бабаевский. Для меня это служит предметом анализа. Выходит, это — «тусовка», а у тусовки один закон: есть те, кто на нее пришел, а кто не пришел, того нет.

Я на дух не переношу агрессию. Если новое утверждает себя просто потому, что «пришла пора», только по принципу «одного лагеря», это механизм, против которого душа моя как протестовала в молодости, так протестует и сейчас. Раньше одаренность «отдельным» тщеславием при недостатке собственно литературного таланта могла сделать хорошую аппаратную карьеру, зачастую совершенно бандитскими методами.

— По-моему, теперь в этом смысле есть такая «сточная канава», как бизнес.

— И совсем бизнес в данном случае не «сточная канава», а наоборот — самоопределение. Понимаете, раньше социальный разброс не был столь велик, чтобы каждый мог найти себе занятие «по сродству». Мужской характер, скажем, в нашем обществе воплощался в преступности либо в спорте...

Я когда-то мечтал о таком способе ликвидации злостных политиков, которые могут задушить мир: каждого из них надо привести к очень умному психиатру, который путем какого-то тестирования назначит занятие, самое любезное его душе. Допустим, клеить корбочки или забивать гвозди шляпкой в стенку. Ему за это надо давать все знаки отличия и платить пенсию — и общество будет не в убытке, а в достатке. Так что если бы бизнес привлекал гра-

А.Битов и Ю.Алешковский. Расставание навсегда. Январь, 1979.

фоманов, их было бы меньше, а богатых людей — больше. Однако когда графоман начинает заниматься бизнесом от литературы же — это уже совсем другое дело. Поскольку у нас настоящего бизнеса нет, а есть пользование пропастью между системами, как между курсами валют, то и тут — в бизнесе от литературы — можно уживаться не по таланту. Сейчас, когда все раздроблено этим «промежуточным рынком», — не время литературы. Не знаю — скорбеть или... понимать это. Но ведь литература никуда не денется — без нее человечество никогда не жило.

Сегодня мне кажется, что ничего не произошло, система сохранилась, ушла внутрь людей и выходит порами, потом, гноем. Снятие вывесок не обозначило освобождения от системы. Поэтому люди ведут себя «системно», только мутируют. И понятие репутации мутирует. Когда меня называют порядочным писателем — я даже вздрагиваю. Что это? То, что я не писал про коммунистов?

— Нет, не это. Мне, например, кажется очень симпатичным то, что в последние годы вступительное слово к публикациям «молодых» — едва ли не основной ваш жанр.

— Когда меня вернули преподавать в Литинститут — я не очень этого хотел, — мне постепенно понравилась моя паства, и сейчас я ею доволен. Мне кажется, что что-то такое случилось очень важное, слава Богу. Утрата литературой этой гипертрофированной роли. Не только падение той, официальной-продажной, но и появление ощущения, что может быть более цивилизованная жизнь, где не надо будет с помощью

литературы замещать все гражданские институты. И от этого произошло обращение литературы к тому, чем она занимается, — к слову, к его происхождению. Я вдруг вижу, что тщеславие моих ребят снова художественное. Их возникновение в литературе очень филологичное и тем — замечательное. Ограничение ее роли приведет к возвращению ее функций, скажем так. Она будет суженной, маленькой, тесной, как была в «серебряном веке» или в начальный советский период, когда она помещалась внутри официальной. И это «маленькое» положение есть перспектива, а не потеря.

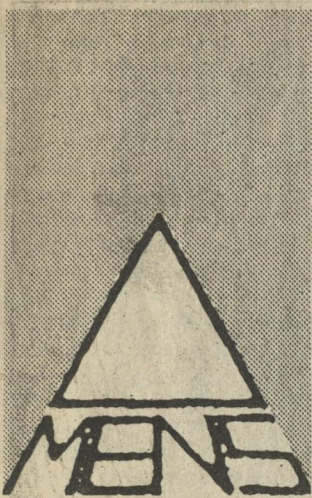
— Вы всю жизнь были «свободным литератором»...

— Да, жил... очень безответственную, в сущности, жизнь. Хотя временами я вроде как бедствовал, но у меня достало лени, чтобы никогда не ходить на службу. Сейчас у многих тоска по такой жизни.

— Что вы пишете сейчас?

— Ну я пишу... всякую эссеистику. И думаю о том, как писать. Думаю, что я еще что-то напишу и что это будет следующая вещь. Не более или менее удачная, а вот... следующая во мне.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

**«МЫ
ОТКРЫЛИ
КЛОНДАЙК»,**

**— считает
И.А.Гусев,
технический
директор
общества с
ограниченной
ответственностью
«МЭНС». И тут же
добавляет: «Но
чтобы его
разрабатывать,
необходимы
настойчивость и
терпение. У нас —
сложный бизнес». Фирма «МЭНС»
занимается
сервисным
обслуживанием
компьютеров. Ее
адрес: 123308,
Москва, проспект
Маршала Жукова, 1.
Тел: 195-12-89.
Телекс: 411759
МИР СУ МЭНС.
Факс: 195-02-84.**

— Реально мы начали работать три месяца назад, — рассказывает Игорь Анатольевич. — Пока еще рано говорить о больших успехах. Но у нас работают прекрасные специалисты, и наше направление очень перспективно. Москва, да и вся страна, буквально затоварена сейчас компьютерами. При этом количество и качество сервисных структур сильно отстают.

— Особенность нашего рынка заключается в том, что купить новую вещь гораздо проще, чем отремонтировать старую. Но я полагаю, что это относится только к сломанному кабелю или замолчавшему радио. Неужели с компьютерами та же ситуация?

— Да. Было создано несколько СП, среди направлений деятельности которых был и ремонт компьютеров. Но они быстро переходили на торгово-закупочную деятельность, потому что это гораздо проще. Сервис требует больших капиталовложений, а прибыль можно ожидать лишь через 2—3 года. Сейчас мы все заработанные деньги вкладываем в новые средства производства, в оборудование, очень, кстати, недешевое. Обыкновенная паяльная станция стоит 1,5—2 тысячи долларов. Представляете, сколько это будет в рублях? Я не говорю уже о сложных многофункциональных установках, предназначенных специально для ремонта компьютеров, — здесь счет идет на десятки тысяч долларов.

Но все же у компьютерного сервиса большое будущее. На Западе, где цены на компьютеры гораздо ниже сравнительно с нашими, фирмы по их ремонту процветают. А в нашей стране компьютеры стоят уже по 200 тысяч рублей и цены стремительно растут. Конечно, выгоднее заплатить, скажем, 10 тысяч за ремонт.

— Но ведь и у вас цены будут расти?

— Не с такой скоростью. Хотя какой-то рост неизбежен — ведь мы входим в рынок.

Объем наших ремонтных работ пока не так велик, как нам бы хотелось. Мы можем диагностировать любую машину, но ремонтируем пока не все. Очень трудно достать необходимые комплектующие детали. Приходится использовать довольно вар-

варский способ — покупать старые компьютеры, извлекать из них начинку и ставить ее туда, куда нужно. Какие-то излишки имеются у наших знакомых, и тогда мы совершаем бартерные сделки. А иногда просто идем на рынок.

— На рынок?

— В Тушино есть электронный рынок. Там продают микросхемы и комплектующие узлы. Цены, конечно, приличные.

— Вы делаете закупки непосредственно за рубежом?

— У нас нет для этого валюты. Мы хотели бы обслуживать некоторые структуры, где возможна валютная прибыль. Но надо сначала создать себе имя.

— Когда хотят подчеркнуть хорошую работу какой-либо фирмы, говорят, что она может не бояться конкурентов. Не знаю, можно ли это сказать про вас, ведь в вашей области конкуренции пока вообще нет.

— В Москве есть несколько сильных групп, которые занимаются тем же, что и мы. Но количество ввезенных в страну компьютеров все равно во много раз превышает наши возможности. В будущем мы предполагаем объединяться в большой центр, который мог бы удовлетворить все потребности заказчиков.

— Вы занимаетесь исключительно ремонтом или у вас есть и другие направления?

— Мы создали спутниковые направления, чтобы деньги, заработанные там, вкладывать в основное производство. Например: мы составили базу данных, которая позволит клиентам за определенную плату получать информацию, связанную с наличием на рынке (пока только московском) той или иной вычислительной техники или оргтехники.

Очень перспективное направление, которым мы думаем заняться, — компьютерная оргтехника. Это монитор-«муверь», то есть специальные устройства для установки монитора на «подвижной» руке, и другие интересные вещи, которые можно сделать для компьютера. Мы хотели бы работать с клиентами, которые смогут создавать такие изделия по нашим чертежам.

Кроме того, у нас в большом количестве есть электронные изделия IPS Card. Это

внутреннее устройство, позволяющее защитить обрабатываемую информацию при сбросах «питания». Мы устанавливаем его в компьютеры и проводим гарантийное обслуживание.

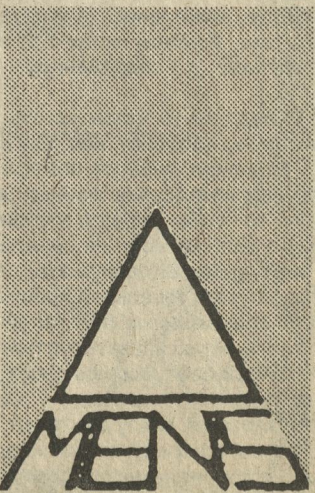
— Сколько людей у вас работает?

— Порядка 15 человек. Непосредственно ремонтом заняты пятеро. Но у нас нет четкого разграничения обязанностей. Каждый способен выполнить любую работу. Если необходимо, мы объединяемся и решаем вопросы сообща.

Сейчас нам уже не хватает людей. Но мы связаны рамками положения о малом предприятии, а оно ограничивает количество работников. Поэтому мы будем создавать новые структуры, филиалы, которые будут выполнять часть работы. А то мы просто падаем с ног. Хотя найти действительно хороших специалистов бывает нелегко.

— Но вы можете легко переманивать их из государственных структур. Ведь заработки у ваших сотрудников выше?

— Я знаю многих хороших специалистов, которые по-прежнему работают на государственных предприятиях, несмотря на очень скромную зарплату. Тут психологический барьер. Люди не верят в будущее нашей структуры, не верят, что будут обеспечены едой, получают квартиры, пенсию. Очень трудно все бросить и изменить свою жизнь. Мне тоже было нелегко это сделать. Но я решил — и не жалею.

Позвонили из газеты. Голос заполошный:

— Мы тут анкету проводим. Среди критиков. Хотим узнать, какое литературное событие истекшего года кажется вам наиболее примечательным.

Кое-как отшутился. Звонят из дружественного «толстого» журнала. Голос умоляющий, с явной безнадежностью:

— Сергей Иванович! Знаем, что заняты, боимся, что и вы не согласитесь, но очень и очень обяжете... В наших традициях — давать обзор литературного года, а все критики отказываются... Ну, как один... Не можете ли вы нас выручить?..

Не могу! И не уговаривайте — не могу!

А меж тем зовут в библиотеку — выступить там с лекцией о самых ярких книжных новинках; присылают пакет из английского посольства — затеян где международный конкурс на лучший современный русский роман, и нужно назвать своих кандидатов... Кличут на радио, на телевидение — принять участие в передачах по итогам; заезжает в гости милейшая, но приглядчивая и ухватистая французская издательница — не порекомендуете ли что для перевода на язык Вольтера и Бодлера; неотвеченным, к стыду, лежит на столе письмо от старинного друга-провинциала: как ты, мол, думаешь, удачным был литературный год или так себе?..

Обычная околовогодняя суматоха. Привычная страда критика-профессионала: нас, практиков, немного, увы, осталось на плаву, старики повидохлись да и поднадоели публике, свежей прибыли в нашем полку почти нет, отчего и телефон звонит не умолкая...

Все, словом, как и год, как и пять лет назад. В новинку только одно: собственное нежелание отвечать на расспросы, вообще хоть как-то высказываться о современной литературе.

И ведь не то чтобы читать перестал: читаешь, наоборот, как приговоренный — рукописи, верстки, номера дружественных и недружественных журналов... И не то чтобы выбрать что-либо путное было нельзя: мода на перепечатки литературного антиквариата, слава Богу, уходит из журнальной практики, место для современных писателей высвободилось, и грех назвать пустым год, когда на белый свет явились сразу два романа Василия Аксенова — эпический и авантюрный, сразу две повести и серия сюрреалистических рассказов Владимира Маканина, новый роман Фридриха Горенштейна, гиньольные, т.е. смешные

Сергей
ЧУПРИН

«ЧТО ЖЕ ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ? СЛЕДУЕТ ЖИТЬ...»

до ужаса, «рассказы и поэма о коммунистах» Евгения Попова...

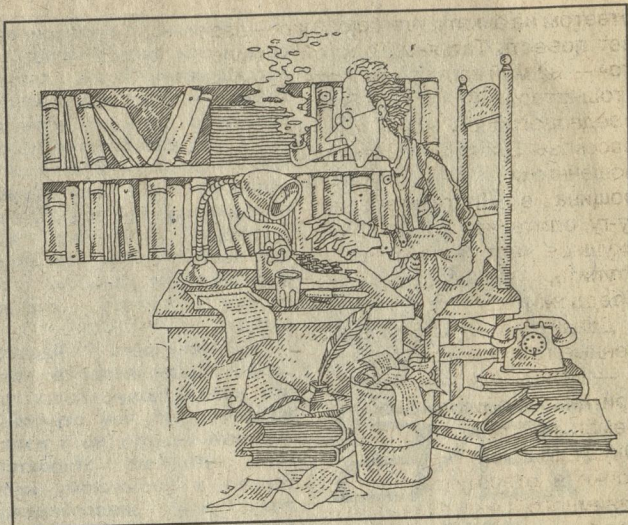
Да мало ли еще что явилось — вплоть до очередных глав из нового романа Василия Белова; найдутся же, знать, и на него охотники.

Так что — оглянешься вокруг: все на местах, все в полном порядке. Вчерашний андерграунд, он же сегодняшний постмодерн? Да сколько угодно. Традиционная проза? Крепчает. Эротическая литература? Хоть лопатой гребь. Эмигранты? На каждом лотке. Отцы и последыши соцреализма? И они не оставляют поклонников своим попечением. Новые имена? Нет номера «Знамени», в котором бы они не возникали, да и другие журналы тоже кое-что подбрасывают...

Отчего же немота сковывает уста, придерживает перо?

Оттого, рискну предположить, что всем все надоело и никого больше ничем не удивишь. Решительно непонятно, прочел ли кто (кроме критиков) явившееся на Божий свет, а если и прочел, то подумал ли что или просто так — зевнул да перекрестился... Даже книги, вроде бы самой природой своею обреченные на успех, на активное соперничество, и те сегодня проваливаются — словно в вату, в хлябь и трясину общественного равнодушия.

Вот «Бодался теленок с дубом» Александра Солженицына — потроекуровски немилосердная выволочка, учиненная классиком своим современникам: Твардовскому, Сахарову, иным многим. Оскорбился ли кто? Возрадовался ли, напротив? Зажегся встречной мыслью? Про сие нам неве-

домо. Ти-ши-на! «Это я — Эдичка» Эдуарда Лимонова. Самая, казалось бы, скандальная, самая похабная русская книга со времен «Луки Мудищева»... Думали, уж и не выйдет никогда в нашем целомудренном Отечестве. Ан вышла, чуть ли не двумя изданиями сразу, лежит теперь себе полеживает на лотках, рядышком со столь же скандальным «Николаем Николаевичем» Юза Алешковского, расходится, говорит, дурно, должно быть, все-таки покупает, пролистывает перед сном и, похоже, позевывает. Во всяком случае, ожидаемого шума и бума нет, даже пенсионеры — испытанные борцы с порнографией — будто в рот воды набрали.

Раньше, что и говорить, не так было. Начальство чуть что взъярит, читатели письмами засыплют, критика либо вознесет до небес, либо об пол шмякнет, либо промолчит — и молчание тоже, помнится, понималось как оценка.

Вот вам и отзвук, чувство услышанности, без которых по давней традиции не живет у нас литература.

Теперь, похоже, не слышат никого и молчат обо всех. На Старой площади, на улице Куйбышева (бывш.) смена караула, и сегодняшним распорядителям «вертушек» явно не до грибов-с. Отделы писем в редакциях и в издательствах впору закрывать — читательская почта иссякла. Вот и критика... Что, впрочем, критика — она на Руси служба связи между литературой и общественностью: нет живой связи — нет и живой критики. Отделается в лучшем случае, если уж очень в редакциях прижмут, вялым экспертным отзывом, односложным

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Если Вы подписались на журнал «СТОЛИЦА», Вы будете раз в неделю получать свежие новости из Москвы

По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь по адресу:
ECONEWS BOX 535 LAUSANNE 1001 SWITZERLAND
TEL.41.21-311.45.05 FAX.41.21-311.45.11

ответом на анкету. Или брюзгливо назовет повесть Татьяны Толстой «Лимпопо» — на мой взгляд, замечательную — «тошнотворной» (это Вл.Бондаренко в предновогоднем «Дне» отличился), а рассказы Владимира Маканина «недоношенными» (как рубанула Б.Тарощина в «Литгазете»); и опять ни гу-гу, опять, как и у автора этих строк, скушное «нет» на все увещевания выступить, высказаться, обозреть и предложить...

Давайте уж лучше, милые дамы и почтенные господа, не брюзжать.

— Будем — и писатели, и читатели, и критики — вместе перемогаться, возьмемся за руки, как советовал Булат Окуджава, чтоб не пропасть поодиночке в отвратительную пору апатии, взаимного раздражения и обоюдного недопонимания.

Войдем, писатели, в положение читателей — горячая, с перцем и уксусом духовная пища времен перестройки и сокрушительной гласности надолго, боюсь, отбила у них способность различать тонкие оттенки вкуса. Да и потом... После рыжковско-павловско-гайдаровских шоков — какой уж там Солженицын, какой, тем более, Лимонов!.

И войдем, читатели, в положение писателей. Испытание равнодушием, неуслышанностью для литературы, видит Бог, ничем не лучше, чем когдатощнее испытание барской таской и лаской. Пусть утешатся, как утешался в свою пору Давид Самойлов: «Читатель мой — сурок. Он писем мне не пишет!.. Но, впрочем, пару строк, в которых правду слышит, он знает назубок...»

Или еще лучше, по гоголевскому рецепту: «Книжица сия вышла, — значит, сидит же где-нибудь и читатель ее».

Объемы подписки на литературные журналы упали — но сотни тысяч прилежных читателей, вопреки страхам, сохранили за собой в 1992 году и «Знамя», и «Новый мир», и «Октябрь», и «Юность». Хорошие книги не слизываются с прилавков, как бывало, — но и в макулатуру пока что не идут.

Значит, есть же где-то люди, которым, как и во времена Бирона, как и во времена Аракчеева, Ежова или Андропова, без печатного слова жизнь не в жизнь.

Это главное. Что же до остального — авось да небось переждемся. Нам ведь, как известно, только бы зиму простоять да весну продержаться...

ЦЕНА НОМЕРА
В РОЗНИЦУ:

Швейцария

4,90 шв.фр.

Франция

20 фр.фр.

Германия

5,60 н.марок

Великобритания

1,90 ф.ст.

Другие европейские
страны

3,80 ам.долл.

Израиль

5,15 шек.

США

4,25 ам.долл.

Канада

4,85 кан.долл.

Другие страны

4,25 ам.долл.

ЦЕНА НОМЕРА
ПО ПОДПИСКЕ:

3,43 шв.фр.

14 фр.фр.

3,94 н.марок

1,34 ф.ст.

2,68 ам.долл.

3,60 шек.

2,98 ам.долл.

3,40 кан.долл.

2,98 ам.долл.

Mr./Ms. initials _____ Family name _____

Address _____

Town/City _____

Postcode _____ Country _____

Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa

Diners Club American Express

Card No _____ Card expiry date _____

Please bill me later

Signature _____

72 Weeks 36 Weeks

52 Weeks 26 Weeks

Please send this coupon to ECONEWS Box 535
Lausanne 1001 SWITZERLAND

Владимир ВОЙНОВИЧ

Происшествие в «Метрополе»

В каком-то странном состоянии я вышел в коридор и пошел не к выходу, а в противоположную сторону. Дошел до стеклянных дверей. Они были закрыты, но я долго стоял перед ними, пытаюсь понять, как сквозь них проникнуть. Наконец сообразил, что пошел не в ту сторону, повернул обратно, прошел мимо дежурной, посмотрел на нее — любопытно было, как она реагирует на выходца из номера 480. Лица ее я не разглядел. Оно как-то расплывалось, но меня это почему-то не удивило. Я спустился вниз и вышел на улицу.

Мне было плохо. У меня все болело: голова, сердце, ноги. В таком состоянии надо было сразу ехать домой. Но жена просила меня купить нафталин. Обычно ее поручения тут же вылетают у меня из головы. Сейчас мне казалось, я не могу вернуться без нафталина. С тупым автоматизмом я действовал по заранее намеченной программе. Еле переставляя ноги, пересек проспект Маркса по подземному переходу, вышел на Кузнецкий мост и повернул направо — к Лубянке. Там, немного не доходя, хозяйственный магазин. Я видел только то, что было прямо передо мной. В магазине я не видел ничего, кроме нафталина. С трудом умножил восемь копеек на четыре пачки. Выйдя из магазина, вспомнил, что собирался купить пиво. Сейчас оно мне было совершенно не нужно, но, повторяю, я тупо выполнял заранее намеченную программу. От магазина пошел пешком на улицу Горького. Там сел в троллейбус, доехал до Белорусского вокзала. Зашел в один магазин, затем в другой. Пива, к счастью, не оказалось ни там, ни там. Как добрался домой, точно не помню, кажется, на метро. На расспросы жены отвечал односложно. Кажется, только здесь до меня что-то дошло, я сказал: «Мерзавцы! Они грозил меня убить». Чувствуя, что мне как-то не по себе, я включил телевизор. Показывали хоккей. Стал смотреть, но не мог понять, кто, куда и зачем бежит. Я отметил, что ничего не понимаю, но не испытал при этом ни досады, ни недоумения. Выключил телевизор, пошел к Корнилову. Он и его жена, несмотря на то, что в комнате было полутемно, обратили внимание на мой необычный вид. На вопрос: «Что случилось?» — я ответил: «Ничего». Тут к ним зашла соседка, и я ушел, ничего не рассказав. Впрочем, вряд ли я был способен что-то рассказывать.

Вернувшись домой, лег и по привычке взял почитать перед сном какую-то книгу. Но не мог ничего понять. Взял свою собственную книгу, но и в ней ничего не понял. Видел отдельные слова, но не улавливал смысла фразы.

Некоторое время спустя принял две таблетки элениума — не помогло.

Около часу ночи я начал осознавать необычность своего состояния. Не желая беспокоить жену, я ее не позвал, но стал записывать свои подозрения:

«Что-то мне нехорошо. У них есть какой-то способ убивать так, что человеку становится плохо с сердцем. Так, говорят, убили Бандеру».

Сейчас я смотрю на эту запись. Почерк мой. Кривоватый, но я писал лежа. Точки и запятые на месте.

«Время 1.00. Принял валидол, сосу (потом сделаю еще запись). Я не мог так разволноваться. Я не волновался, когда говорил с ними. Сейчас у меня пульс 120...»

На самом деле, я думаю, пульс был чаще. Он был какой-то дерганный, я не мог его сосчитать и записал цифру, которая мне казалась предельной.

«1.12. Как будто в груди немного лучше, но болит голова, как будто от давления. Попробую заснуть, хотя, несмотря на 2 таблетки элениума, пока никакого эффекта».

Помню, здесь я отметил, что написал дважды «как будто», но решил, что сойдет и так. Повышенное давление у меня никогда не отмечалось, ощущения, которые возникают при этом, я знал понаслышке.

«1.25. Я не знаю, зачем они решили сделать это сейчас. Может быть, из-за разоблачения микрофона. Когда еще я их встретил на улице, они чем-то были явно взволнованы».

1.30. У меня не может быть сердечного припадка. Я последнее время себя очень хорошо чувствовал, а сегодня насколько не волновался...

1.35. Пока я говорил со старшим, младший куда-то выбежал. Может, за санкцией. У меня очень странные ощущения, каких никогда не бывало.

1.35. Он мне слишком много намекал на смерть. Рассказывал о художнике — раз. Сказал, что жизнь прерывиста, — два. Потом сказал такую фразу: Я понимаю, если б вам было 70 лет, жизнь кончена, а так...

2.05. Немного хочется спать, ноги ватные. Сейчас вспоминаю, что, когда я сказал про микрофон, в голове возник какой-то туман. Старший что-то болтал, как в бреду, совершенно бессмысленное, но и я будто был в бреду. Это ощущение было недолгим, меня оно как-то удивило, но четко я его не отметил».

На этом я перестал вести записи, считая, что отметил самое главное. Но заснул после трех часов. Проснулся в пять. Пульс был 140 (теперь уже точно). И это после сна, пусть и недолгого. Провалившись до восьми часов, я встал. Я чувствовал себя отвратительно, но сел за машинку. Я считал, что случившееся со мной надо немедленно передать гласности. Вечером А.Д.Сахаров и Е.Г.Боннэр помогли собрать пресс-конференцию. Я прочел и раздал журналистам копии открытого письма Андропову. Но в нем говорилось только об угрозах. В том, что меня к тому же и отравили, я сам еще не был уверен. Все-таки я рассказал о том, что со мной было ночью. И высказал предположение, что предмет, принятый мною за микрофон, на самом деле был чем-то другим.

Я попытался описать этот предмет. Небольшая коробочка, по-видимому, из пластмассы. Приблизительные размеры: 25x20x5 мм. Боковые стенки зеленого цвета, пластинка, обращенная ко мне, — кремового. В пластинке несколько рядов мелких отверстий. Два провода: зеленый большого сечения, белый — меньшего. Может, коробочка не микрофон, а смеситель и распылитель двух газов? Провода — шланги. По зеленому подается один газ в большем коли-

В.Войнович, И.Зверев,
Ф.Искандер, Г.Владимов.
1964

ФОТО В.АХЛОМОВА

честве, по белому — другой газ в меньшем количестве.

Вижу, журналисты смотрят на меня недоверчиво. Но мне и самому мои предположения кажутся дикими. У меня нет никаких доказательств...

13 мая я все еще чувствовал себя плохо. Болела голова, закладывало уши, в ногах не проходило ощущение тяжести. Днем смерил пульс — 140. Выпил что-то сердечное, лег. Вечером пришел мой приятель, врач. Выслушал мой рассказ внимательно и не поверил. Предположения насчет газа отменил сразу. «А они что же, в противогазах сидели?» Нет, говорю, но, наверное, они приняли какое-то противоядие. «Это невозможно. Кроме того, газ непременно подействовал бы в первую очередь на дыхательную систему. Какие-нибудь неполадки с дыханием у тебя были?» — «Не было». — «Галлюцинации? Тошнота? Рвота?» — «Не было». — «Ты там не пил, не ел?» — «Нет». — «Сигареты курил свои?» — «Свои».

— Володя, — говорит мой приятель, — поверь мне, того, что ты рассказываешь, просто не могло быть. Было жарко, ты разволновался, у тебя поднялось давление, от этого мог произойти и какой-то сдвиг в сознании. Микрофон они тебе показали нарочно. Они, может быть, намеренно действовали на твою психику. Ты будешь говорить об отравлении, а они объявят тебя сумасшедшим. Они, может быть, только этого и ждут.

Все же он меня простукал, прослушал, посчитал пульс.

— Ну есть, конечно, некоторая тахикардия. Это от волнения. Ты и сейчас волнуешься.

— Я волнуюсь оттого, что ты мне не веришь. Там я не волновался. Наоборот, я был идиотски беспечен. Пойми, мне никогда ничего не казалось.

— Но и таких случаев у тебя никогда не было.

— Были. Однажды в меня стреляли из винтовки. Однажды совали в нос пистолет. Почему-то тогда мне ничего не казалось.

Так он мне и не поверил.

А я стал сомневаться. Может, и правда, показалось. Меня, как и других писателей, иногда посещают больные люди. (Писателя многие воспринимают как официальную инстанцию и приходят с жалобами.) И каждого из них либо травят газами, либо пронизывают какими-то невидимыми лучами. Один даже показал мне свинцовые пластины, которыми он загоразживает сердце спереди и сзади.

Накавав себе побольше корвалола, лег спать. Утром проснулся успокоенный. Да, конечно, мне показалось. И неудобно, поднял панику, заставил приятеля тащиться с другого конца города.

Посчитал пульс — 140. И голова болит. И в ногах тяжесть. Вместе с приятелем поехали в больницу к кардиологу. Приятеля моего он знал, меня видел впервые.

— Прежде чем вы скажете, что с вами случилось, ответьте, пожалуйста, на мои вопросы.

— Видите ли, тут случай не совсем обычный, поэтому, может быть, лучше сразу начать с него.

— Нет, нет. До вашего случая мы еще дойдем. (Каждому больному его случай кажется необычным.) — Я вам буду задавать вопросы, может быть, сначала они вам покажутся странными, но потом вы поймете, что я ничего не спрашиваю зря.

И пошли вопросы. Болел ли в детстве коклюшем, тифом, скарлатиной, дизентерией. Занимался ли физическим трудом? Сколько времени? Теперешний образ жизни? Квартирные условия? Отношения в семье? Делаю ли зарядку? Гуляю ли? С какого возраста курю? Сколько сигарет в день выкуриваю? Все я ему о себе рассказал как на духу.

— Ну хорошо, — сказал наш профессор довольнo. — Теперь рассказывайте про ваш необычный случай.

Услышав слово «КГБ», он отъехал с креслом и оглянулся. Но сзади него не было ничего, кроме стены. Слушая мой фантастический рассказ, он несколько раз менялся в лице.

— Вот что, дорогой, — сказал он взволнованно, — прошу вас, никому этого больше не рассказывайте. Поверьте мне, я знаю очень многих больных, которые рассказывают подобные истории.

— Я сам таких знаю, — сказал я.

— Ну вот, видите, и вы знаете. Сейчас я вас проверю и вы убедитесь, что у вас все в порядке.

Пошли в кардиографический кабинет.

Уложив меня на кушетку, он укрепил датчики и включил кардиограф.

— Ничего не пойму, что-то тут дребезжит, — и он стал поправлять датчик на левой руке.

Потом считал пульс, мерил давление, простукивал меня и прослушал.

— Да, есть, — сказал он с некоторым изумлением.

— Что есть? — спросил я.

— Есть признаки отравления. Для вашего вялого состояния пульс слишком велик. Да и давление... Вы небось гипотоник?

— Гипотоник.

— А давление 130 на 90. Из того, что я знаю, похоже на реакцию после наркотика. Что-то вроде ЛСД или аминазина. Сколько дней прошло? Три? Вы считаете, что вас газом отравили? А они не выходили из комнаты?

— Один выходил.

— А другой был все время? — покрутил головой. — А вы сигареты свои курили?

И он про сигареты!

И тут я вспомнил. Был ведь такой момент, когда Лжепетров отвлек меня от стола, где лежали мои сигареты. Когда он показывал мне ту идиотскую картину. Ведь в ней не было ничего интересного.

Пока он меня отвлекал, его младший соратник вполне мог подменить пачку. Я был достаточно беспечен, чтобы помочь ему в этом. Как же мне сразу не пришло это в голову?

Теперь становилось понятным, для чего еще там, на Лубянке, Захаров стрелял у меня сигареты. Он проверял мою бдительность. Может быть, даже подкладывал вместо вынутой сигареты другую (не отравленную), репетировал. Репетиция прошла удачно. Я за сигаретами не следил, даже наоборот, подвинул пачку к нему, чтобы он каждый раз не просил.

Думаю, Захаров вообще некурящий. В гостинице он специально показал мне пачку «Столичных», чтобы я отметил: у него сигареты другого сорта. Пачка была нераспечатана. Не помню, чтоб он ее распечатал и чтобы курил.

Почему я всего этого сразу не вспомнил? Потому что память ко мне возвращалась постепенно, как бы кусками. Примерно шесть дней я чувствовал в себе последствия отравления. Шесть дней у меня под глазами были синие круги. За шесть дней я похудел на пять килограммов. (Неужели так уж разволновался?)

Так что же все-таки со мною случилось? Бред, возникший в результате волнения, отметаю.

Повторяю, я не только не волновался, но проявил крайнюю и даже непростительную в моем положении беспечность...

Публикуя «Чонкина», я приготовился ко всему. К тюрьме, к ссылке, к высылке и даже (может быть, такое признание кого-то шокирует) к смерти. У меня нет панического ужаса перед ней, хотя бы потому, что так или иначе она неизбежна... Право, быть убитым КГБ — не самый бесславный конец.

Я скептик. Я не верю, что какая-то книга может изменить в мире хоть что-то. И в свои книги в этом смысле тоже не верю. Хотя и надеюсь, что в чьей-то душе написанное мной как-нибудь отзовется. Но, как каждый писатель, я честолюбив. И, конечно же, мне приятно сознавать, что вымышленный мною маленький кривоногий солдатик с винтовкой устаревшего образца так испугал столь могущественную и вооруженную до зубов организацию, в которой состоит Лжепетров.

...Для специалистов, которые попытались бы установить, какими веществами кагэбисты воздействовали на мой организм, суммирую основные признаки отравления:

1. Некритическое отношение к своему поведению и состоянию.
2. В первый день автоматическое следование заранее намеченной программе (нафталин, пиво).
3. Круги под глазами (шесть дней).
4. Резкая потеря веса (шесть дней).
5. Учащенное сердцебиение (на четвертый день сбито лекарствами).
6. Жжение в икрах ног (шесть дней).
7. Постепенное возвращение памяти и постепенное осознание случившегося (шесть дней).

Что касается способа отравления, то версия о подменен-

ных сигаретах сейчас кажется мне наиболее убедительной. Однако и другие возможности (все-таки «микрофон» выглядел странно) не исключаются.

Для чего же все-таки меня отравили?

Некоторые полагают, что был применен наркотик, вызывающий болтливость и откровенность. Но о своих взглядах я и при первой встрече без всякой отравы говорил им откровенно.

Их интересовали мои связи? Какие?

Я живу открыто. Круг моих друзей Лжепетров вполне мог определить хотя бы подслушиванием телефона (что он и делал). Как я выхожу на связь с иностранными корреспондентами? Если он не идиот и не параноик, он мог бы легко установить, что я это делаю обыкновенно, по тому же телефону. То есть звоню такому-то и говорю о своем желании с ним встретиться. Подслушивая телефон и поставив у моего подъезда одного топтуна, Лжепетров мог бы установить, что я ни с кем, нигде, никогда не встречаюсь тайком. Что никогда не пользуюсь радиопередатчиком, тайнописью, не наклеиваю ни бороды, ни усов, не надеваю на ноги козых копыт, не хожу ни в темных очках, ни в маске.

Вторая версия: они хотели меня поугубить. Зачем? Неужели Лжепетров думает, что я с перепугу «Чонкина» переделаю в кантату о чекистах? Впрочем, допускаю, что через меня они хотели пугнуть и других.

Как сказано выше, я послал открытое письмо Андропову, которое закончил приблизительно (у меня письма под рукой нет) словами, что пусть никто не поверит нынешним кагэбэшникам, что они не такие, как раньше. Такие! — утверждал я. Затем рассказал о случившемся с подробностями в «Континенте». Откровенно говоря, я думал, что публикация эта обратит на себя внимание так называемой мировой общечеловечности, но мировая общественность и ухом не повела. Так же, как она практически не заметила случившегося годом позже убийства переводчика Константина Богатырева.

В моем же случае это все-таки не убийство, а так, неизвестно что.

Сами же кагэбэшники несколько забеспокоились. И делали все, чтобы мое заявление дезавуировать. У них были и помощники. Я не знаю, действовал ли Евгений Александрович Евтушенко по чьему-то заданию или сам от себя старался, но в те дни он каждого встречного-поперечного и с большой страстью убеждал, что никто меня не травил (интересно, откуда ж ему это было известно?), всю эту историю про отравление я для чего-то наврал. Зуд разоблачительства по отношению ко мне у него не угас с годами, он через пятнадцать лет после случившегося, публично (на заседании «Апреля») ни к слову ни к городу вспомнил эту историю и опять повторял, что я вру. Не буду говорить подробно о той роли, которую играл этот человек в годы застоя. Я думаю, когда-нибудь еще будет написана его биография, а может, даже роман о нем (вроде «Мефисто» Клауса Манна), и там будет показано, как и почему человек яркого дарования превращается в лакея полицейского режима. «Талант на службе у невежды, прivity ты молча слушать ложь. Ты раньше подавал надежды, теперь одежды подаешь». Эти написанные им слова ни к кому не подходят больше, чем к нему самому. Известна его роль посланника «органов» к Бродскому и Аксенову. Евтушенко публично говорил, что каждого, кто на его выступлениях будет допускать антисоветские высказывания, он лично отведет в КГБ. Уже в начале перестройки, приветствуя ее, но все еще распинаясь в верности своим детсадовским идеалам, обещал в «Огоньке» «набить морду» каждому, от кого услышит анекдот о Чапаеве.

Во время моего «диссидентства» Евтушенко очень старался подорвать мою репутацию и ухудшить мое и без того тяжелое и опасное положение, говоря, например, интересовавшимся моей судьбой иностранцам, что я плохой писа-

тель, плохой человек, живу хорошо и их беспокойства не стою. (О том, как вели себя в эти годы купленные на советские деревянные рубли видные и морально конвертируемые западные интеллектуалы, тоже стоило бы поговорить, да ладно, в другой раз.)

А кагэбэшники на мои заявления по поводу отравления реагировали нервно. Сначала, как и следовало ожидать, попробовали объявить меня сумасшедшим. Андрей Амальрик, вызванный к следователю на допрос, спросил, в чем ему лучше прийти — в скафандре или достаточно противозаза? Следователь сказал: «А, вы имеете в виду эту историю с Войновичем? Разве вы не видите, что он сумасшедший?» Потом было сказано, что я написал злобную клевету на органы. «Клевета», очевидно, оказалась для КГБ весьма чувствительной, и поэтому заместитель председателя Госкомиздата СССР и близкий друг небезызвестного С.Иванько некто Чхивишвили сказал (мне передал): «Войновичу последний раз дали возможность проявиться как порядочному человеку, но он эту возможность отверг и теперь сдохнет в подвалах КГБ». (Говорят, что, как выяснилось, в КГБ никаких подвалов нет, но Чхивишвили, работавший, вероятно, на более высоких этажах, этого мог и не знать.)

Но поскольку время шло, моя публикация настоящего внимания не привлекла, то и кагэбэшники успокоились и подобрали. Проводивший беседу с Б.Сарновым чекист сказал: «Войнович написал на нас пародию, но в нее никто не верит» (что правда, то правда. — В.В.).

Сами гзбисты в мою «пародию» все-таки верили. Член Союза писателей, взявшийся в 1980 году быть посредником между мною и КГБ по поводу моего отъезда за границу (о нем когда-нибудь тоже расскажу), сказал мне, что люди, которые меня отравили, были наказаны. Разумеется, не за то, что отравили, а за то, что «засветились». Я спросил посредника: а зачем они это сделали? «Ну мало ли, — отмахнулся он, — мало ли что выдумает какой-нибудь старший лейтенант».

Но тот человек, которого я называю Лжепетровым, не был старшим лейтенантом. Он назвал себя начальником отдела, а это должность по крайней мере полковничья, если не генеральская. И то, что это был достаточно большой чин, говорит о важности того, зачем он пошел в «Метрополь».

Я вообще думаю, что эта «операция» была разработана на самых кагэбэшных верхах и одобрена по крайней мере лично Андроповым. Я так считаю, потому что «операция» эта была не простая. Нет, я не думаю, что целью ее было покушение на мою жизнь (хотя этого и не исключаю), но и не могу допустить, что это было просто более или менее безобидное одурманивание с целью, допустим, запугать или вызвать мою болтливость. Не сомневаюсь, что было что-то более зловещее, может быть, покушение не на жизнь, но на психику. На личность. А мне моя личность, правду сказать, всегда была дороже моего физического существования. Мое диссидентство главным образом в том и состояло, что я хотел остаться тем, кто я есть, а не тем, кем меня хотели видеть партийное, кагэбэшное или союзписательское начальство.

Сейчас в печати появились (например, статья Владимира Щепилова «Тот, который сидит во мне» в «Независимой газете» от 19 ноября 1991 года) сведения о преступных опытах по воздействию на психику отдельных индивидуумов с целью превращения их в «зомби», то есть как бы прежних людей, но лишенных некоторых важных личностных характеристик. Поведение зомбированных людей можно программировать (кстати, описывая 16 лет назад выполнение заранее намеченной программы — нафталин, пиво, — я о подобных опытах ничего не слышал). Владимир Щепилов пишет, что среди шпионов-«возвращенцев» были обнаружены люди, подвергшиеся программированию психики. Возможно, подобная попытка была предпринята по отношению ко мне. Через сигареты ли, начиненные наркотиком? Мне один западный врач тоже высказывал подозрение на ЛСД и говорил, что оп-

ределенная доза ЛСД может нанести повреждение психике даже при одноразовом приеме, но, насколько он прав, сказать не берусь. Может, на меня воздействовали еще каким-нибудь способом. Я вот, например, не знаю, что скрывалось в описанном мною номере 480, там, в углу за занавесками. Люди? Специальное оборудование? Или и то, и то?

Тогда в 1975 году допрашивавшие меня наследники Дзержинского уверяли, что они не такие, какими были чекисты сталинского образца. Нынешние наследники Андропова уверяют нас, что и они в свою очередь не такие, как те, которые травили диссидентов. Ну вот, если не такие, то пусть раскроют хотя бы дело, о котором я рассказывал. Пусть опубликуют необходимые материалы и ответят на такие примерно вопросы: Какая именно операция проводилась 11 мая 1975 года в номере 480 гостиницы «Метрополь»? Какие при этом применялись средства? Кто были ее организаторы и исполнители? Какую цель они ставили перед собой и чего достигли?

Я прошу руководителей российской госбезопасности и парламентские комиссии по контролю над этими службами не оставить мой рассказ без внимания, расследовать тот давний случай покушения на мою личность и обнародовать результаты расследования. Речь, подчеркиваю, идет, возможно, об опытах, которые не только представляли опасность для нашего общества в прошлом, но могут быть еще опаснее в будущем.

информ-реклама

РОССИЯ

АКЦИОНЕРНЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕРН
"РОССИЯ"

- Возведение малоэтажных зданий
- Все виды отделочных работ
- Установка спец. оборудования
- Капитальный ремонт зданий
- Монтаж инженерных коммуникаций
- Ремонт жилых зданий
- Проектные работы

**МЫ СТРОИМ БЫСТРО, КАЧЕСТВЕННО.
ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРОЕКТАМ**

ЗВОНИТЕ СЕГОДНЯ
Т. 413-35-91, 121-12-83

РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО **FASSAD**

Сергей ДОВЛАТОВ

Игрушка

— Дядя Гриша! Вам нужна машина?!

Он вздрогнул. Когда его неожиданно окликали, писатель вздрагивал. Это началось давно, еще с армейских лет, когда писатель был охранником в Мордовии.

— Дядя Гриша!

Григорий Борисович с досадой и облегчением прервал работу. Вышел на крыльцо.

— Это я — Ариэль. Я машину принес...

Действие происходило в летней русской колонии чуть западнее Монтиселло. Ариэль был племянником Мишкевицеров. Писатель жил от них в двадцати метрах, ближе к железнодорожной линии. Еще левее жили Касперовичи.

— Вы спрашивали про машину. Я наигрался. Ваша очередь.

— А, — сказал писатель, — наконец-то...

Разговор этот начался еще вчера. Григорий Борисович заметил машину, с жужжанием катившуюся по траве. Следом шел Ариэль. В руках у него была черная продолговатая коробочка.

Писатель счел нужным заметить:

— Однако...

Что означало, например — додумаются же люди!..

И вот явился Арик.

— Хотите поиграть?

— Еще бы.

— Тогда смотрите.

В спешке Ариэль начинал заикаться. При этом речь его звучала с какой-то дополнительной отчетливостью.

— Вот смотрите. Так включается. Так выключается. Так вправо. Так влево. А так, значит — прямо. Поняли? Учтите — заднего хода нет.

— Как всегда, — реагировал писатель.

Ариэль убежал.

Григорий Борисович тронул пластмассовый рычажок. Машина с жужжанием покатила вдоль газона. Из-под нее вылетали мелкие камешки. Писатель сделал неосторожное движение. Машина резко повернула в сторону. Левое крыло ее уперлось в стену.

Писатель выключил мотор. Затем сказал: «Фантастика», и удалился. Коробочку оставил на подоконнике. Рядом, возле кривоватой дачной лампы, ожидали его сенсационные мемуары Яновского.

Затем был телефонный звонок из Нью-Йорка. Приходила Фаина жаловаться на мужа. Звучала по карманному радио «Ленинградская» симфония Шостаковича. Вслед за Шостаковичем явился Мишкевицер. Интересовался погодой на завтра.

Ариэль появился вечером, когда уже стемнело:

— Поиграли?

— Конечно, — сказал писатель, — увлекся. Все дела забросил...

— А где машина?

Машины не было. Коробочка лежала на подоконнике.

— Странно, — удивился писатель, — может, дети взяли?

— Не беспокойтесь, — сказал Ариэль, — я найду.

— Спроси у Левушки. Или у Буси...

— Не беспокойтесь...

Наутро мальчик появился снова.

— Ну как дела? — спросил писатель.

Он не выспался. Пил среди ночи кофе.

— Они не брали.

— Ты о чем? — спросил Григорий Борисович, — ах, да...

— Они не знают, где машина.

— Так. Куда же она могла деваться?

Ариэль задумался, потом сказал:

— А вы под домом смотрели?

— Нет.

— Наверное, она под домом.

Григорий Борисович тяжело опустился на колени. Припал к сыроватой земле. Вдыхая болотный запах, протиснулся между двумя гнилыми столбами.

— Фонарик принести?

— Давай.

Под домом обнаружили лыжи, железная решетка, мяч и корпус гитары без струн. Машины не было.

Писатель оглядел свои испачканные брюки.

— Что-то фантастическое, — сказал он.

— Не беспокойтесь, — утешил его Ариэль, — подумаешь.

Мне дядя Леня новую купит. У него знаете сколько долларов?

— Сколько? — вдруг заинтересовался Григорий Борисович.

— Очень много. Думаю, больше ста.

И затем:

— Вы под кроватью не смотрели?

— Я посмотрю, — сказал Григорий Борисович.

Писатель отодвинул кровать. Заглянул в кладовку. Покрылся в ящиках стола.

— Я завтра приду, — сказал Ариэль.

С этого дня началась ежедневная пытка. Рано утром к нему заходил Ариэль.

— Я только хотел спросить насчет машины.

— Как сквозь землю провалилась, — жаловался писатель.

— Ничего. Я вечером зайду.

В конце недели Григорий Борисович принял решение. Дневным автобусом поехал в Монтиселло. Зашел в игрушечный магазин «Глэйленд». Выбрал машину за сорок шесть долларов. Вернулся. Разыскал Ариэля и вручил ему большую, довольно тяжелую коробку.

— Играй, — сказал он.

Мальчик смутился:

— Зачем? — говорил он, срывая пластиковую ленту, — не беспокойтесь. Она найдется...

А потом:

— К тому же это, в общем, другая машина. Капот не открывается.

— Капот? — переспросил Григорий Борисович, — а я и не заметил. Колеса, думаю, на месте... Дверцы, руль...

— Это не та машина, — весело сказал Ариэль.

И положил ее в коробку. Поролоновые крепления вставил. Ленту приклеил на старое место.

— Может, сойдет? — улавлившим голосом выговорил писатель.

— Вы не беспокойтесь. Подумаешь, машина. У меня их штук двадцать пять. Правда, у той был капот. И фары.

— У этой тоже фары.

— У той были никелированные... Она найдется. Вы на кухне смотрели?

— Смотрел.

— А за плитой?

— За плитой еще не смотрел.

— Может, она там?

Григорий Борисович вынул из стола рейсшину. Долго водел ею за газовой плитой. Выкатил оттуда россыпь дряни, напоминавшей экскременты.

— Не густо, — сказал писатель.

— Найдется, — в который раз повторил Ариэль...

Короче, лето превратилось в ад. Ариэль, появлялся, как

тень отца в «Гамлете». Ужасом веяло на писателя от его слов:

— Не беспокойтесь. Она найдется.

Писателю снились автомашины. Они съезжались к нему, беспомощному — черные, громадные. Капоты их были угрожающе подняты. Никелированные фары сверкали.

Писатель обратился к Мишкевицеру. Тот сказал:

— Да бросьте. Подумаешь, машина. У него их целый автопарк. Найдется... Вы на чердаке смотрели?

— Нет у меня чердака, — сказал писатель.

Он почувствовал, что близок к нервному срыву. Забросил все свои дела. Позвонил в Нью-Йорк литературному агенту Гордону Брукмайеру.

— Помнишь, Горди, ты хотел отдать мне свой автомобиль?

— Бери. Он только даром место занимает.

— Какая марка?

— «Бьюик-ригал», семьдесят первого года. Что называется, в рабочем состоянии. Для новичка в самый раз.

— Фары никелированные?

— Вроде бы.

— Капот поднимается?

— Как это? Зачем ему подниматься?

— Не поднимается капот?

— Поднимается, когда надо.

— Ну, слава Богу...

— Радуйся, мизерабль, — сказал Ариэлю писатель, — ликуй. В четверг тебе пригонят настоящую машину.

— Новую?

— Почти. «Бьюик» семьдесят первого года.

— Знаю, — сказал Ариэль, — всего шесть цилиндров. К тому же я еще маленький. А когда вырасту, дядя Леня подарит мне новенькую «Тойоту»...

Писатель удалился, сгорбившись, жестикулируя и беззвучно шевеля губами.

А потом неожиданно все разъяснилось. Машину утащил хозяйский пес Дунай. Она поблескивала в глубине его невзрачной будки, как сокровище. Когда хозяин вытащил машину, на боках ее обнаружились глубокие следы зубов.

Теперь писатель часто видел Ариэля около собачьей конуры. Мальчик приближался к Дунаю, беседовал с ним. Что-то внушал ему настойчиво и мягко. Дунай виновато скулил и припадал к земле. Задние лапы его судорожно вздрагивали.

— Ничего, — издали шептал псу Григорий Борисович, — потерпи. Лето все равно уже кончается.

**ЕСЛИ ВЫ
ХОТИТЕ
ЗАРАБОТАТЬ,**

**распространяйте
журнал «Столица»!**

**☎ для справок:
928-27-69,
928-10-34**

**С каждого проданного
номера Вы получите
не меньше 50
копеек.**

чались публике в отличие от замкнутого Тьеполо.

Отныне скупая контурная линия стала любимым средством для изображения античности. В России под влиянием Флаксмана Федор Толстой создает свои иллюстрации к «Душеньке», и к тому же источнику, что и Флакسمан, к вазописи, отсылает Бисти, советский иллюстратор «Илиады».

Парадоксальным образом предтечей неоклассицизма Флаксмана выступил Рубенс, художник, ставший символом барокко. В бравурной и немного карикатурной манере он создает эскизы для серии шпалер, посвященных истории Ахилла. Рубенс был, пожалуй, самым интеллектуальным художником своего времени, он прекрасно знал латынь, имел представление о греческом, но дух барокко превращает его живопись в поток горячего движения; распаренные во фламандской бане рубенсовского воображения, герои далеки от гомеровского гекзаметра. Однако Рубенс лучше, чем Флаксман и Тьеполо, и даже, может быть, лучше, чем римский мастер, оставивший нам фреску «Гнев Ахиллеса», передал «свирепство» спора греческих героев.

Спор этот продолжался несколько тысячелетий, ровно до тех пор, пока были живы герои. Эпоха «ампир» Наполеона Бонапарта погранична: с крушением последнего великого повелителя совпадает появление культурных мифов нового времени, имеющих принципиально другую природу. Одним из таких мифов стал сам Гомер. В картине Энгра «Апофеоз Гомера» он больше похож на императора, чем на поэта. Хотя имя Гомера было хорошо известно еще в средние века, вплоть до конца XVIII века его произведения знали по латинским переводам и пересказам. Неоклассицизм с его археологической достоверностью открыл древнегреческое искусство. Греция была провозглашена колыбелью цивилизации, а Гомер — самым гениальным поэтом всех времен и народов. Вознесенный на трон, коронуе-

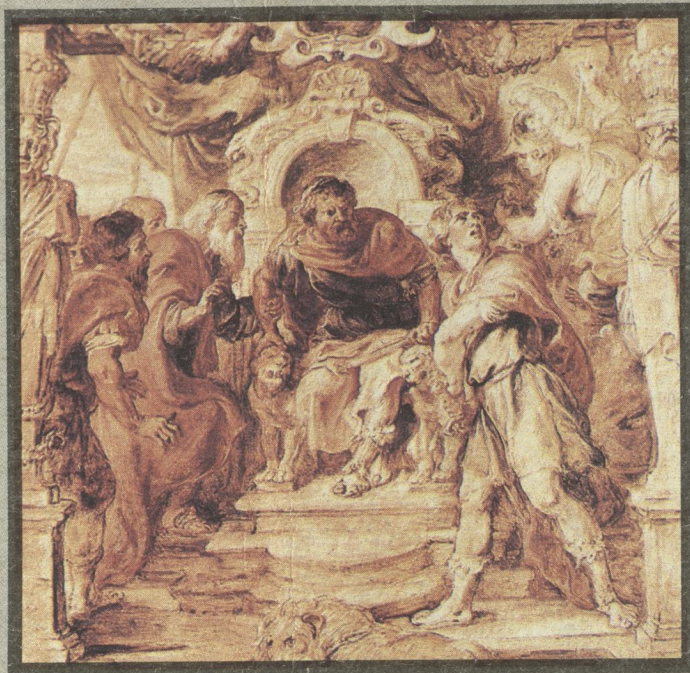

Дж.Б.Тьеполо
«Спор Ахилла и Агамемнона»

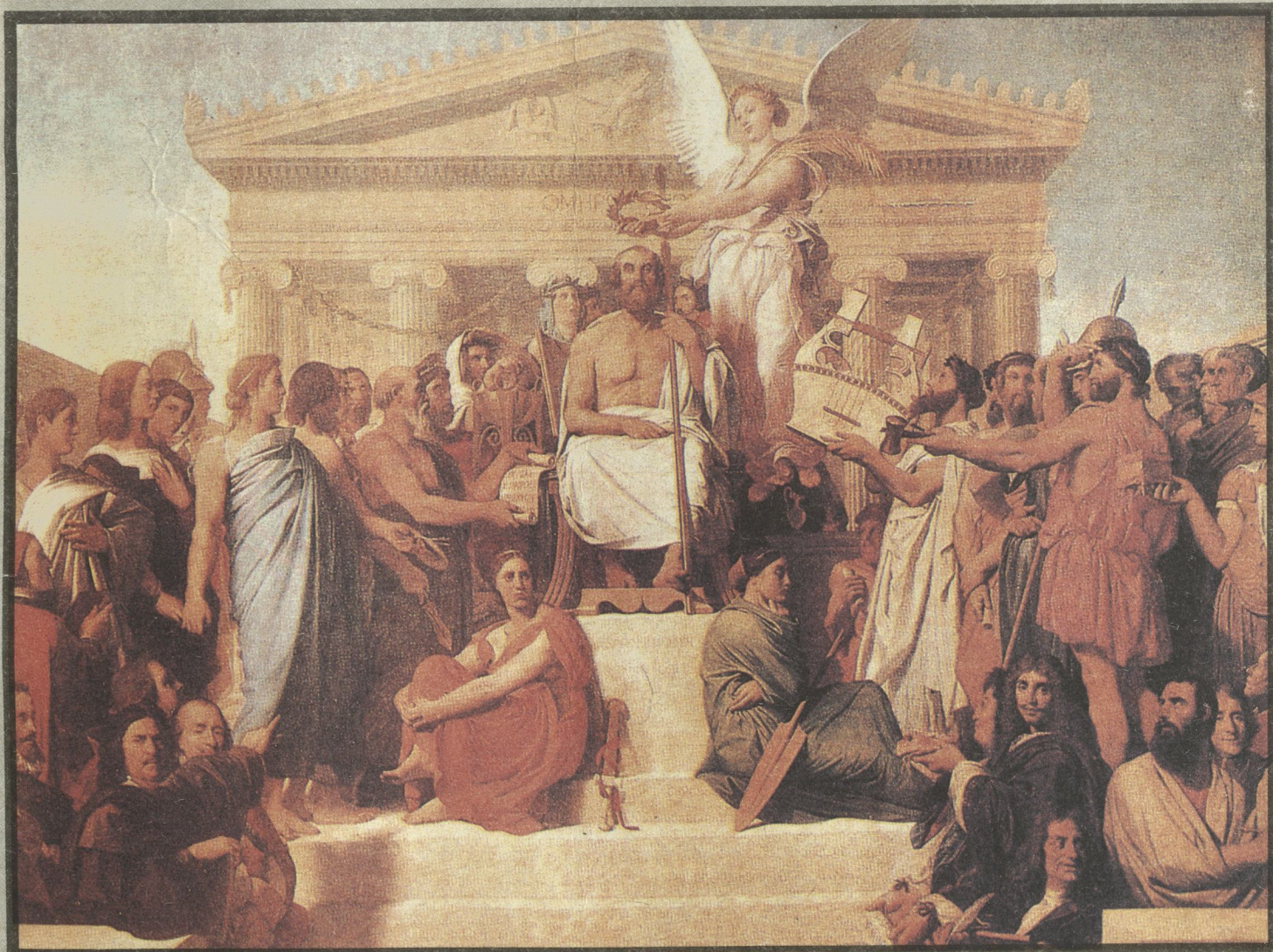
мый богиней Славы — Нике, Гомер на картине Энгра принимает поклонение от всей мировой культуры. Около трона сидят две аллегорические женские фигуры: Илиада в кроваво-красном плаще и Одиссея в плаще цвета морской волны.

Картина Энгра написана в 1826 году, то есть через пять лет после смерти Наполеона. Любимый художник павшего императора в новое, бурбоновское время, измельчавшее и обуржуазившееся, создает произведение, проникнутое стилистикой великой эпохи, получившей название «ампир», когда солдаты были

похожи на древних героев, генералы — на полубогов, а император общался только с олимпийцами. Подобно самой эпохе «ампир», картина Энгра рубежная: выводя автора на авансцену, делая Гомера главным персонажем его собственного действия, живописец — хочет того или нет — отстраняет декларируемый героизм. По сути дела, на этой картине кончается время героев и наступает время литературы об этих героях. Спор Ахилла и Агамемнона таким образом был исчерпан.

Рубенс. «СПОР АХИЛЛА И АГАМЕМНОНА»

Энгр. «АПОФЕОЗ ГОМЕРА»

Фирма «ГРАФИКА-М» + фирма «TRODAT»

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ФИРМЫ **trodat** В СССР

Графика·М

Москва, 109004, Б. Коммунистическая, 23

272-00-69

272-14-87

271-10-05

Графика
М

Самокрасящиеся
штампы и печати.
Наборные
минитипографии
Нумераторы
и многое другое

